ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Nº3 - 2014

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. aдресу: chsu1999@yandex.ru Сайт журнала: http://chsu.kubsu.ru

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам гл. редактора); Бедерханова В.П., д-р пед. наук, проф.; Ермоленко В.В., д-р экон. наук, доц.; Иванов А.Г., д-р ист. наук, проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. наук, доц.; Кольба А.И., д-р. полит. наук, доц. (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., отв. секретарь; Аузаков А.А., д-р психол. наук, доц.; Ожигова А.Н., д-р психол. наук, проф.; Остапенко А.А., д-р пед. наук, проф.; Рябченко Н.А., канд. полит. наук (тех. директор); Рябикина З.И., д-р психол. наук, проф.; Орченко В.М., д-р филос. наук, проф.; Орченко В.М., д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора), Жаде З.А., д-р полит. наук, проф.; Оберемко О.А., канд. социол. наук, доц.

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); Бодалев А.А., д-р психол. наук, проф., академик РАО, Россия; Дмитриев А.В., д-р филос. наук, проф., членкорреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); Дёмин А.Н., д-р психол. наук, проф., зам. гл. редактора (КубГУ, Россия); Дженкинс Р., д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); Журавлев А.Л., д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); Знаков В.В., д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); Кесслер Юрген, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); Кузьмина Н.В., д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); Подшивалкина В.И., д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); Никовская Л.И., д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); Оркени А., д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); Поцелуев С.П., д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); Романова А.П., д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); Семененко И.С., д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); Сморгунов Л. В., д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); Фадеева Л.А., д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); Шабров О.Ф., д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); Швецов А. Н., д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О. Л.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать ??.09.2014. Уч.-изд. л. 10,89. Усл. печ. л. 11,17. Тираж 1000 экз. Заказ №

801(a))(6)11(a

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В XXI ВЕКЕ: ПАРТИИ, ВЫБОРЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ

Семененко И. С. Потенциал европейской идентичности как ресурса
политической интеграции (что показали выборы в Европарламент) $\dots \dots 7$
Φ адеева Λ . A . Университеты как субъекты конструирования европейской
идентичности22
Π рохоренко И. Л. Проблема европеизации национальных политических
партий в государствах-членах Европейского Союза
<i>Казаринова Д. Б.</i> Европейское гражданство и культурное разнообразие
в Европе: проблемы соотношения
Погорельская С. В. Европейская интеграция как фактор трансформации
национальных партийно-политических систем: пример Германии
<i>Холодковский К. Г.</i> Национальный контекст выборов и их европейское
значение (казус Италии)59
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ
Знаков В. В. Экзистенциальный опыт и постижение как методологические
проблемы психологии понимания67
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
<i>Де Мартино М.</i> Глобализация, европеизация и интернационализация
в системе высшего образования: пример Италии
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
<i>Дрягалов В. С., Тоичиев М. С.</i> Этническая и конфессиональная идентичности
студентов в условиях обострения проблем культурной и конфессиональной
безопасности поликультурного региона
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Верстова М. В., Верстов В. В. Особенности этнической толерантности
и ценностных ориентаций курсантов университета МВД России
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ
РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ133
РЕЦЕПЭИРОВАНИЕ РУКОПИСЕИ

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal



Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 roam № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 404N, Krasnodar 350040, Russian Federation tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at chsu1999@yandex.ru.
Web-site: http://chsu.kubsu.ru

Editorial Board:

Prof. Tatyana T. Avdeeva, Dr. Sci. (Economics), Deputy editor-in-chief; Prof. Vera P. Bederkhanova, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. Aleksandr G. Ivanov, Dr. Sci. (History); Prof. Zuriet A. Zhade, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. Vladimir V. Yermolenko, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. Aleksandr. N. Kimberg, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. Aleksey I. Kolba, Dr. Sci. (Political Science), Deputy editor-in-chief; Galina S. Kourbatova, Executive Editor; Assist. Prof. Andrey A. Louzakov, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Liudmila N. Ozhigova, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Andrey A. Ostapenko, Dr. Sci. (Pedagogy); Natalya A. Ryabchenko, Cand. Sci. (Political Science), Technical Director; Prof. Zinaida I. Ryabikina, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Galina V. Fomenko, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Viktor M. Yurchenko, Dr. Sci. (Philisophy), Deputy Editor-inchief; Oleg A. Oberemko, Cand. Sci. (Sociology).

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. Tatyana A. Alekseeva, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. Aleksey A. Bodalev, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia; Prof. Anatoly V. Dmitriev, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. Andrey N. Demin, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. Richard Jenkins, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Greate Britain; Prof. Yuri P. Zinchenko, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. Viktor V. Znakov, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. Anatoly L. Zhuravlev, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. Jürgen Keßler, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. Nina V. Kuz'mina, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. Valentina I. Podshivalkina, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. Larissa I. Nikovskaya, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. Antal Orkeny, DsC , Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. Sergey P. Potseluyev, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. Anna P. Romanova, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. Irina S. Semenenko, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. Leonid V. Smorgunov, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. Liubov A. Fadeeva, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. Oleg F. Shabrov, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. Aleksandr N. Shvetsov, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. Olga Januškevičienė, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

0001111115

POLITICIZATION OF THE EUROPEAN INTEGRATION IN XXI-ST CENTURY: PARTIES, ELECTIONS AND IDENTITIES

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS
INFORMATION FOR THE AUTHORS132
of the students of the university of the russian ministry of internal affairs $\dots 113$
Verstova M.V., Verstov V.V. Peculiarities of the ethnic tolerance and value orientations
SOCIAL PSYCHOLOGY
of the multicultural region
the conditions of worsening problems of cultural and confessional safety
Dryagalov V.S., Topchiev M.S. Students' ethnic and confessional identities under
SECURITY PROBLEMS
education: the case of Italy83
De Martino M. Globalization, internationalization and Europeanization in higher
PROBLEMS OF EDUCATION
of understanding psychology67
Znakov V.V. Existential experience and comprehension as methodological problems
THEORY AND METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY
(Case of Italy)59
Kholodkovsky K.G. National context of elections and their European significance
party and political system: case of Germany51
Pogorelskaja S.W. European integration as a factor of transformation of national
of correlation
Kazarinova D.B. European citizenship and cultural diversity in Europe: problems
in the member-states of the European Union
Prokhorenko I. L. Problem of Europeanization of national political parties
Fadeeva L. A. Universities in constructing of a European identity22
(What did the 2014 European Parliament elections show?)
Semenenko I.S. Potential of European identity as a resource of political integration

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В XXI ВЕКЕ: ПАРТИИ, ВЫБОРЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ

Вконцемая 2014 г. в Евросоюзе (ЕС) прошли очередные выборы в Европейский парламент (ЕП). Итоги выборов стали отправной точкой для анализа тенденций развития политической системы ЕС и перспектив европейского интеграционного проекта на заседании круглого стола «Политизация европейской интеграции в XXI веке: партии, выборы, идентичности». Круглый столбыл организован в ИМЭМО РАН Отделом международно-политических проблеми Центром сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований в ходе реализации проекта 7-ой рамочной программы обмена научными кадрами «Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические изменения». Дискуссия продолжила серию обсуждений теоретико-методологических проблем анализа социально-политических изменений и тенденций развития глобального мира. В ней приняли участие ученые-специалисты по политическим проблемам европейской интеграции из ведущих научных центров России.

О высоком когнитивном потенциале междисциплинарных исследований социально-политических изменений свидетельствует представленный в выступлениях участников круглого стола анализ противоречивой динамики институтов ЕС и европейской политии. Речь идет не только о взаимодополнении политико-институционального, экономического, социокультурного и политико-психологического анализа, но и о сочетании макрополитического (изучения политических институтов и процессов) и микрополитического (индивидуального) его измерений, о выявлении взаимосвязи между трансформацией институтов и динамикой европейской идентичности, отражающей восприятие и утверждение европейского проекта в сознании и повседневном опыте граждан Европы. Подробный отчёт о состоявшейся дискуссии размещён на сайте ИМЭМО РАН (http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1126&p=&ret=498). В этом номере журнала мы публикуем ряд статей, написанных участниками круглого стола на основе их выступлений.

ПОТЕНЦИАЛ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕСУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (ЧТО ПОКАЗАЛИ ВЫБОРЫ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ)

И.С. Семененко¹

В статье поставлена проблема оценки ресурсного потенциала европейской идентичности в продвижении европейского интеграционного проекта. Наращивание усилий по формированию общих ориентиров идентичности со стороны структур ЕС связано со стремительным ростом культурной разнородности Европы и регионального сепаратизма, с последствиями финансового кризиса и напряжением конструкций социального государства: охлаждение заметной части рядовых граждан к европейскому проекту, проявившееся в ходе состоявшихся в мае 2014 г. выборов в Европарламент, заставляет искать новые опоры за рамками испытывающих кризис легитимности институтов. Ключевые направления этих усилий — создание общего европейского метанарратива силами известных интеллектуалов, путем организации открытых дискуссий на сетевых ресурсах, продвижения научных исследований по тематике, а также культурных и образовательных проектов, формирующих пространство присутствия идеи единой Европы в повседневной жизни ее граждан. Поддержку европроекта в массовых группах определяет его реальная польза для конкретного человека, распространение общих социальных практик и возможностей участия в них, присутствие образов Европы в повседневном жизненном опыте.

Теоретико-методологические проблемы концептуализации европейской идентичности связаны с необходимостью четкого определения вкладываемых в это понятие смыслов и выявления механизмов ее формирования. Прогнозирование политических перспектив и возможных сценариев развития европейского проекта предполагает сочетание политико-институционального и социально-психологического анализа, оценку динамики вложенных и ситуативно совмещаемых идентичностей, возможностей и ограничений в конструировании идентичности.

Ключевые слова: европейская идентичность, европейская интеграция, Европейский союз, выборы, Европейский парламент, евроскептицизм, антимейнстрим, популизм, идея единой Европы, национальная идентичность, культурное разнообразие, нарратив, повседневность.

Сегодня тематика идентичности повсеместно присутствует в публичном пространстве единой Европы. Дискуссия о природе и потенциале европейской идентичности стала неотъемлемой частью научного и экспертного дискурса о

¹ Семененко Ирина Станиславовна – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, зав. сектором прикладных социально-политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО, г. Москва, Россия. Эл. почта: isemenenko@mail.ru.

настоящем и будущем европейского интеграционного проекта. Хотя само понятие европейской идентичности может трактоваться расширительно — как цивилизационное самостояние населяющих Европу народов, в том числе и народов России (стоит вспомнить известное высказывание Шарля де Голля, президента Франции — одного из локомотивов тогдашнего ЕЭС, о Европе «от Атлантики до Урала»), но применительно к нынешней Европе-28 в публичной дискуссии и в экспертной литературе прежде всего имеется в виду самоидентификация с Евросоюзом (гражданством ЕС и другими его институтами). На этой основе может формироваться активный европеизм, приверженность идее единой Европы, поступательному развитию европейской интеграции. Европейская идентичность получает в этом контексте политическое измерение. Результаты выборов в представительный орган Евросоюза — Европейский парламент (ЕП) — дают возможность оценить поддержку гражданами стран-членов интеграционного проекта и направления возможных коррективов его приоритетов².

Выборы в Европарламент как барометр общественных настроений

Прошедшие в мае 2014 г. выборы в ЕП обнаружили рост скептических настроений заметной части избирателей в отношении нынешней политики ЕС и перспектив европейского проекта: электоральная поддержка партий и движений, выступающих с критикой политики Евросоюза, выросла в целом ряде стран — от традиционно европессимистической Великобритании до стабильно отличавшейся (до недавних пор) еврооптимизмом Италии. По итогам майских выборов праворадикальные партии и движения, выступающие с острой критикой нынешнего курса ЕС и самой модели интеграции, вышли на первые позиции во Франции («Национальный фронт» во главе с Марин Ле Пен), Великобритании (Партия независимости Соединенного королевства Найджела Фараджа) и Дании (Датская народная партия) и увеличили электоральную поддержку в Германии («Альтернатива для Германии»), Австрии (Австрийская партия свободы), Швеции («Шведские демократы»), Финляндии («Истинные финны») и Греции («Золотая заря»). Однако такое продвижение произошло далеко не везде. Так, евроскептики потеряли позиции в Польше, в Южной Европе успеха добились партии антимейнстрима, позиционирующие себя на противоположном фланге политического спектра или намеренно дистанцирующиеся от определенных идейных предпочтений. Особенно показателен успех созданного в Испании весной 2014 г. на основе самоорганизовавшихся на местах ячеек прямой (ассамблейной) демократии движения «Podemos»

² Вектор развития ЕС и природа европейской политии стали предметом дискуссии в научном и экспертном сообществах в России в свете оценки перспектив европейской и евразийской интеграции и места России в глобальном мире. 9 июня 2014 г. в ИМЭМО РАН состоялся круглый стол по теме «Политизация европейской интеграции в XXI веке: партии, выборы, идентичности», по итогам которого подготовлены публикации рубрики (см.: Политизация европейской интеграции в XXI веке: партии, выборы, идентичности, 2014).

(«Мы можем»). Движение выступило под лозунгами гражданского контроля и социальной направленности публичной политики в Испании и в Европе и сразу вышло на четвертую позицию в раскладе политических сил, завоевав 5 мест в ЕП. Хотя о долговременных перспективах этой избирательной платформы и ее харизматичного лидера Пабло Иглесиаса говорить рано, ее электоральная поддержка указывает на потребность в новых формах политического представительства за рамками традиционных институтов представительной демократии, обозначившуюся повсеместно в странах Запада на рубеже 2000-х гг. (подробнее об этом см. [Глобальный мир, 2014]).

Показательны своей неоднозначностью результаты голосования в Италии: традиционно демонстрировавшие высокий уровень поддержки интеграции итальянские избиратели отдали 21% голосов (17 мест в ЕП) движению «Пять звезд» Беппе Грилло, ярого противника членства страны в зоне евро, а всего за выступающие с критикой ЕС партии проголосовало около половины пришедших на выборы итальянцев. Однако движение Грилло не вышло на рекордные рубежи, о которых широковещательно заявлял их лидер, его электоральная поддержка по сравнению с прошлогодними результатами парламентских выборов сократилась: деструктивные позиции «Пяти звезд» начинают разочаровывать избирателей. В то же время рекордное для Италии большинство голосов (40,8% и 31-е место в ЕП) собрали последовательные сторонники интеграции — левоцентристы (Демократическая партия — ДП). Лидер ДП Маттео Ренци в настоящее время возглавляет итальянское правительство и призывает «работать на благо Италии, которая изменит Европу». Он сторонник последовательной федерализации ЕС. Это хорошая «новость» для объединенной Европы, в которой Италия надеется вернуть лидирующие позиции³. Но у рядовых итальянцев в чувстве принадлежности к Европе появился горький привкус: вопреки надеждам еврооптимистов, европеизация пока не стала мотором для выхода страны из «ловушки неразвития».

В ЕП нового состава по-прежнему доминируют проевропейские силы, но разнородность политического спектра евроскептиков и антиевропеистов не позволяет им создать мощные консолидированные парламентские группы. Однако важны не столько непосредственные результаты прошедшего голосования, сколько их значение как барометра общественных настроений: итоги голосования указывают на готовность части населения поддержать попу-

 $^{^3}$ Подробнее о результатах выборов в Италии и долговременных политических тенденциях, которые они высветили, см. статью К.Г. Холодковского в настоящем номере журнала.

⁴ Европеизация подразумевает приспособление национальных и субнациональных систем управления к общеевропейским нормам и к существованию в условиях наличия европейского политического центра. При этом «посылаемые Евросоюзом сигналы "дешифруются" и видоизменяются под влиянием особых национальных традиций, разных идентичностей, дискурсивных паттернов и наличных ресурсов, что ставит предел конвергенции и повышению степени однородности национальных политических систем» [Стрежнева 2014, с. 89, с. 107].

листские лозунги, выдвигаемые вчерашними политическими маргиналами. Антииммиграционная риторика прочно вошла в лексикон антимейнстрима, и поддержка таких требований заставляет просистемные партии корректировать свой политический курс. При этом представляющие Южную Европу несистемные партии и движения не выступают против интеграции как таковой, а в основном ратуют за выход из зоны евро и отмену спущенных от имени ЕС мер жесткой экономии. В то же время большинство праворадикальных партий Северной Европы требуют пересмотреть саму модель единой Европы в сторону укрепления национального суверенитета и союза государств. Из праворадикального лагеря во весь голос звучат не просто скептические высказывания в отношении перспектив европейского проекта в его нынешнем виде, но призывы «разложить его изнутри» [European elections 2014 Q&A, 2014]. Именно на этом делает упор лидер французского «Народного фронта» Марин Ле Пен.

Евроскептики критикуют непопулярное антикризисное регулирование, предъявляют счет издержек, не компенсирующих, по их мнению, приобретения от интеграции. Уровень явки на майских выборах (43,11% в среднем по Европе, близкие к антирекорду 2009 г. в 43%, абсолютный минимум в 13% зафиксирован в Словакии, а в Польше голосовать пришли менее четверти избирателей) указывает на отчужденность граждан от наднациональных институтов и не преодоленный «демократический дефицит», постоянный спутник становления наднациональной политии. В этом контексте встает вопрос о будущих контурах и локомотивах европейского проекта. Поддержание общего социокультурного пространства и формирование общих смыслов и ориентиров развития становятся ресурсами продвижения европейской интеграции, потенциал которых еще предстоит оценить.

Европейская идентичность вчера и сегодня: дискурсы и нарративы

Первый официальный документ Евросоюза (тогда — ЕЭС), специально посвященный теме европейской идентичности, появился в 1973 г. Эта тема обсуждалась тогда исключительно в контексте выработки общих позиций странчленов на международной арене [Declaration on European identity, 1973]. С тех пор акценты кардинальным образом изменились и проблемы утверждения европейской идентичности как самосознания граждан европейской политии, разделяющих общие ценности демократии, правового государства, прав человека, стали частью повестки дня европейской интеграции. Подготовка и обсуждение проекта европейской конституции в начале 2000-х гг. и его провал по итогам голосования в ряде стран-членов актуализировали эту дискуссию.

Число научных публикаций по данной тематике исчисляется на сегодняшний день сотнями⁵. Основные направления включают концептуализацию ев-

⁵ Список публикаций по тематике европейской идентичности (до 2009 г. более 100 названий) см.: EuroIdentities. The Evolution of European identity: Using biographical methods to study

ропейской идентичности, изучение ее природы и механизмов формирования [Bruter, 2005; Hermann, Risse, Brewer, 2004; Checkel, Katzenstein, 2009], оценку ее роли в продвижении интеграционных процессов в Европе [Cram, 2010]. Большинство ученых, исследующих проблему, работают в русле конструктивистского подхода, но есть и иная позиция: идентификация граждан с Европой рассматривается как продукт долговременной социализации и продвижения по пути решения социальных проблем, а ее процессуальный и контекстный характер ставит сам концепт под вопрос [Duchesne, 2008]. Такого рода проблемы бросают социальным наукам серьезный методологический вызов, который изучающие влияние идеи единой Европы на самосознание ее граждан пытаются решить, внедряя новые аналитические инструменты и методики (см., например [Bruter, Lodge, 2013]).

Главным источником замеров настроений массовых групп граждан стран Евросоюза были до недавних пор и во многом остаются стандартные социологические опросы «Евробарометра». Однако обращение к тематике идентичности в общественных науках и изучение механизмов операционализации идентичности в политической науке [Политическая идентичность..., 2011] показали, что само по себе сравнение приверженности национальному, региональному (локальному) или европейскому уровню самоидентификации в национальных контекстах мало что говорит о глубине эмоционального переживания той или иной идентичности, о ее значимости в системе индивидуальных и групповых предпочтений. Переживание и восприятие европейской и национальной самоидентификации заметно разнятся, а ориентиры могут быть более или менее определенными [Семененко, 2008]. Вывод о совместимости этих уровней, о «матрешке» или «мраморном торте» взаимопроникающих идентичностей, отнюдь не предполагающих вытеснения одной за счет другой, получил широкое признание и многочисленные эмпирические подтверждения (см. [Risse, 2004, pp. 251-252; Cram, 2010, p. 29]).

Данные массовых опросов дополнены в последние годы проектами по изучению предпочтений и ориентаций элитных групп. Основные их выводы указывают на отсутствие прямого противостояния сторонников и противников европейского проекта: радикальные евроскептики и радикальные евроэнтузиасты составляют меньшинство, а среди национальных элит доминируют (за исключением Великобритании) настроения умеренной поддержки процесса евроинтеграции [Cotta, Russo, 2012; Russo, Cotta, 2013]. Ее оценивают как «историю успеха», а будущее усматривают, например, в продвижении объединяющих силы участников целеориентированных инициатив (таких как Шенгенское соглашение и зона евро) — опор единой Европы. Но общего долговременного видения перспектив европроекта нет даже в группе «еврофилов», поэтому при-

the development of European identity. Published literature on European identity. URL: http://www.euroidentities.org/PublishedliteratureonEuropeanidentity/

зывы к действующим политикам обновить и усилить мотивацию европейского строительства, «возвратить душу бездушной Европе» звучат сегодня во весь голос [Can Matteo Renzi..., 2014], как, впрочем, и призывы остановить поступательное развитие интеграционных процессов, повернуть к «Европе наций».

Богатый материал для оценок самоидентификации рядового гражданина дает получивший широкое распространение в европейских исследованиях идентичности биографический подход. В рамках таких исследований собираются и анализируются жизненные стратегии людей, непосредственно затронутых или прямо вовлеченных во взаимодействия в пространстве единой Европы — от получающих субсидии фермеров и профессионалов, имевших в свое время доступ к образованию за пределами своих стран в рамках европейских программ обмена студентами, до активистов организаций гражданского общества, вовлеченных в европейские культурные инициативы людей и перемещающихся через границы рабочих и иммигрантов из третьих стран [Euroidentities: The evolution..., 2012]. Биографический «микронарратив» ориентирован на изучение индивидуального опыта вхождения и пребывания в общем ментальном пространстве единой Европы и оценки своего места в этом пространстве.

С 1990-х гг. изучение идентичности получает целенаправленную поддержку Европейской комиссии. Сверхзадача продвигаемых под эгидой ЕК и других институтов ЕС исследований — «укрепление солидарности между гражданами Европы» [The development..., 2012]. Основания солидарности — общие ценности и общие представления о Европе, разделяемое гражданами восприятие Евросоюза как целостного общественного организма и вовлеченность в общее публичное пространство⁶. Юрген Хабермас — один из тех ученых, кто в последние десятилетия оказывает неоспоримое влияние на состояние политической дискуссии по проблемам развития Европы, — призывает политические элиты перейти от борьбы за поддержку в преддверии выборов к борьбе за формирование повестки дня развития ЕС. Он считает, что нужно «создавать мнения», которые могли бы противостоять предрассудкам и конкурировать на основе компетентной и заинтересованной вовлеченности граждан в процессы европейского строительства [Наbermas, 2014].

Преодоление пресловутого «демократического дефицита» возможно только при условии активной вовлеченности массовых групп. Но как решать эту представляющуюся очевидной задачу? Сбои в работе механизмов предста-

⁶ На решение таких задач направлен проект 7-й рамочной программы ЕС «Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические изменения» (7th Framework Programme. The People Programme. International Research Staff Exchange Scheme. European Identity, Cultural Diversity and Political Change), предусматривающий обмен научными кадрами ведущих европейских и российских научных центров и вузов. О проекте см.: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1041&p=&ret=751&year=2014&sem=467. Публикации рубрики подготовлены в процессе реализации этой программы.

вительной демократии, проявившиеся в последние годы на исторической родине таких институтов — в Западной Европе, связаны с разочарованием в их эффективности. Итоги прошедших выборов отражают и уровень протестного голосования против неэффективной политики и не вызывающих доверия политиков. Тем более остро стоит проблема отчуждения рядовых граждан от наднациональных институтов, функционирующих в процессе согласования интересов элитных групп. В экспертном сообществе есть понимание того, что до сих пор европейское строительство было результатом межэлитных договоренностей, а не «широких горизонтальных связей» между людьми [Held, McNally, 2014]. Поэтому открытие при институтах ЕС разнообразных каналов представительства групповых интересов (см. об этом [Семененко, 2001, с. 84-117]) дополняется в последние годы целенаправленной деятельностью поформированию общеевропейского социокультурного и политического пространства ЕС как международного региона (см. [Прохоренко, 2012, с.76]).

В конструирование метанарратива о Европе вовлечены авторитетные интеллектуалы. По приглашению Еврокомиссии известные политики, писатели, ученые, гражданские активисты из стран-членов и нечленов Евросоюза представляют свое понимание европейской идентичности, которое должно служить «катализатором идей и концептов будущего Европы на основе утверждения конструктивных европейских идентичностей» [Debates on European identity, 2013-2014]. Европа трактуется в этом контексте как «состояние ума и моральная и политическая ответственность, разделяемая гражданами континента» [New Narrative for Europe, 2013].

Целенаправленные усилия предпринимаются и для вовлечения рядовых граждан: для обсуждения острых проблем, предложения собственной повестки дня и обратной связи с политической элитой ЕС создана интерактивная платформа [Debating Europe, 2013-2014]. Разного масштаба проектов такого рода немало, однако заинтересованность и уровень участия в них остаются невысокими, и, как показали итоги выборов, евроскептических настроений они не компенсируют. В целом же эффективность инициатив европейских институтов по конструированию идентичности с помощью арсенала символической политики оказывается, по мнению авторитетных исследователей, зачастую «на удивление низкой» [Checkel, 2005, р. 815] (цит. по: [Cram, 2010, р. 14]).

После подписания Маастрихтского договора (1992 г.) придание европейского измерения преподаванию истории в школе стало вопросом практической политики. Под эгидой Совета Европы было подготовлено несколько учебников и книг для учителей по региональной истории (стран Балтии, Причерноморья и др.), но они не предложили общего видения региональной истории: нарративы оставались национально ориентированными [Van der Leeuw Roord, 2009]. В 2000-х гг. активно обсуждалась идея создания общеевропейского школьного учебника. В 2006 г. был выпущен франко-германский школьный учебник, осве-

щавший историю после 1945 г. [Geiss et Le Quintrec, 2006]. Инициатива вызвала неоднозначную реакцию, хотя, по мнению руководства общественной организации историков — Европейского общества обучающих истории (EUROCLIO), ее значение как отправной точки для разработки общего видения истории и для понимания роли школьной истории в продвижении европейского интеграционного проекта нельзя недооценивать [Van der Leeuw Roord, 2009]. Сам же проект оказался пока благим пожеланием: слишком велики расхождения в трактовке событий общей истории [Pingel, 2013], а преподавание национальной истории остается важнейшим инструментом политики государств по формированию национальной идентичности.

У истоков единой Европы в свое время стояла идея поддержания мира в послевоенном мире. Сегодня пути «европеизации» — это не столько создание общего нарратива, сколько поиски новых путей описания и подачи истории, ее общего видения через истории людей, через научную и публичную дискуссию [Correa Martin-Arroyo, 2013].

Европейская идентичность сегодня и завтра: ориентиры и практики

Утверждение европейской идентичности — далеко не всегда процесс целенаправленного конструирования. Становление идентичностей происходит в процессе социального взаимодействия, выстраивания социальных сетей, обмена товарами и услугами, через политический торг и мобилизацию. Утверждение европейской идентичности вписывается в этот контекст. Но это открытый процесс, участники которого — представители элитных групп, бизнеса, экспертного сообщества, гражданских и культурных инициатив — могут реализовывать в процессе коммуникации и собственные политические проекты [Checkel, Katzenstein, 2009, p. 3].

Самоотождествление с Европой дает, согласно данным опросов, высокие показатели, и большинство граждан (90%) уверено, что следующие поколения будут в большей степени «европейцами», чем они сами [Bruter, Harrington, 2013]. Это придает еврооптимистам уверенность в будущем, притом, что методика замеров такого рода — это экспериментальное поле в современной политической науке [Bruter, 2013]. Однако в самое понятие европейской идентичности вкладываются, как известно, разные коннотации: для значительной части граждан Европы важнее культурные смыслы (согласно опросам, это характерно, например, для Польши, Румынии, Литвы или бельгийской Фландрии), в то время как в ряде стран (Германии, Финляндии, Ирландии, Греции) доминируют гражданские ориентиры идентичности. Уровень самосоотнесенности с Европой высок в Италии, Испании, Португалии, Венгрии, Эстонии и бельгийской Валлонии, на порядок ниже он в Великобритании, Швеции, Дании и Литве.

Европейцами в заметно большей мере ощущают себя молодые люди и граждане ЕС с высоким уровнем образования, в старшем поколении заметнее проявляются евроскептические настроения [Bruter, Harrington, 2013]. Объяснение этому следует искать не только и не столько в большей восприимчивости молодежью нового, сколько в заметно большей вовлеченности в социальные практики и новые формы социализации, доступ к которым открывает членство в Евросоюзе. Присутствие Европы особенно заметно в культурной сфере — в проектах масштаба «Культурных столиц Европы», фестивалях, реставрации памятников под эгидой ЕС, новых культурных центрах, оставляющих долговечный след в культурном ландшафте европейских стран. В результате институты ЕС становятся значимыми для жизненного опыта конкретного человека. Сознательная поддержка рождается из такого повседневного опыта, о чем свидетельствует и изучение биографий его граждан.

В массе своей европейцы не хотят менять статус-кво, и европейская идентичность зиждется на «банальном европеизме» (banal Europeanism, см. [Cram, 2010]). Речь идет об имплицитном, часто подсознательном и зависящем от конкретных обстоятельств и потребностей самоотождествлении с Евросоюзом как источником политической власти. Формируются эти ориентации в первую очередь в бытовом контексте: через использование денег с европейской символикой, товаров с европейской маркировкой, европейских водительских прав и множество других практик, которые стали сегодня неотъемлемой частью повседневной жизни европейцев. Приверженцы «банального европеизма» могут быть и евроскептиками, при том что «рассеянный» евроскептицизм, в свою очередь, не угрожает напрямую подрывом устоев ЕС, если он не мобилизуется на политическом уровне [Сram, 2010, р. 15]. И такое повседневное, становящееся неотъемлемой частью жизни присутствие европейских институтов в личном пространстве гражданина Европы становится залогом продвижения европейского проекта.

Наращивание усилий по формированию общих ориентиров идентичности со стороны структур ЕС связано со стремительным ростом культурной разнородности Европы и регионального сепаратизма, с последствиями кризиса и напряжением конструкций социального государства [Глобальный мир, 2014]. Если ответы на эти вызовы предлагаются в рамках европейского регулирования, то поддержка европейского политического проекта будет консолидироваться. Вопрос о соотнесении приобретений и издержек от вовлеченности в интеграционный процесс имплицитно решается в пользу приобретений, если они зримо присутствуют в жизни людей.

Европейцы, как и другие обитатели планеты, находятся в процессе «незавершенного перехода» [Пантин, 2014], когда привычные институты и формы организации общественной жизни уже неэффективны, а альтернативные еще не появились. Углубляются разрывы между динамикой социальных ин-

ститутов и потребностями человека. Антикризисное регулирование заставило по-новому взглянуть на модели управляемости развитием, на возможные альтернативные модели [Семененко, Лапкин, Пантин, 2013]. Мир оказался, по словам Зигмунта Баумана, «перед лицом кризиса «политики как мы ее знаем»»; однако, в отличие от остального мира, европейцы живут «не в двухэтажном, а в трехэтажном доме: между глобальным и национальном уровне есть Евросоюз», и ЕС становится своего рода лабораторией для тестирования альтернативных моделей и подходов [Ваuman, 2014].

Такой оптимизм разделяют далеко не все: преодолеть разрыв между динамикой институтов и развитием человека не удается. Думается, что будущее европейского общежития во многом зависит от способности Европы предложить эффективные пути решения проблем социального государства и снижения потенциала конфликтности — и в самой европейской политии, и за ее пределами — в условиях растущей культурной разнородности современных обществ. На социальном фундаменте выстраивается пространство политического взаимодействия, которое придает регулированию долгое дыхание, заставляет искать новые ориентиры и новые смыслы, обновлять механизмы адаптации к меняющимся вызовам и выстраивать их в большем соответствии с духовными и материальными потребностями личности. Этот вывод актуален, как представляется, и для любого иного опыта реализации интеграционных проектов в мире, где процессы регионализации и региональной интеграции создают новые политические пространства, новые полюса развития и новые идентичности.

Потенциал европейской идентичности как ресурса интеграции определяет сочетание культурного разнообразия и общих цивилизационных оснований развития. Поддержание общего социокультурного пространства на основе объединяющих смыслов и ориентиров — вызов, который стоит перед современной Европой. Ответить на него путем конструирования общего нарратива сверху не удается. Отсутствие объединяющего дискурса отчасти компенсируется повседневными практиками и культурными инициативами, в которых материализуется европейская идея. Поддержание европейского публичного пространства само по себе оказывается политическим проектом, в ходе реализации которого выстраиваются опоры европейской идентичности.

Библиографический список

- 1. Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития (2014). В 2 т. Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), Н.В. Загладина, В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: ИМЭМО РАН.
- 2. Пантин, В. И. (2014). Незавершенный переход. В *Глобальный мир: к новым мо- делям национального и регионального развития* (с. 322-326). В 2 т./Под ред. И.С. Семененко, Н.В. Загладина, В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: ИМЭМО РАН.

- 3. Политизация европейской интеграции в XXI веке: партии, выборы, идентичности (2014). Режим доступа http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1126&p=&ret=498
- 4. Политическая идентичность и политика идентичности (2011). В 2-х т. Т.1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий / Под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН.
- 5. Прохоренко, И. Л. (2012). О методологических проблемах анализа политических пространств. *Политические исследования*, (6), 68-80.
- 6. Семененко, И. С. (2001). Группы интересов на Западе и в России: концепции и практика. М.: ИМЭМО РАН.
- 7. Семененко, И. С. (2008). Метаморфозы европейской идентичности. *Политические исследования*, (3), 80-96.
- 8. Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2013). Тренды и альтернативы развития современного мира (политико-институциональное измерение). *Мировая* экономика и международные отношения, (10), 19-32.
- 9. Стрежнева, М. В. (2014). Интеграционные процессы как фактор политических изменений в странах Евросоюза. В *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития* (с. 89-107). В 2 т./Под ред. И.С. Семененко, Н.В. Загладина, В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: ИМЭМО РАН.
- 10. Bauman, Z. Quo vadis, Europe? (2014). Retrieved from http://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/zygmunt-bauman/quo-vadis-europe
- 11. Billig, M. (1995). Banal nationalism. L.: Sage.
- 12. Bruter, M. (2005). *Citizens of Europe? The emergence of a mass European identity*. Houndmills, Basingstoke and N. Y.
- 13. Bruter, M. (2013) Measuring the immeasurable: Capturing Citizens European Identity. In M. Bruter, M. Lodge eds. *Political Science Research Methods in Action* (pp. 25-46). L.: Palgrave Macmillan.
- 14. Bruter, M. & Harrington, S. (2012). How European Do you Feel & The Psychology of European Identity. Retrieved from http://www.lansons.com/pdfs/eu-identity-brochure.pdf
- 15. Can Matteo Renzi give Europe back its soul? (2014). Retrieved from http://www.debatingeurope.eu/2014/07/01/can-matteo-renzi-save-european-union/#. U7VLE_l_sl8
- 16. Checkel, J. T. & Katzenstein, P. (2009). *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 17. Correa Martin-Arroyo, P. (2013). "Histoeuropeanisation": Challenges and Implications of (Re) Writing the History of Europe "Europeanly", 1989-2015. Thesis presented for the degree of Master of Arts in European Interdisciplinary Studies. Retrieved from http://www.academia.edu/4963011/_Histoeuropeanisation_Challenges_and_Implications_of_Re_Writing_the_History_of_Europe_Europeanly_1989-2015
- 18. Cotta, M., Russo, F. (2012). Europe à la carte? European citizenship and its dimensions from the perspective of national elites. In H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli eds. *The Europe of Elites. A Study into the Europeanness of Europe's Economic and Political Elites* (pp. 14-42). Oxford, Oxford University Press.

- 19. Cram, L. (2010). Does the EU Need a Navel? Banal Europeanism, Appreciated Europeanism and European Integration. Retrieved from http://www.jhubc.it/ecpr-porto/virtualpaperroom/014.pdf
- 20. Cram, L. (2012). Does the EU Need a Navel? Implicit and Explicit Identification with the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 50 (1), 71-86.
- 21. Debates on European identity (2013-2014)/Council of Europe. Retrieved from http://www.coe.int/t/policy-planning/debates/identity_debates/default_en.asp? toPrint=yes&
- 22. Debating Europe. (2013–2014). Retrieved from http://www.debatingeurope.eu/
- 23. European elections 2014 Q&A: Who are the far-right parties and can they bring down the EU and its governments? (2014). *Independent*, 26.05.
- 24. Declaration on European Identity. (1973). Retrieved from http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf
- 25. Duchesne, S. (2008). Waiting for a European Identity... Reflections on the Process of Identification with Europe. *Perspectives on European Politics and Society*, 9 (4), 397-410.
- 26. Geiss, P. & Le Quintrec, G. (2006). *Histoire/Geschichte. L'Europe et le monde depuis* 1945/Europa und die Welt seit 1945. Paris Leipzig.
- 27. Habermas, J. (2014). In favour of a strong Europe what does this mean? *Juncture*, 21 (1), 82-88.
- 28. Held, D. & McNally, K. (2014). Europe, the European Union and European identity. Retrieved from http://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/david-held-kyle-mcnally/europe-eu-and-european-identity
- 29. The development of European identity/Identities: Unfinished Business. A policy review. (2012). Brussels, EC.
- 30. Miller, R. & Day, G. (2012). *The evolution of European Identities. Biographical approaches*. L.: Palgrave Macmillan.
- 31. Pingel, F. (2013). History as a project of the future: The European history textbook debate. In K. V. Korostelina, S. Lassig eds. *History Education and Post-Conflict Reconciliation: Reconsidering joint textbooks* (pp. 155-176). Abingdon Oxon, N. Y.: Routledge.
- 32. Risse, T. (2004). European Institutions and Identity Change: What Have We Learned? In R. Hermann, T. Risse, M. Brewer eds. *Transnational Identities. Becoming European in the EU* (pp. 247-272). Lanham MD, Rowman and Littlefield.
- 33. Russo, A. & Cotta, M. (2013). Beyond Euroscepticism and Europhilia: multiple views about Europe. *Rivista Italiana di Scienza Politica*, XLII (3), 1-24.
- 34. Van der Leeuw Roord, J. (2009). A common textbook for Europe? Utopia or a Crucial Challenge? Retrieved from http://www.culturahistorica.es/joke/textbook_for_europe.pdf

Статья поступила в редакцию 27.06.2014.

POTENTIAL OF EUROPEAN IDENTITY AS A RESOURCE OF POLITICAL INTEGRATION (WHAT DID THE 2014 EUROPEAN PARLIAMENT ELECTIONS SHOW?)

I.S. Semenenko

Irina S. Semenenko, Dr Sc (Politics), head of section, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: isemenenko@mail.ru.

The article raises assesses the resource potential of European identity in promoting the European integration project. The build-up of efforts to generate common milestones of European identity by the EU institutions is a consequence of the rapid rise of cultural heterogeneity of Europe and of regional separatism, and of the financial crisis aftermath and tensions of welfare state constructions. The course of the European Parliament elections that took place in May 2014 demonstrates the frustration of a notable part of citizens with the European project. This compels to seek new support beyond the European institutions facing a lack of legitimacy. Key efforts are aimed at creating common European metanarrative involving famous intellectuals, by organizing open discussions on network resources, promoting thematic research activities, as well as cultural and educational projects generating space for the idea of the European unity in the everyday life of its citizens. Support of the European project from the grass-root level is defined by how much an individual can really benefit from it, how widely social practices and opportunities to participate in them are spread and how strong the image of Europe holds in day-to-day experiences of the European citizen.

Theoretic and methodological problems of European identity conceptualization arise from the necessity to define clearly the content embedded into the notion and to determine the mechanisms of its development. Forecasting of political perspectives and possible scenarios for the European project suggests a combination of political and institutional as well as social and psychological analysis, the assessment of dynamics of enclosed and overlapping identities, and, opportunities and limitations in identity development.

Key words: European identity, European integration, the European Union, elections, European Parliament, Euroscepticism, anti-mainstream, populism, European unity idea, national identity, cultural diversity, narrative, everyday life.

References

- 1. *Global'nyj mir: k novym modeljam nacional'nogo i regional'nogo razvitija* (2014) [A Global World: Emerging Models of National and Regional Development]. In 2 Vol. Eds. I. S. Semenenko, N. V. Zagladin, V. V. Lapkin, V. I. Pantin. Moscow: IMEMO RAS.
- Pantin V.I. (2014). Nezavershennyj perehod [Incomplete transition]. In I.S. Semenenko, N.V. Zagladin, V.V. Lapkin, V.I. Pantin (Eds) Global'nyj mir: k novym modeljam nacional'nogo i regional'nogo razvitija [A Global World: Emerging Models of National and Regional Development]. In 2 Vol. Moscow: IMEMO RAN.
- 3. Politizacija evropejskoj integracii v XXI veke: partii, vybory, identichnosti. [Politicization of the European Integration in the 21st century: parties, elections, identities]. (2014). Retrieved from: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1126&p=&ret=498
- 4. Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti [Political Identity and Politics of Identity] (2011). In 2 Vol. Vol. 1 *Identichnost' kak kategorija politicheskoj nauki. Slovar' terminov i ponjatij* [Identity as a category of political science. Glossary of terms and notions] (I. S. Semenenko, Associate Editor). Moscow: ROSSPEN.
- 5. Prohorenko, I. L. (2012). O metodologicheskih problemah analiza politicheskih prostranstv [On methodical issues of political spaces analysis]. *Politicheskie issledovanija* [Political researches], (6), 68-80.
- 6. Semenenko, I. S. (2001). *Gruppy interesov na Zapade i v Rossii: koncepcii i praktika* [Interest Groups in the West and in Russia: Concepts and Practices]. Moscow: IMEMO RAN.

- 7. Semenenko, I. S. (2008). Metamorfozy evropejskoj identichnosti [Metamorphosis of European identity]. *Politicheskie issledovanija* [Political researches], (3), 80-96.
- 8. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2013) Trendy i al'ternativy razvitija sovremennogo mira (politiko-institucional'noe izmerenie) [Trends and alternatives of the development of the contemporary world (the political and institutional dimension)]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World economy and international relations], (10), 19-32
- 9. Strezhneva, M. V. (2014). Integracionnye processy kak faktor politicheskih izmenenij v stranah Evrosojuza [Integration processes as a factor of political change in EU member states]. In I. S. Semenenko, N. V. Zagladin, V. V. Lapkin, V. I. Pantin (Eds). *Global'nyj mir: k novym modeljam nacional'nogo i regional'nogo razvitija* [A Global World: Emerging Models of National and Regional Development] (pp. 89-107). In 2 Vol. Moscow: IMEMO RAN.
- 10. Bauman, Z. Quo vadis, Europe? (2014). Retrieved from http://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/zygmunt-bauman/quo-vadis-europe
- 11. Billig, M. (1995). Banal nationalism. L.: Sage.
- 12. Bruter, M. (2005). *Citizens of Europe? The emergence of a mass European identity*. Houndmills, Basingstoke and N. Y.
- 13. Bruter, M. (2013) Measuring the immeasurable: Capturing Citizens European Identity. In M. Bruter, M. Lodge eds. *Political Science Research Methods in Action* (pp. 25-46). L.: Palgrave Macmillan.
- 14. Bruter, M. & Harrington, S. (2012). How European Do you Feel & The Psychology of European Identity. Retrieved from http://www.lansons.com/pdfs/eu-identity-brochure.pdf
- 15. Can Matteo Renzi give Europe back its soul? (2014). Retrieved from http://www.debatingeurope.eu/2014/07/01/can-matteo-renzi-save-european-union/#. U7VLE_l_sl8
- 16. Checkel, J. T. & Katzenstein, P. (2009). *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 17. Correa Martin-Arroyo, P. (2013). "Histoeuropeanisation": Challenges and Implications of (Re) Writing the History of Europe "Europeanly", 1989-2015. Thesis presented for the degree of Master of Arts in European Interdisciplinary Studies. Retrieved from http://www.academia.edu/4963011/—Histoeuropeanisation_Challenges_and_ Implications_of_Re_Writing_the_History_of_Europe_Europeanly_1989-2015
- 18. Cotta, M., Russo, F. (2012). Europe à la carte? European citizenship and its dimensions from the perspective of national elites. In H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli eds. *The Europe of Elites. A Study into the Europeanness of Europe's Economic and Political Elites* (pp. 14-42). Oxford, Oxford University Press.
- 19. Cram, L. (2010). Does the EU Need a Navel? Banal Europeanism, Appreciated Europeanism and European Integration. Retrieved from http://www.jhubc.it/ecpr-porto/virtualpaperroom/014.pdf
- 20. Cram, L. (2012). Does the EU Need a Navel? Implicit and Explicit Identification with the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 50 (1), 71-86.

- 21. Debates on European identity (2013-2014) / Council of Europe. Retrieved from http://www.coe.int/t/policy-planning/debates/identity_debates/default_en.asp? toPrint=yes&
- 22. Debating Europe. (2013–2014). Retrieved from http://www.debatingeurope.eu/
- 23. European elections 2014 Q&A: Who are the far-right parties and can they bring down the EU and its governments? (2014). *Independent*, 26.05.
- 24. Declaration on European Identity. (1973). Retrieved from http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf
- 25. Duchesne, S. (2008). Waiting for a European Identity... Reflections on the Process of Identification with Europe. *Perspectives on European Politics and Society*, 9 (4), 397-410.
- 26. Geiss, P. & Le Quintrec, G. (2006). *Histoire/Geschichte. L'Europe et le monde depuis 1945/Europa und die Welt seit 1945.* Paris Leipzig.
- 27. Habermas, J. (2014). In favour of a strong Europe what does this mean? *Juncture*, 21 (1), 82-88.
- 28. Held, D. & McNally, K. (2014). Europe, the European Union and European identity. Retrieved from http://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/david-held-kyle-mcnally/europe-eu-and-european-identity
- 29. The development of European identity/Identities: Unfinished Business. A policy review. (2012). Brussels, EC.
- 30. Miller, R. & Day, G. (2012). *The evolution of European Identities. Biographical approaches*. L.: Palgrave Macmillan.
- 31. Pingel, F. (2013). History as a project of the future: The European history textbook debate. In K.V. Korostelina, S. Lassig eds. *History Education and Post-Conflict Reconciliation: Reconsidering joint textbooks* (pp. 155-176). Abingdon Oxon, N. Y.: Routledge.
- 32. Risse, T. (2004). European Institutions and Identity Change: What Have We Learned? In R. Hermann, T. Risse, M. Brewer eds. *Transnational Identities. Becoming European in the EU* (pp. 247-272). Lanham MD, Rowman and Littlefield.
- 33. Russo, A. & Cotta, M. (2013). Beyond Euroscepticism and Europhilia: multiple views about Europe. *Rivista Italiana di Scienza Politica*, XLII (3), 1-24.
- 34. Van der Leeuw Roord, J. (2009). A common textbook for Europe? Utopia or a Crucial Challenge? Retrieved from http://www.culturahistorica.es/joke/textbook_for_europe.pdf

УНИВЕРСИТЕТЫ КАК СУБЪЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Л. А. Фадеева¹

В статье ставится вопрос о роли университетов в процессе конструирования европейской идентичности. Автор рассматривает институциональные рамки данного процесса, созданные Болонским соглашением и рамочными программами ЕС. Особое внимание уделяется значимости академической мобильности для европейской идентичности. В статье характеризуется деятельность европейских интеллектуалов, направленная на определение идентичностей — европейской, региональной, университетской. Автор приводит примеры как коллективных выступлений известных публичных интеллектуалов, нацеленных на осмысление европейского проекта и его судьбы, так и творческих интеллектуальных поисков отдельных личностей. По мнению автора, в совокупности они формируют европейскую общественность, имеющую серьезный шанс стать значимым актором конструирования европейской идентичности. Университеты в качестве субъектов конструирования европейской идентичности предстают скорее не в виде институций, нацеленных на формирование и развитие европейской идентичности, но как сообщества интеллектуалов и специалистов, в чьей матрице идентичности европейский компонент играет значительную роль.

В значительной мере это связано с тем, что университеты избегают декларировать свою миссию в конструировании европейской идентичности в силу неоднозначного отношения общественности, в том числе и университетской, к этому проекту. Присущие европейским университетам традиции автономии, институциональной и академической, позволяют им выступать активными участниками происходящих в Европе процессов. Но эти же обстоятельства сподвигают их к тому, чтобы держать дистанцию от Брюсселя. В то же время осмысление своей собственной идентичности университетами парадоксальным образом помогает им поддерживать представление о европейской идентичности.

Ключевые слова: университеты, европейская идентичность, акторы, публичные интеллектуалы, дебаты о Европе.

Университеты в истории, социальном развитии, образовательном и культурном пространстве Европы вызывают неизменный интерес исследователей, а в ходе европейской интеграции роль университетов в общеевропейском процес-

¹ Фадеева Любовь Александровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия. Эл. почта: lafadeeva2007@yandex.ru.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00501 «Европейские университеты в меняющемся мире: институциональная трансформация и стратегии взаимодействия с сообществами».

се и построении гуманитарной Европы представлялась безусловной [Глухарев, Страда, 1995]. Болонский процесс стимулировал научную и публичную дискуссию о проблемах формирования единого образовательного процесса в Европе, о судьбе университетов и необходимости их реформирования [Кураж, Власцену, Скотт, Уилсон, 2012]. Вклад университетов в европейскую научную мысль и в европейскую культуру не вызывает сомнения. В то же время при обсуждении акторов формирования (конструирования) европейской идентичности роль университетов остается на заднем плане. С точки зрения европейской общественности, несмотря на совокупность программ, ориентированных на рядовых граждан, ключевыми игроками конструирования европейской («еэсовской», евросоюзной) идентичности считаются политическая элита и еврократия. [Фоссум, 2001; Майер, 1998; Лаффан, 1996]. Между тем процесс конструирования идентичностей включает усилия разных субъектов по формированию совокупности представлений, ценностных ориентиров, политических притязаний, которые осуществляются в публичном пространстве. Ставшие популярными электронные дебаты о Европе и европейской идентичности направлены на то, чтобы организовать взаимодействие акторов и преодолеть представление о сугубо элитистском характере данного проекта (Совет Европы, дебаты о европейской идентичности, 2013-2014). Отнюдь не случайно специальная рубрика платформы «Debating Europe» посвящена студентам и вовлечению школ и колледжей в дискуссию, которая доступна также на Facebook и Twitter.

На наш взгляд, закономерно поставить вопрос о том, какую роль играют университеты как институты и как сообщества в конструировании европейской идентичности. Можно рассмотреть несколько измерений. Институциональные рамки и инструменты сформированы Европейским союзом, и прежде всего Европейской комиссией. Болонский процесс с его нацеленностью на единые стандарты образования, стимулирующий академическую мобильность студентов и преподавателей, является одним из важнейших инструментов европейской идентичности. Д. Рицен в книге с выразительным названием «Шанс для европейских университетов» называет Болонское соглашение лучшим, что могло случиться с европейскими университетами за последние десятилетия [Рицен, 2009]. Он имеет в виду, прежде всего, возможности, создаваемые Болонским процессом в плане повышения конкурентоспособности европейских университетов, однако немалое внимание уделяет значимости единого образовательного пространства и культурного наследия для формирования европейской идентичности [Рицен, 2009].

Одним из важнейших предназначений и миссией Болонского процесса является то, чтобы Европа ощущала себя единым целым. Широкую популярность получила фраза Умберто Эко из интервью, данного в 2012 г. журналистам «Ла Стампа» и «Гардиан», где он, характеризуя свое понимание европейской идентичности, назвал проекты академической мобильности, подобные Эразмус

Мундус, тем, что создает первое поколение молодых европейцев [Мейер-Тоен, 2012]. «Идея Эразмуса должна быть обязательной — не только для студентов», — заявил он, используя понятия сексуальной революции, интеграции и углубления европейской идентичности с помощью культуры [Эко, 2012].

Авторитет знаменитого итальянского профессора используется многими молодыми европейцами, выступающими в защиту Эразмус Мундус, против попыток описать опыт академической мобильности как фривольные приключения, против снижения расходов на академическую мобильность, в глубокой убежденности, что развитие данной программы создает реальное пространство европейской общности и потому должно приобрести приоритет в политике Евросоюза [Ботучаров, 2012; Ольтерман, 2012].

Все европейские университеты, разрабатывая стратегические планы развития, включают пункты, посвященные активизации академической мобильности, а в декларациях миссии университетов говорится о развитии способности производить и распространять знания в стране, Европе и на глобальном уровне (Стратегия Оксфордского университета 2013-2018). Нередко в подобных декларациях звучит призыв сотрудничать с другими университетскими институтами Европейского союза для развития науки и образования (основные положения Университета Флоренции, 2013).

В ряде университетских деклараций специальные разделы посвящены тому, чтобы «обеспечить вклад в создание европейского пространства высшего образования и следовать принципам Болонской декларации, стимулируя и поддерживая внутри университета рефлексию, инновации и реформы, которые призваны внести значительный вклад в реализацию данного проекта» (Декларация Mission Group for the European Space of Higher Education, 2002).

Университет Коимбры (Португалия) в 2002 г. создал специальную группу Mission Group for the European Space of Higher Education, цель которой — способствовать развитию европейского образовательного пространства. В декларации говорится о значимости данного направления для всего европейского проекта, об осознании университетом своей миссии в этом деле. (Декларация, 2002).

Рамочные программы, инициируемые и поддерживаемые Еврокомиссией, в значительной мере ориентированы на развитие проектной деятельности и исследований, направленных на конструирование и укрепление европейской идентичности. Программа Жана Монне, начатая в 1989 г. применительно к странам — членам ЕС и распространенная с 2001 г. на неевропейские страны, охватывает в настоящее время 740 университетов из 68 стран. В рамках данной программы разработаны 1700 курсов и модулей, поддержаны 3500 проектов, многие из которых нацелены на проблематику европейской идентичности (Видение и стратегия университетов Европы и Европейской ассоциации университетов, 2006). Значительная часть таких проектов посвящена актуализации гражданской идентичности европейцев. Например, Свободный университет в Берлине реа-

лизует проект «Европейский союз и его граждане», центральное место в котором занимает проблематика общности ценностей и позиций европейских граждан как условия и предпосылки развития европейской идентичности. Ключевая цель реализуемого в 2009-2014 гг. проекта — определить, как идентификация с Европейским союзом и Европой влияет на судьбу европейского проекта в целом.

Задача тонкого сочетания европейской и национальной идентичности, поставленная на повестку дня после провалов референдумов в 2005 г., позволяет понять масштабы финансирования проектов по европейской идентичности в 45 млн евро, о чем говорила профессор И.С. Семененко.

Широко растиражирована цитата Жана Монне: «Если бы мы начинали сейчас, мы бы начали с культуры». «Апокрифическое изречение Монне — что необходимо было начать с культуры — обычно упоминается теми, кто видит главную проблему ЕС в отсутствии смыслового наполнения и способности вдохновлять лояльность ЕС, или просто «энтузиазм». Интеллектуалы, по их мнению, должны поддержать проект, который был предпринят без их участия и который сейчас отчаянно нуждается в них, чтобы озвучить причины для его дальнейшего развития (и, в идеале, сформулировать тезисы, легитимизирующие его прошлое, настоящее и будущее раз и навсегда)» — так формулирует проблему европейской идентичности, находящуюся в центре его исследовательских интересов, Ян-Вернер Меллер, профессор Принстонского университета [Меллер, 2012]. Хотя его статья озаглавлена «Провал европейских интеллектуалов», он дает множество рекомендаций по поводу того, что интеллектуалы, публичные прежде всего, могут (и должны) сделать для поддержки европейской идентичности и популяризации (но не вульгаризации) европейского проекта.

В реальной практике и публичных интеллектуалов Европы, и европейских университетов немало примеров такого рода, как персонального, так и институционального характера. Так, в Католическом университете Левена (Бельгия) введена должность проректора по культурному разнообразию и устойчивому развитию, и этот пост доверен известному специалисту, профессору Катлин Мэлфлит, которая стала первым в истории университета проректором женского пола. Не случайно Левенский университет активно включился в подготовку и реализацию международного проекта «Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические изменения». Университет Сантьяго де Компостелла (Галисия, Испания) сосредоточен на изучении культуры европейской интеграции. Начиная с 2004 г., интерес университетских ученых к проблематике европейской идентичности активизировался под воздействием расширения Евросоюза и оказался направлен на процессы идентификации и поисков идентичности новых членов, чему посвящен целый ряд проектов и множество научных публикаций и научно-практических мероприятий.

Европейская университетская ассоциация декларирует, что сила Европы и ее университетов обусловлена взаимодействием различных культурных и множе-

ственных лингвистических традиций и наследия. Университеты оцениваются в декларациях этой ассоциации как источник креативности. Любопытный момент, что при этом общественная роль университетов поставлена на первое место — перед образовательной и научной. Таким образом подчеркивается общественная, социальная, публичная роль университетов. Они вписаны в сложный и многосоставной контекст, находящий отражение в матрице множественной идентичности. Университет как институт и сообщество его ученых актуализирует те ее компоненты, которые наиболее важны в конкретном контексте и ситуации (Видение и стратегия университетов Европы и Европейской ассоциации университетов, 2006).

Вписанность университета в региональное сообщество [Рейчерт, 2006] обусловливает его обязательства, формальные или неформальные, по определению специфики региональной идентичности и ее продвижению в качестве либо культурного тренда, либо бренда территории, либо политического слогана. Это отдельный сюжет, требующий серьезного анализа.

Кроме того, проблему представляет идентичность самих современных университетов. Еще в 1997 г. профессор Рональд Барнетт выступил в Институте образования Лондонского университета с лекцией «Осмысление университета», в которой поставил вопрос о конце (смерти) западного университета в его традиционном понимании в новом, сверхсложном мире. Он предложил такой взгляд на университет: «Сегодня университет призван не только умножать схемы понимания мира, но и учить более или менее комфортной жизни в условиях радикальной неопределенности, которая возникает не без его помощи и усилий. Университет порождает сверхсложность и учит нас с ней жить» [Барнетт, 2013].

Находясь в поиске собственной идентичности, современный университет вносит вклад в групповую идентификацию разных типов. Горячий сторонник европейской идентичности Юрген Хабермас на протяжении многих лет отстаивает тезис о том, что становление европейской идентичности должно происходить параллельно с процессами формирования европейской общественности. В трактовке Хабермаса, европейская общественность представляет собой коммуникации гражданских обществ стран — членов ЕС по политически и социально значимым темам. На его взгляд, это могут быть разные сообщества, но во многих его выступлениях речь идет об ответственности интеллектуалов. Уже упоминавшийся Ян-Вернер Меллер убежден, что «интеллектуалы могли бы... найти себя в том, чтобы объяснить Европу своей аудитории и, что еще важнее, подчеркнуть правильный выбор в развитии ЕС в том виде, в котором мы его знаем, или, возможно, создать другую совместную политику». Для него Юрген Хабермас, помимо значимости его как видного интеллектуала Европы, обладает значимостью «интеллектуала, пытающегося в меру сил осмыслить суть и потенциальное будущее ЕС, учиться у экспертов, чтобы объяснить, что он, правильно или ошибочно, считает достижениями, недостатками, а также нормативно-законодательным потенциалом для Союза, продвигая тем самым серьезный общественный диалог. Иначе говоря: можно не соглашаться с сутью того, что предлагает Хабермас, но всё же находить модель, которую он дал общению интеллектуалов с Европой, привлекательной» [Меллер, 2012].

Помимо деятельности отдельных интеллектуалов, актуализации европейской идентичности способствуют коллективные акты известных европейских ученых, профессоров, публичных интеллектуалов. Примеры такого рода многочисленны, по сути, каждая кризисная ситуация сподвигает эту категорию людей на совместные действия, невзирая на различия их творческих, политических, личностных позиций. Один из последних примеров такого рода относится к обращению европейских интеллектуалов к руководству Европейского союза 25 января 2013 г.: «Европа не переживает кризис, она умирает. Европа не как территория. Европа как идея. Европа как мечта и как проект», — заявили британский писатель Салман Рушди, итальянец Умберто Эко, португальский писатель и журналист Антонио Лобо Антунеш, французская писательница и философ Юлия Кристева, венгерский автор Дьёрдь Конрад, немецкий писатель Петер Шнайдер и вдохновитель манифеста, французский писатель и философ Бернар-Анри Леви. «У нас больше нет выбора: или политический союз или смерть», провозглашали авторы манифеста, который был опубликован на страницах немецкой газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung, испанской El Pais и итальянской Corriere della Sera [Росси, 2013]. Ряд манифестов был подготовлен и опубликован по поводу украинских событий, правда, единство позиций в январе 2014 г. сменилось различием оценок и интерпретаций весны и лета этого трудного года.

Европейские интеллектуалы демонстрируют многообразие суждений и подходов к перспективам европейского проекта. Неожиданный и во многом парадоксальный взгляд представляет известный итальянский интеллектуал Франко Берарди.

В духе свойственной ему левой риторики он заявляет: «Не так давно многие интеллектуалы, в том числе Юрген Хабермас и Жак Деррида, говорили о необходимости создания институций для принятия единых политических решений на уровне Европейского союза. Сегодня, после греческого долгового кризиса, создается впечатление, что проевропейские интеллектуалы получили то, на что сами же напрашивались: управление Евросоюза действительно стало политическим, но, к сожалению, ключевыми для этой политики являются финансовые интересы» [Берарди, 2012]. Он выражает свои ценностные убеждения в таких тезисах: «За вычетом тех, кто страдает жадностью или психотической манией, люди хотят немногого — прожить приятную, по возможности долгую жизнь и потреблять ровно столько, сколько нужно, чтобы поддерживать хорошую форму и быть в состоянии заниматься любовью. Политические и моральные ценности, на которых основывается стремление к такому образу жизни, обозначаются высокопарным словом «цивилизация». Проводя политический анализ сложив-

шейся ситуации, он выдвигает ряд альтернативных положений: «Несомненно, нам следует отказаться от сверхпотребления, навязываемого крупными корпорациями, но не от традиции гуманизма, просвещения и социализма — не от свободы, прав и благосостояния».

Он призывает «переосмыслить основополагающий миф европейской истории — миф об энергии», поскольку именно Европа приобретает иной опыт — старения, в то время как никогда ранее не было подобного опыта и ничего не известно «об эмоциональной жизни стариков и их способности к социальной организации, солидарности, об их политической силе» [Берарди, 2010].

Призыв Берарди выглядит эпатажно — «понять и принять усталость как новую парадигму социальной жизни», однако этот призыв имеет социально-политическое звучание, поскольку нацелен на «новое понимание процветания и счастья» и «освобождение коллективного тела от оков эксплуатации, опирающейся на скорость и конкуренцию» [Берарди, 2010].

Публичные интеллектуалы, университетская профессура не только поднимают вопросы о политической, европейской, гражданской идентичностях, но и способны формировать интеллектуальные сообщества, которые претендуют на субъектные позиции в политике идентичности. Не имеет столь уж большого значения сугубо формальный статус: является ли данный человек университетским профессором или нет; позиция и суждения таких личностей, как Юрген Хабермас, Умберто Эко, Славой Жижек, Зигмунт Бауман, становятся предметом обсуждения, полемики, стимулом к научной и вненаучной активности в университетской среде.

В современных условиях стало популярным применять к разным традиционным институтам — государству, политическим партиям понятие fusion, когда имеется в виду их меняющееся состояние, не соответствующее классическим канонам. Очевидно, и к европейской общественности можно применить такое понятие. В данном случае fusion public представляет собой не организованную и настроенную на достижение конкретной цели общественность, но совокупность людей, обладающих гражданской идентичностью и способных оказывать влияние на формирование публичной повестки дня.

Университеты в качестве субъектов конструирования европейской идентичности предстают скорее не в виде институций, нацеленных на формирование и развитие европейской идентичности, но как сообщества интеллектуалов и специалистов, в чьей матрице идентичности европейский компонент играет значительную роль.

В значительной мере это связано с тем, что университеты избегают декларировать свою миссию в конструировании европейской идентичности в силу неоднозначного отношения общественности, в том числе и университетской, к этому проекту. Присущие европейским университетам традиции автономии, институ-

циональной и академической, позволяют им выступать активными участниками происходящих в Европе процессов. Но эти же обстоятельства сподвигают их к тому, чтобы держать дистанцию от Брюсселя. В то же время осмысление своей собственной идентичности университетами парадоксальным образом помогает им поддерживать представление о европейской идентичности как игре с ненулевой суммой и сохранять Европу, по выражению 3. Баумана, в качестве если и утопии, то активной [Бауман, 2014].

Библиографический список

- 1. Глухарев, Л. И., Страда, В. (ред.). (1995). Общеевропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов. Москва: Издательство Московского университета.
- 2. Росси, Д. (2013). Европейские интеллектуалы призвали ЕС к политическому единству. Режим доступа: http://charter97.org/ru/news/2013/1/25/64458/
- 3. Barnett, R. (2013). Imagining the University. London: Routledge.
- 4. Bauman, Z. (2014). Quo Vadis, Europe? Retrieved from https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/zygmunt-bauman/quo-vadis-europe
- 5. Berardi, F. B. (2010). Exhaustion and Senile Utopia of the Coming European Insurrection. Retrieved from http://www.e-flux.com/journal/exhaustion-and-senile-utopia-of-the-coming-european-insurrection/
- 6. Botoucharov, I. Save Erasmus. (2012). Retrieved from http://one-europe.info/time-to-save-erasmus
- 7. Council of Europe (2013–2014). Debates on European identity. Retrieved from http://www.coe.int/t/policy-planning/debates/identity_debates/default_en.asp? toPrint=yes&
- 8. Curaj, A., Vlasceanu, L., Scott, P. & Wilson, L. (2012). European Higher Education at the Crossroads: Between Bologna Process and National Reforms. London: Springer.
- 9. Eco, U. It's culture not war that cements European identity. (2012). Retrieved from http://www.theguardian.com/world/2012/jan/26/umberto-eco-culture-war-europa
- 10. European University Association. (2006). Retrieved from http://www.eua.be/eua-work-and-policy-area/eua-policy-position-and-declarations.aspx
- 11. Fossum, J. E. (2001). Identity Politics in the European Union. *European Integration*, 23 (4), 373-406.
- 12. In praise of Erasmus. (2012). Retrieved from http://www.voxeurop.eu/en/content/editorial/2818561-praise-erasmus
- 13. Jacobs, D. & Mayer, R. (1998). European Identity: Construct, Fact and Fiction. In M. Gastelaars & A. de Ruijter (eds.) *A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity* (pp. 13-34). Maastricht: Utrecht University.
- 14. Laffan, B. (1996). The Politics of Identity and Political Order in Europe. *Journal of Common Market Studies*, 34 (1), 81-102.
- 15. Meyer-Thoene, A. Europe's Identity Crisis. (2012). Retrieved from http://emajmagazine.com/2012/03/07/europes-identity-crisis/
- 16. Muller, J.-W. The failure of European intellectuals. (2012). Retrieved from http://www.eurozine.com/articles/2012-04-11-muller-en.html

29

- $17. \ \ Oltermann, P. (2012). Let's dedicate the EU's Nobel peace prize to Europe's sexual revolution. \\ Retrieved from http://www.theguardian.com/comment is free/2012/oct/13/nobel-peace-prize-eu-erasmus$
- 18. Reichert, S. (2006). The rise on Knowledge Regions: Emerging Opportunities and Challenges for Universities. Retrieved from http://www.eua.be/eua-publications-2006
- 19. Ritzen, J. (2009). *Chance for European Universities: Or, Avoiding the Looming University*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- 20. Università degli Studi di Firenze. (2013). Retrieved from http://www.unifi.it/vp-7685-the-university-in-brief.html
- 21. University of Oxford. (2012). Retrieved from http://www.ox.ac.uk/about/introducing_oxford/strategic_plan_201318/

Статья поступила в редакцию 29.06.2014.

UNIVERSITIES IN CONSTRUCTING OF A EUROPEAN IDENTITY

L.A. Fadeeva

Liubov Fadeeva, Professor of Politics, Perm State National Research University (PSU), Perm, Russia. E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru.

The article dwells on the issue of the role that universities play in the construction of the European identity. The author considers the institutional framework of this process that is created by the Bologna Process and the EU Framework Programmes. A special attention is given to the significance of academic mobility for European identity. The article describes European intellectuals' activity aimed at defining the identities: European, regional and university. The author gives examples of collective performances of famous public intellectuals dedicated to understanding the European project and its destiny, as well as creative and intellectual search of individuals. The author believes that as a whole they create European public, which has a strong chance to become an important actor of the European identity construction.

To great extent, it is related to the fact that universities try to avoid declaring their mission in the construction of the European identity due to the ambiguous attitude of the society, including the attitude of the universities, to the project. Inherent in European universities self-regulating, institutional and academic tradition, allow them to be active participants in the processes taking place in Europe. Nevertheless, these circumstances are moving them to that to keep a distance from Brussels. At the same time, understanding of their own identity, paradoxically, helps them maintain an idea of the European identity.

Key words: universities, European identity, actors, public intellectuals, debate on Europe.

References

- 1. Glukhareva L.I., Strada B. (eds.). (1995). Obshheevropejskij protsess i gumanitarnaya Evropa. Rol' universitetov [European process and humanitarian Europe. The role of universities]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Publishing House of Moscow University].
- 2. Rossi, G. (2014). Evropejskie intellektualy prizvali ES k politicheskomu edinstvu [The European intellectuals called EU for political unity]. Retrieved from http://charter97.org/ru/news/2013/1/25/64458/
- 3. Barnett, R. (2013). Imagining the University. London: Routledge.

- 4. Bauman, Z. (2014). Quo Vadis, Europe? Retrieved from https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/zygmunt-bauman/quo-vadis-europe
- 5. Berardi, F. B. (2010). Exhaustion and Senile Utopia of the Coming European Insurrection. Retrieved from http://www.e-flux.com/journal/exhaustion-and-senile-utopia-of-the-coming-european-insurrection/
- 6. Botoucharov, I. Save Erasmus. (2012). Retrieved from http://one-europe.info/time-to-save-erasmus
- 7. Council of Europe (2013–2014). Debates on European identity. Retrieved from http://www.coe.int/t/policy-planning/debates/identity_debates/default_en.asp? toPrint=yes&
- 8. Curaj, A., Vlasceanu, L., Scott, P. & Wilson, L. (2012). European Higher Education at the Crossroads: Between Bologna Process and National Reforms. London: Springer.
- 9. Eco, U. It's culture not war that cements European identity. (2012). Retrieved from http://www.theguardian.com/world/2012/jan/26/umberto-eco-culture-war-europa
- 10. European University Association. (2006). Retrieved from http://www.eua.be/eua-work-and-policy-area/eua-policy-position-and-declarations.aspx
- 11. Fossum, J. E. (2001). Identity Politics in the European Union. *European Integration*, 23 (4), 373-406.
- 12. In praise of Erasmus. (2012). Retrieved from http://www.voxeurop.eu/en/content/editorial/2818561-praise-erasmus
- 13. Jacobs, D. & Mayer, R. (1998). European Identity: Construct, Fact and Fiction. In M. Gastelaars & A. de Ruijter (Eds.) *A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity* (pp. 13-34). Maastricht: Utrecht University.
- 14. Laffan, B. (1996). The Politics of Identity and Political Order in Europe. *Journal of Common Market Studies*, 34 (1), 81-102.
- 15. Meyer-Thoene, A. Europe's Identity Crisis. (2012). Retrieved from http://emajmagazine.com/2012/03/07/europes-identity-crisis/
- 16. Muller, J.-W. The failure of European intellectuals. (2012). Retrieved from http://www.eurozine.com/articles/2012-04-11-muller-en.html
- 17. Oltermann, P. (2012). Let's dedicate the EU's Nobel peace prize to Europe's sexual revolution. Retrieved from http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/oct/13/nobel-peace-prize-eu-erasmus
- 18. Reichert, S. (2006). The rise on Knowledge Regions: Emerging Opportunities and Challenges for Universities. Retrieved from http://www.eua.be/eua-publications-2006
- 19. Ritzen, J. (2009). *Chance for European Universities: Or, Avoiding the Looming University*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- $20.\ Universit\`{a}\ degli\ Studi\ di\ Firenze.\ (2013).\ Retrieved\ from\ http://www.unifi.it/vp-7685-the-university-in-brief.html$
- 21. University of Oxford. (2012). Retrieved from http://www.ox.ac.uk/about/introducing_oxford/strategic_plan_201318/

ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВАХ — ЧЛЕНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

И. Л. Прохоренко¹

В статье исследуется проблема европеизации как трансформации национальных политических партий в рамках европейского интеграционного проекта. При этом основное внимание уделяется организационной адаптации этих политических партий в условиях меняющейся международной среды, которая создается в ходе европейской интеграции и в процессе формирования и усложнения политического пространства ЕС. Также анализируются последствия появления в партийном аппарате новых влиятельных акторов и перемен в структуре европейских политических партий в связи с процессами децентрализации и федерализации в государствах — членах ЕС.

В качестве теоретико-методологической основы исследования автором был предложен социологический институционализм, сочетающий в себе преимущества организационной теории и неоинституционализма. Согласно данному аналитическому подходу транснациональное пространство ЕС рассматривается как некое организационное поле. В этом случае европеизацию национальных политических партий можно интерпретировать в самом общем виде как институциональный изоморфизм в русле одноименной концепции Пола ДиМаджио и Уолтера Пауэла [DiMaggio, Powell, 1983].

Ключевые слова: национальные политические партии ЕС, европейская интеграция, Европейский союз, европеизация, европейское политическое пространство, национальные и региональные партийные элиты, социологический институционализм.

Проблема европеизации национальных политических партий государств — членов Европейского союза ставит три концептуальных вопроса: что представляет собой европеизация; как количественно и качественно измерить степень европеизации этих политических партий, чтобы (и это уже третий вопрос) оценить и решить, является ли эта европеизация успешной и завершенной?

Если говорить о самом феномене европеизации, его можно рассматривать как процесс, идущий в двух противоположных направлениях — как сверху вниз (от европейских институтов к государствам-членам), так и снизу вверх (от нацио-

¹ Прохоренко Ирина Львовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, Москва, Россия. Эл. почта: irinapr@imemo.ru

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-07-00046а «Участие Европейского Союза в глобальном хозяйственном управлении: организационный анализ».

нального и даже субнационального уровней к европейскому) [Bomberg, Peterson, 2000; Börzel, 2002]. По всей видимости, европеизация предполагает и горизонтальные связи в рамках европейского интеграционного проекта. Европейская интеграция при этом отнюдь не выступает как некая независимая переменная, как полагали прежде некоторые исследователи [Hix, Goetz, 2000]: изменения в структурах и политическом процессе на национальном и субнациональном территориальных уровнях происходят не только в ответ на интеграцию.

В узком смысле европеизация — это процесс создания, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур и норм, которые согласуются и утверждаются в ходе политического процесса на наднациональном уровне в Евросоюзе, а потом закрепляются в национальном законодательстве государств-членов [Radaelli, 2003]. Однако европеизацию можно и нужно рассматривать более широко: и как расширение внешних границ, и как развитие институтов на европейском уровне, в том числе и путем проникновения принципов национальных систем управления, и как экспорт форм политической организации, и как проект политической унификации [Olsen, 2002]. И в этом процессе особенно велика роль личности, отдельных индивидов — представителей политических элит.

Политические партии, в отличие от тех или иных групп интересов, представляют собой институты, выполняющие чрезвычайно важные функции в обществе и государстве. Выражая и агрегируя политические интересы, мобилизуя и ориентируя граждан, интегрируя их в практику политического участия, наконец, легитимируя власть и подготавливая кадры для политической власти, партии организуют политическую коммуникацию и взаимодействие между государством и гражданским обществом [Перегудов, Лапина, Семененко, 1999; Холодковский, 2013]. Не менее значимую роль политические партии, партийно-политические элиты играют в европейском интеграционном проекте, элитистском по своей сути, в формировании транснационального политического пространства Европейского союза.

Говоря о европеизации национальных политических партий, надо сказать, во-первых, о том, что европейская интеграция изменила среду, в которой функционируют эти партии, создав европейский наднациональный центр принятия решений и систему общеевропейских норм и правил. Начиная с конца 1980-х гг., в результате серии договоров значительно расширились полномочия Европейского парламента, усилились наднациональные элементы в системе функционирования Евросоюза и расширились направления и сфера его деятельности [Кавешников, 2010; Wallace, Pollack, Young, 2010].

Институциональное усиление Европарламента, с одной стороны, потребовало от национальных политических партий перемен в организационном устройстве и системе принятия политических решений, с другой — согласования важной и постоянно расширяющейся активности депутатов Европейского

парламента с повседневной работой, которую проводят политические партии на национальном уровне. В известной степени этому мешает сам принцип деления на политические фракции Европарламента — не по национальным делегациям, а по партийной, идейно-политической принадлежности.

Аналогичным образом встала задача интегрировать деятельность представителей политических партий в различных формациях Совета ЕС, в его комитетах постоянных представителей и рабочих группах, в Европейском совете и на межправительственных конференциях. Особое значение имело участие руководства политических партий, которые формировали или входили в коалиционные национальные правительства, в работе Совета министров и Европейского совета. Например, именно такого рода участие представителей Всегреческого социалистического движения ПАСОК в рутинной работе институтов и органов ЕС в 1980-е гг. способствовало снижению уровня и смягчению евроскептицизма в этой политической партии [Verney, 2012]. А ведь достаточно вспомнить, что представители ПАСОК в свое время лидировали по количеству случаев использования национального права вето в Европейском политическом сотрудничестве в рамках существовавшего до Маастрихтского договора механизма координации внешней политики Европейского сообщества.

Можно уверенно говорить о том, что европейская интеграция, создавая для национальных политических партий новые арены политического взаимодействия на межправительственном и наднациональном уровнях, оказывает давление на эти партии с целью их организационной адаптации.

Европейская интеграция создала новую категорию политических акторов, которые играют новую и все большую роль в политике национальных партий, обладают все большими формальными полномочиями и достаточной автономией, забирают себе все большую часть административных, политических и финансовых ресурсов партии. В первую очередь это евродепутаты, которые действуют преимущественно на наднациональном уровне, это члены руководства политических партий, которые имеют опыт работы в национальном парламенте, и прежде всего в парламентских комитетах по вопросам европейской интеграции и взаимодействия с институтами ЕС и министерствах подобного профиля. Это также эксперты — специалисты по европейской интеграции, которые трудятся в партийном аппарате на европейском, национальном и субнациональном уровнях, чья задача — предоставлять экспертизу по вопросам многоуровневого управления в ЕС. Даже формальная организационная структура политических партий претерпела изменения: практически во всех партиях, за исключением разве что маргинальных, которым не удается преодолеть избирательный барьер на национальных и региональных выборах, появились в обязательном порядке управление, отдел или департамент по вопросам европейской интеграции. Подобные подразделения существуют и в тех политических партиях, которые стоят на позициях евроскептицизма.

Таким образом, налицо две основные тенденции: европейская интеграция перераспределяет властные полномочия внутри национальных политических партий в пользу, с одной стороны, партийных элит, а с другой — аппаратных экспертов по вопросам управления в Евросоюзе.

Последствия усиления партийных элит в различных государствах — членах ЕС носит неодинаковый характер. Например, для Южной Европы это имеет ключевое значение, поскольку выливается в усиление авторитарных тенденций в партийном строительстве и во многих случаях служит причиной внутрипартийных споров, разногласий и конфликтов, а в конечном итоге еще более способствует утрате доверия рядовых избирателей.

В связи с этим достаточно напомнить о возникновении новых политических партий в политическом ландшафте Испании. В последние годы инициаторами создания таких партий стали евродепутаты и представители руководства ведущих политических сил страны — Народной партии и Испанской социалистической рабочей партии. Это центристская партия «Союз, прогресс и демократия» во главе с Росой Диес, ранее состоявшей в рядах ИСРП, и правоконсервативная партия «Голос» (Vox), среди лидеров которой бывший евродепутат и заместитель председателя Европейского парламента Алехо Видаль-Куадрас Рока. Появление таких партий, отбирающих голоса электората у двух ведущих общенациональных партий страны, грозят нарушить и без того неустойчивое равновесие квазидвухпартийной системы страны.

Такого рода риски усиливают и электоральные успехи на выборах в Европарламент в мае 2014 г. новой гибридной партии «Podemos» (исп. «Мы можем»). Созданная в январе 2014 г. как общественно-политическое движение на базе самоорганизовавшихся ячеек протестного «Движения 15-го мая» («Движения возмущенных») и официально зарегистрированная в марте 2014 г. в качестве политической партии «Podemos» получила 5 депутатских мест в Европарламенте нового состава из 54, которые отведены Испании (что составляет около 8% голосов испанских избирателей).

В свою очередь, усиление влияния в партиях экспертов по европейской интеграции, особенно в период кризисного развития, с одной стороны, и в условиях трансформации политических механизмов европейской интеграции — с другой, содействует в известной мере росту значения экономических факторов в динамике политико-идеологических воззрений, в том числе настроений евроскептицизма.

Наконец, в условиях европейской интеграции, когда наблюдается рост объема числа полномочий региональных и местных властей в системе многоуровневого управления ЕС, происходят существенное увеличение количества и рост влияния автономистских (в прежней терминологии — регионалистских) партий, которые ставят целью достижение большей автономии для конкретной территории.

Эксперты подсчитали, что к началу 1990-х гг. в Западной Европе действовали 45 автономистских партий, которые имели прочную организационную структуру и на регулярной основе участвовали в электоральных процессах всех уровней [Lane, McKay, Newton, 1991]. Спустя десять лет их насчитывалось уже 93, из них 30 были влиятельными игроками в политической системе своего региона и государства в целом, формируя многоуровневую модель конкуренции и соперничества между политическими партиями [Massetti, 2009]. Этому способствовали процессы децентрализации в государствах-членах.

Автономистским партиям удавалось входить в правительственные коалиции (к примеру, в Италии) или оказывать парламентскую поддержку общенациональным партиям, которые не получили по итогам всеобщих выборов абсолютного большинства депутатских мест (как это регулярно происходило в постфранкистской Испании). Тем самым они оказывались «мотором» процессов децентрализации в государстве, оказывая прямое или косвенное давление на правительственные партии, добиваясь реформ в системе государственного устройства и управления (так происходило в Испании и Италии).

Одновременно имело место появление и/или усиление влияния региональных отделений общенациональных партий, которые формально уже стали необщенациональными и все более обретают в ходе процессов федерализации и децентрализации в государствах-членах собственную специфику, особую региональную идейно-политическую и партийную самоидентификацию.

Одним из наиболее показательных примеров в этом отношении может служить Испания, политическая система которой локализована, а модель управления является многоуровневой [Прохоренко, 2010]. Во всех образованных по территориальному принципу 17 регионах (автономных сообществах) страны, которая формально остается унитарным государством, активно действуют региональные организации как консервативной Народной партии, так и левоцентристской Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). В силу исторических особенностей организационная структура испанских правых более иерархична и во многом авторитарна. Напротив, ИСРП как массовая партия строится по федеративному принципу, что предполагает формальную автономию территориальных организаций, степень которой во многом зависит от силы регионализма в том или ином автономном сообществе.

Следуя в основном партийной дисциплине и генеральной линии партии, консерваторы и социалисты в регионах тем не менее зачастую вынужденно оказываются сторонниками дальнейшей децентрализации асимметричного испанского государства автономий, защищая интересы конкретной территории в национальном политическом пространстве и соревнуясь с автономистскими партиями за местный электорат. Непростая ситуация в этом плане сложилась в Каталонии, где исторически сильны сепаратистские настроения, а партийная система имеет достаточно высокую степень фрагментации. В пост-

франкистский период ни одной из партий не удавалось получить даже простое большинство голосов избирателей, что усиливает конкуренцию между ними.

Однако надо иметь в виду, что центральное руководство общенациональных партий в Испании, как и в некоторых других европейских государствах, соглашается предоставить организационную автономию своим территориальным отделениям для их более эффективной межпартийной борьбы за голоса избирателей в регионе. Ведь межпартийное соперничество не ограничивается исключительно проблемой самоуправления региона и его интересами, отличными от остальных, а касается широкого круга разнообразных вопросов повседневной жизни, которые требуют знаний управленцев и опыта рутинной административной деятельности.

В меньшей степени, чем в Испании, эта тенденция к децентрализации организационной структуры общенациональных партий и процесса принятия партийных решений происходит также в Великобритании — в случае с Лейбористской партией в Шотландии и Уэльсе [Laffin, Shaw, Taylor, 2007]. Подобная практика наблюдается в последние годы и в политически стабильных институционально симметричных федерациях Европы: в Германии — в случае Социал-демократической партии Германии и Христианско-демократического союза [Deterberk, Jeffrey, 2009], в Австрии — в отношении Австрийской народной партии и Социал-демократической партии Австрии [Fallend, 2004].

К важнейшим функциям политических партий относятся отбор и воспитание политических деятелей для элит всех уровней. Можно утверждать, что автономистские партии рекрутируют и формируют главным образом, если не исключительно, субнациональные элиты, укрепляя вертикальные связи между ними и населением конкретного региона, осуществляя политическую социализацию граждан и проводя политику территориальной идентичности как доминирующей среди множества идентичностей. В отличие от территориальных организаций общенациональных партий, основной активной зоной деятельности автономистских партий является именно регион.

В этом плане неоднозначный и ситуативный характер носит ответ на вопрос, представителей и лидеров каких элит готовят местные отделения общенациональных партий, которые приобрели новое качество партий необщенациональных, проводят ли эти партии и укрепляют ли достаточно эффективно вертикальные связи между государством и гражданами. Данный вопрос следует рассматривать, принимая в расчет характер отношений и уровень конфликтности между различными ветвями власти, между всевозможными территориальными уровнями управления, количество и остроту спорных проблем, стоящих перед обществом.

Отнюдь не всегда представители региональных офисов общенациональных партий добиваются карьерных достижений на центральном уровне и имеют влияние в национальном парламенте, становясь частью национальной по-

литической элиты. К примеру, как полагают некоторые эксперты, в Испании, которая превратилась в последние десятилетия в одно из наиболее децентрализованных государств, исторические особенности, специфика сложившейся политической системы, формальные и неформальные нормы и практики партийно-политической жизни предопределили существование двух «политических классов» — национального и субнационального, которые довольно обособлены друг от друга [Мontero, 2007].

Подводя итоги рассмотрения проблемы европеизации национальных политических партий в государствах — членах Европейского союза, следует отметить, что этот вопрос все еще требует концептуального уточнения. Исследовательского интереса заслуживают также вопросы измерения и оценки европеизации, в том числе применительно к оценке динамики национальных политических партий. Можно предположить, что организационная адаптация и приспособление политических партий в условиях европейской интеграции и во многом — в ответ на европейскую интеграцию не привели к их институциональной конвергенции. Разнообразие и непохожесть национальных и субнациональных партийно-политических систем сохраняются и будут присутствовать в обозримом будущем, несмотря на схожие тенденции в процессах партийного строительства.

Библиографический список

- 1. Кавешников, Н. Ю. (2010). *Трансформация институциональной структуры Европейского союза*. Москва: Навона.
- 2. Перегудов, С. П., Лапина, Н. Ю., Семененко И.С. (1999). Группы интересов и российское государство. Москва: УРСС.
- 3. Прохоренко, И. Л. (2010). *Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании*. Москва: ИМЭМО РАН.
- 4. Холодковский, К. Г. (2013). *Самоопределение России*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- 5. Bomberg, E. & Peterson, J. (2000). Policy transfer and Europeanization: Passing the Heineken test? Queen's Papers on Europeanization, 2, 1-43. Retrieved from http://www.qub.ac.uk/schools/SchoolofPoliticsInternationalStudiesandPhilosophy/FileStore/EuropeanisationFiles/Filetoupload,38445, en.pdf.
- 6. Deterberk, R. & Jeffrey, Ch. (2009). Rediscovering the region: territorial politics and party organizations in Germany. In Swenden, W. and Maddens, B. (Eds.). *Territorial party politics in Western Europe* (pp. 63-85). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- 7. DiMaggio, P. & Powell, W. (1983). The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological review*, 48 (2), 147-160. DOI: 10.2307/2095101.
- 8. Fallend, F. (2004). Joint, nor separate arenas: party systems and coalitions building at the national and provincial level in Austria since the mid-1980'. In Hrbek, R. (ed.). *Political parties and Federalism* (pp. 83-96). Baden-Baden: Nomos.

- 9. Hix, S. & Goetz, K. H. (2000). *Introduction: European integration and national political systems*. West European Politics, 23 (4), 1-26.
- 10. Laffin, M., Shaw, E. & Taylor, G. (2007). The new sub-national politics of the British Labour Party. *Party Politics*, 13 (1), 88-108.
- 11. Lane, J.-E., McKay, D. & Newton, K. (1991). *Political data handbook: OECD Countries*. Oxford: Oxford University press.
- 12. Massetti, E. (2009). Regionalist party positions in the multi-dimensional ideological space: a framework for analysis. *Regional and Federal Studies*, 19 (4/5), 501-531.
- 13. Montero, A. (2007). The Limits of decentralisation: legislative careers and territorial representation in Spain. *West European Politics*, 30 (3), 573–594.
- 14. Olsen, J. P. (2002). The many faces of Europeanization. Journal of Common Market Studies, 5 (5), 921-952. DOI: 10.1111/1468-5965.00403.
- 15. Radaelli, C. M. (2003). The Europeanization of Public Policy. In Featherstone K., Radaelli C.M. (Eds.). *The Politics of Europeanization* (pp. 27-55). Oxford: Oxford University Press.
- 16. Verney, S. (2012) *Euroscepticism in Southern Europe: A diachronic perspective*. Abingdon: Routledge.
- 17. Wallace, H., Pollack, M. A., Young, A. R. (Eds.) (2010). *Policy-Making in the European Union (New European Union)*. Oxford: Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 28.06.2014.

PROBLEM OF EUROPEANIZATION OF NATIONAL POLITICAL PARTIES IN THE MEMBER-STATES OF THE EUROPEAN UNION

I.L. Prokhorenko

Prokhorenko Irina Lvovna, PhD (Politics), Leading Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), Moscow, Russia. E-mail: irinapr@imemo.ru.

The article explores the problem of Europeanization as a transformation of national political parties within the framework of the European integration project. The author focuses on the organizational adaptation of the EU national political parties under conditions of a transforming international environment, which is emerging in the course of European integration and the complex dynamics of the EU political space. The appearance of new influential actors in the party apparatus and changes in the structure of the European political parties in connection with the processes of decentralization and federalization in the EU member-states are also analyzed.

The author uses sociological institutionalism as a research methodology, which combines advantages of organizational theory and neo-institutionalism. According to this analytical approach, the EU transnational space is regarded as an organizational field. In this case the phenomenon of Europeanization of national political parties may be generally interpreted as institutional isomorphism in line with the concept of the same name, proposed and elaborated by Paul DiMaggio and Walter Powell (e.g. DiMaggio and Powell, 1983).

Key words: EU national political parties, European integration, European Union, Europeanization, European political space, national and regional party elites, sociological institutionalism.

References

- 1. Kaveshnikov, N. Yu. (2010). *Transformacija institucional'noj struktury Evropejskogo sojuza* [Transformation of the European Union Institutional Structure] Moscow: Navona.
- 2. Peregudov, S. P., Lapina, N. Yu. & Semenenko I.S. (1999). *Gruppy interesov i rossijskoe gosudarstvo* [Groups of Interest and Russian State]. Moscow: URSS.
- 3. Prokhorenko, I. L. (2010). *Territorial'nye soobshhestva v politicheskom prostranstve sovremennoj Ispanii* [Territorial Communities in the Modern Spain Political Space]. Moscow: IMEMO RAN.
- 4. Kholodkovsky, K. G. (2013). *Samopredelenie Rossii* [Self-identity of Russia]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija [Russian Political Encyclopedia] (ROSSPEN).
- 5. Bomberg, E. & Peterson, J. (2000). Policy transfer and Europeanization: Passing the Heineken test? Queen's Papers on Europeanization, 2, 1-43. Retrieved from http://www.qub.ac.uk/schools/SchoolofPoliticsInternationalStudiesandPhilosophy/File Store/EuropeanisationFiles/Filetoupload,38445,en.pdf.
- 6. Deterberk, R. & Jeffrey, Ch. (2009). Rediscovering the region: territorial politics and party organizations in Germany. In *Swenden, W. and Maddens, B. (Eds.). Territorial party politics in Western Europe* (pp. 63-85). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- 7. DiMaggio, P. & Powell, W. (1983). The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological review*, 48 (2), 147-160. DOI: 10.2307/2095101.
- 8. Fallend, F. (2004). Joint, nor separate arenas: party systems and coalitions building at the national and provincial level in Austria since the mid-1980'. In Hrbek, R. (ed.). *Political parties and Federalism* (pp. 83-96). Baden-Baden: Nomos.
- 9. Hix, S. & Goetz, K. H. (2000). Introduction: European integration and national political systems. *West European Politics*, 23 (4), 1-26.
- 10. Laffin, M., Shaw, E. & Taylor, G. (2007). The new sub-national politics of the British Labour Party. *Party Politics*, 13 (1), 88-108.
- 11. Lane, J.-E., McKay, D. & Newton, K. (1991). *Political data handbook: OECD Countries*. Oxford: Oxford University press.
- 12. Massetti, E. (2009). Regionalist party positions in the multi-dimensional ideological space: a framework for analysis. *Regional and Federal Studies*, 19 (4/5), 501-531.
- 13. Montero, A. (2007). The Limits of decentralisation: legislative careers and territorial representation in Spain. *West European Politics*, 30 (3), 573–594.
- 14. Olsen, J. P. (2002). The many faces of Europeanization. *Journal of Common Market Studies*, 5 (5), 921-952. DOI: 10.1111/1468-5965.00403.
- 15. Radaelli, C. M. (2003). The Europeanization of Public Policy. In Featherstone K., Radaelli C.M. (Eds.). *The Politics of Europeanization* (pp. 27-55). Oxford: Oxford University Press.
- 16. Verney, S. (2012) *Euroscepticism in Southern Europe: A diachronic perspective*. Abingdon: Routledge.
- 17. Wallace, H., Pollack, M. A., Young, A. R. (Eds.) (2010). *Policy-Making in the European Union (New European Union)*. Oxford: Oxford University Press.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ЕВРОПЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Д.Б. Казаринова¹

В статье рассматриваются проблемы соотношения политического и культурного в современной Европе, плюрализма как доминанты ее развития и сложного процесса институционализации в условиях социальной и культурной разнородности и противоречивых внешних вызовов. Европейское гражданство предстает как многоуровневый и разновекторный конструкт, рационально выстраиваемый в рамках элитарного проекта. Это ставит проблему легитимности ЕС и эффективности его институтов в условиях демократического дефицита. В европейском дискурсе продолжается поиск оснований для непротиворечивого развития разных векторов идентичности. Методологической основой исследования послужили признание культурного плюрализма как политической детерминанты, принципы теории политической интеграции, концепции пределов демократии, разграничение понятий культурного разнообразия и разнородности.

Ключевые слова: Евросоюз, евроинтеграция, социокультурная интеграция, европейская идентичность, европейское гражданство, кризис мультикультурализма, инокультурные анклавы, культурное разнообразие, демократический дефицит.

Противоречивые вызовы современной Европе

Сегодня общества в Европе сталкиваются со множеством разнообразных вызовов. С одной стороны, несмотря на кризис и нарастание евроскептических настроений, продолжается интеграционный процесс, который не может быть остановлен или повернут вспять в силу слишком больших издержек. Тяжелейший кризис вокруг Украины, приведший к новым геополитическим реалиям, которые до некоторой степени возвращают мир в состояние холодной войны, является важнейшим вызовом, на который Европейский союз должен дать ответ. С большой долей вероятности для ЕС Россия может выступить как общий Другой, подобно тому, как СССР и Варшавский блок были значимым стимулом для процесса евроинтеграции в 1950-х и 1970-х. Наднациональная экономика общего рынка в условиях глобальной экономической турбулентно-

 $^{^1}$ Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. Эл. почта: Kazarinova_db@pfur.ru

сти также все больше нуждается в общеевропейском регулировании, что с неизбежностью ведет к усилению брюссельской еврократии и доминирующей роли Германии как локомотива экономики Европы. Опросы общественного мнения (Eurobarometer 413) показывают, что немцы демонстрируют гораздо больший социальный запрос на ведущую роль своей страны в делах ЕС, а значит, этот тренд со временем будет приобретать все большее значение. Углубление политической интеграции (когда все больше национального суверенитета уходит в Брюссель) требует консолидации социального пространства, чувства сообщества, по Р. Далю (1994), или же становления европейского макрорегиона в качестве «большого сообщества» [Бусыгина, 2012].

Углубление политической интеграции ставит вопрос о легитимности институтов ЕС, страдающих демократическим дефицитом, а проблемы легитимности напрямую связаны с макрорегиональной идентичностью [Бусыгина, 2012]. Маркером его развития является отношение жителей ЕС к национальной и наднациональной идентичности и европейскому гражданству.

С другой стороны, все большее влияние на социальную и политическую жизнь Европы оказывает нарастающая активность инокультурных анклавов, создающая напряженность. Эта напряженность периодически выплескивается в открытые формы протестов и столкновений, что дало возможность европейским лидерам заявить о провале политики мультикультурализма. Современные политические практики не справляются с решением этих проблем. Необходим поиск новых социальных и политических стратегий на основе межкультурного диалога, которые бы способствовали инклюзии инокультурных анклавов в европейскую политическую жизнь.

По мнению специалистов Центра Шумана во Флоренции [Dobbernack, Modood, 2011], главный теоретический вопрос — это как культурное многообразие может быть вписано в либеральную демократию и секулярное общество. В данном случае европейская секулярность означает не антирелигиозность, а индивидуализированные формы религиозности в противовес общинным формам религиозности, традиционным для мигрантских сообществ. При этом речь не идет о необходимости создания некоего культурнооднородного социума. В условиях общества, сталкивающегося со значительными вызовами со стороны миграционных процессов, социально-политический идеал «национального единства» становится все менее достижимым, на смену ему пришел концепт социальной сплоченности (social cohesion), означающий степень интеграции группы, сообщества или общества в целом, включающая уровень единства ценностных ориентаций, уровень прочности межличностных взаимоотношений и уровень согласованности поведения членов группы, сообщества или общества в целом. Тем не менее базовые ценности и выстраиваемые на их основе идентичности не должны вступать друг с другом в конфликт.

Культурное разнообразие или культурная разнородность?

Вопрос об интеграции этнических меньшинств сложен и противоречив ввиду особенностей процесса евроинтеграции. Культурное многообразие в Евросоюзе имеет три измерения. С одной стороны, это внутриевропейское культурное многообразие, сложившееся в результате вхождения в единое наднациональное образование 28 государств, общества которых весьма различны по своим историческим, культурным, религиозным, хозяйственным и другим традициям. С другой стороны, значительное число стран — членов ЕС населены не только представителями титульных наций, но и испокон веков проживающих этнических и религиозных меньшинств. В результате реализации одной из ключевых свобод ЕС — свободы на передвижение в рамках Евросоюза — поток мигрантов из стран новых членов в страны ядра евроинтеграции существенно изменил социальную ткань последних. С третьей стороны, поток мигрантов извне, из неевропейских обществ, создает дополнительные самые серьезные вызовы. Сегодня до 20% жителей самых развитых стран Европы имеют иммигрантское происхождение [Triandafyllidou, 2012].

Важно заметить, что уважение культурного разнообразия заявлено в качестве одной из целей ЕС в Лиссабонском договоре.

Уместно было бы разделить культурное разнообразие и культурную разнородность. Если первое выступает целью развития ЕС, то второе отражает современное состояние европейского общества.

Культурное разнообразие — «признание существования различных культур как относительно автономных образований, отличающихся специфическим набором способов социальной практики (способы накопления, творческого преобразования и транслирования социального опыта коллективной жизни), набором методов осуществления познавательной деятельности, формами представлений, верований и идей, суммой используемых языков культуры для символического обозначения предметов, явлений и процессов окружающего мира. Культурное разнообразие проявляется в существовании таких культур, как этнические, национальные, региональные (складывающиеся в определенном географическом ареале), субкультуры, надэтнические или метакультуры (христианская, европейская, советская) и т.п.» [Овчинникова, 2001].

В то же время культурная разнородность — вызов национальному государству в эпоху глобализации, связанный с процессами усиления миграционных потоков, когда «в теле политической нации появляются инокультурные группы — носители культурных, социальных, религиозных и правовых практик, непривычных и порой несовместимых с нормами большинства». Г. Вайнштейн видит в этом «определенный дезинтеграционный потенциал, заключенный в сегодняшнем культурном ландшафте Европы» и «культурную несовместимость» [Вайнштейн, 2009].

Важно заметить, что политика в ЕС в направлении названных измерений культурного разнообразия в Европе была различной: если на протяжении последних десятилетий в сознании граждан стран — членов ЕС активно продвигалась мысль о наднациональной идентичности, то политика адаптации мигрантов проводилась исключительно в рамках вписывания их в национальный контекст. То есть в то время как французам внушали, что они европейцы, мигрантам из стран Магриба — что они французы. Причем в первом случае процесс шел несколько более успешно. Год от года растет процент респондентов, ощущающих преимущественную европейскую идентичность над национальной и региональной. Однако национальная идентичность в среднем по Европе ощущается как преимущественная во многом в связи с тем, что понятия «европейский» и «европеец» крайне размыты, сущность их просматривается лишь приблизительно. В связи с этим «явная невозможность определить сущность европейской общности с помощью формальных (будь то политических или географических) критериев ставит во главу угла критерии культурно-цивилизационного и ценностного характера, побуждая акцентировать внимание на религиозных, культурных, политических традициях Европы и ее приверженности гуманистическим и демократическим ценностям» [Вайнштейн, 2009].

Общие ценности для общей идентичности

Проблема становления европейской идентичности, которая бы доминировала над национальной, активно дебатируется не только интеллектуалами, но и представителями широкой общественности. Так, в рамках проекта Debating Europe пользователи предлагают целый набор ценностей, которые могут лежать в основе доминирующей европейской идентичности. Помимо «классических» общеевропейских ценностей — свободы, демократии и прав человека, респонденты предлагают и другие варианты: культурный плюрализм, творчество в искусстве, технологический подъем, основанный на философии и гуманизме, склонность к объективности и логическому мышлению, характерные для европейской культуры, общность исторического опыта и памяти, общность культурных кодов (выраженных в фольклоре), экологичность, способность к устойчивому развитию (Debating Europe).

Участники обсуждения вопроса о том, как возможна европейская идентичность, указывают также на необходимость внедрения европейского образования, которое бы вносило в массовое сознание европейские ценности, а не воспроизводило бы национальные мифы. Европейское образование необходимо для становления европейской идентичности по аналогии с тем, как шел процесс формирования национальных идентичностей благодаря повсеместному распространению всеобщего начального и среднего образования в странах Европы. Также обращается внимание на важность создания и общественного финансирования с той же целью общеевропейских СМИ, выходящих за рамки

новостных. То есть звучат призывы к Брюсселю интенсифицировать реализацию политики идентичности.

Активно дебатируются и проблемы языкового многообразия в контексте конструирования европейской идентичности. Сторонники одного подхода придерживаются того мнения, что единство в многообразии — одна из главных ценностей ЕС, и как ценность она важнее для европейской идентичности, чем языковая общность. Другие признают необходимость лингва франка, в качестве которого в первую очередь рассматривается английский (сейчас им владеет почти половина населения ЕС и со сменой поколений эта доля будет все увеличиваться), однако активные дискуссии ведутся и вокруг эсперанто.

Исходя из опросов общественного мнения [Eurobarometer 413, 2014], европейские достижения так распределяются по значимости:

- экономическая, промышленная и торговая мощь EC;
- приверженность EC ценностям демократии, правам человека и верховенству закона;
 - добрососедские отношения между странами-членами;
 - высокие стандарты жизни граждан ЕС;
- возможность продвижения Европейским союзом мира и демократии за пределами своих границ;
- возможности Евросоюза развивать исследовательскую и инновационную деятельность, европейскую экологическую ответственность.

Таким образом, общеевропейский консенсус по поводу базовых ценностей достигнут.

Европейское гражданство как социальный конструкт

С точки зрения внутриевропейских (т.е. не затрагивающих проблем мигрантских анклавов из неевропейских стран) ситуация тоже крайне неоднородна: если часть обществ, прошедшая долгий многовековой путь нациестроительства, идет по пути постепенного размывания национальной идентичности, другая часть европейской семьи народов активно переосмысляет свою национальную историю и находится едва ли не в начале этого пути. В ряде Балканских стран и стран Балтии построение нации не завершилось, существуют конкурирующие национальные проекты. Эти государства еще строят свою легитимность на основе таких понятий, как нация, национальная память, национальная культура, переоценивают национальную историю и пантеон национальных героев.

Идея о том, что Евросоюз — универсальный ответ на националистические угрозы, еще полтора десятка лет назад казалась абсолютно логичной и внушала оптимизм. С воплощением этой идеи в жизнь культурное многообразие

делает невозможным национальное единство и национальную идентичность, EC с его европейской идентичностью выступает как ответ на национальные вызовы [Тэвдой-Бурмули, 2001]. И действительно, когда речь шла об ирландцах и каталонцах, эта логика работала. Но сегодня главные вызовы — со стороны инокультурных сообществ. Именно эти вызовы самым серьезным образом влияют на политический ландшафт в Европе. И пока EC работает с мигрантами через национальные правительства, для них европейская идентичность будет значить еще меньше, чем национальная.

Европейское гражданство — концепт, введенный Маастрихтским договором более 20 лет назад и постепенно закрепляющийся в сознании европейцев. Регулярно проводимые опросы Евробарометра выявляют стабильную динамику повышения информированности жителей Союза и спроса на те возможности, которые предоставляет гражданство ЕС.

В свое время важнейшей предпосылкой введения европейского гражданства была идея привязки элитарного проекта брюссельской бюрократии к жизни европейских обывателей, сопряжение европейского выбора с кругом их прав и обязанностей, их идентичности. По прошествии двух десятков лет результаты воплощения этой идеи выглядят пока неоднозначно.

Сама формулировка понятия европейского гражданства в основополагающих договорах многим представляется невнятной и бессодержательной, что было результатом, с одной стороны, спешки составителей, а с другой — компромиссного решения. Под давлением евроскептиков Великобритании и Дании в Маастрихтский договор были включены положения о том, что европейское гражданство никоим образом не заменяет национального гражданства и что Европейский союз уважает национальную идентичность государств-членов. Эти существенные оговорки предопределили амбивалентность и размытость формулировки. В результате европейское гражданство стало во многом пустым понятием, рекламным трюком для продвижения европейского проекта. Оставаясь политическим и юридическим концептом, европейское гражданство корреспондирует с понятием национального гражданства по букве, но не по духу. Как высказался Ф. Фукуяма относительно близкого понятия европейской идентичности, оно «идет от разума, а не от сердца» [Fukuyama, 2007].

Главным «повсеместно используемым» правом, которое гарантирует европейское гражданство, является право на свободу передвижения, проживания, работы в других странах — членах ЕС. Однако Шенгенские соглашения об открытых границах, будучи практикой продвинутого сотрудничества, подразумевают возможность закрытия границ той или иной страной в случае возможной угрозы безопасности. Такие предложения иногда раздаются в пылу политических дискуссий. А значит, фундаментальное право, гарантируемое европейским гражданством, может быть существенным образом ограничено, что подрывает в определенной степени авторитет самого института.

Интересно, что по последним данным [Eurobarometer 365, 2013], новые граждане ЕС (жители 12 стран — новых членов) ориентируются в этом понятии несколько лучше, чем старожилы. Лучше всего европейцы знают о своих правах как граждан ЕС на свободу передвижения и права обращаться в институты ЕС. В результате опроса выявлено, что гражданами ЕС подразумевается даже больше прав, чем они обладают на самом деле. Так, около половины респондентов полагают, что можно напрямую, минуя посольство своей страны, обращаться в органы власти других стран за документами. Большинство также считает, что необходимо расширить спектр консульской поддержки граждан ЕС независимо от национального гражданства. Это демонстрирует социальный запрос на расширение практики применения европейского гражданства в его прикладном измерении.

Налицо также и запрос на более расширительное толкование европейского гражданства. В самом понятии гражданства содержится исключительность определенных прав для определенных групп. Сегодня из европейского гражданства исключены слишком многие: граждане стран Европы, не пожелавших войти в ЕС, а также проживающие в Европе мигранты без гражданства. Отмена границ внутри ЕС сделала его внешние границы менее проницаемыми для выходцев из соседних стран, исторически имеющих тесные связи и служащими источником трудовых ресурсов. Правило приобретения европейского гражданства по всему ЕС едино — для этого необходимо иметь гражданство одной из стран-членов, но вот правила приобретения национального гражданства от страны к стране разнятся. В результате можно констатировать неравенство доступа к европейскому гражданству.

Кроме того, в политическом плане европейское гражданство предполагает пока только участие в выборах в единственный и далеко не самый влиятельный политический институт единой Европы — Европарламент. Демократический дефицит не показывает никакой тенденции к снижению, уровень доверия к европейским институтам остается невысоким, а евроскепсис нарастает, что в особенности показали последние выборы в Европарламент.

Все названные факторы в совокупности делают концепт европейского гражданства ограниченным в своей способности развиваться вместе с единой Европой и стать социально-политическим базисом дальнейшего процесса политической интеграции.

Очевидно, что взаимное сопряжение культурного разнообразия с проблемами построения европейской (антинациональной? пост-национальной? наднациональной?) идентичности и окончательного оформления института европейского гражданства гораздо более сложно и многоаспектно, чем удалось осветить в настоящей статье. Ю. Хабермас [Хабермас, 1995] решает проблему соотношения культурного многообразия, идентичности и гражданства таким образом, что в либеральной демократии граждане идентифицируют себя как

таковые не благодаря принадлежности к некоей культурной общности, а будучи уверенными в фундаментальных конституционных принципах, которые гарантируют соблюдение их прав и свобод. Если смотреть на европейское гражданство с этой точки зрения, то пока Лиссабонский договор не стал той твердыней конституционных принципов, на которых может вырасти гражданская идентичность европейцев и подлинное европейское гражданство.

Представляется важным, что и европейская идентичность, и европейское гражданство, и культурное разнообразие являются не некой наличной данностью, но социальными конструктами, объектами социального проектирования и целенаправленной политики. Хабермас и Деррида в Манифесте европейской идентичности 2003 г. заявили, что европейская идентичность есть нечто изначально конструируемое. Но субъекты этого конструирования многообразны и нетранспарентны.

Таким образом, сегодня мы наблюдаем уникальную за последнее время ситуацию, когда противоречивые вызовы, стоящие перед ЕС, ставят евроскептическую и еврооптимистическую чаши весов в примерно равное положение. С одной стороны, взаимосвязанные демократический дефицит, культурная разнородность, отсутствие полноценного чувства сообщества и неразвитость института европейского гражданства не дают полноценно развиваться политической интеграции и формироваться наднациональной идентичности. С другой — стихийно и молниеносно изменяющийся глобальный мир с его экономической и геополитической турбулентностью предопределяет европейское единство, структурирует систему его ценностей и вычленяет основания европейской идентичности.

Библиографический список

- 1. Бусыгина, И. М. (2012). Региональная интеграция в современном мире и динамика макрополитической идентичности. В *Политическая идентичность и политика идентичности* (с. 365-386). Т.2. Москва: РОССПЭН.
- 2. Вайнштейн, Г. И. (2009). Европейская идентичность: желаемое и реальное. *Полис*, (4), 123-134.
- 3. Даль, Р. (1994). Проблемы гражданской компетентности. Пределы власти, (1), 49-65.
- 4. Деррида, Ж., Хабермас, Ю. (2003). Наше обновление после войны: второе рождение после Европы. *Отечественные записки*, (6), 98-105.
- 5. Овинникова, Ю. (2001). Культурное разнообразие. В Г.В. Драч, Т.П. Матяш (ред.) *Культурология: краткий тематический словарь* (с. 22). Ростов-на-Дону: Феникс.
- 6. Семененко, И. С. (2012). Мультикультурализм. В *Политическая идентичность и политика идентичности* (с. 176-181). Т.1. Москва: РОССПЭН.
- 7. Тэвдой-Бурмули, А. (2001). Интеграция и кризис идентичности: националистический вызов объединяющейся Европе. В *ЕС на пороге XXI в.: выбор стратегии развития* (с. 3-4). Москва: Эдиториал УРСС.

- 8. Хабермас, Ю. (1995). *Гражданство и национальная идентичность. Демократия. Разум. Нравственность.* Москва: Академия.
- 9. Debating Europe Platform. (2011). Режим доступа http://www.debatingeurope. eu/2011/12/19/is-a-european-identity-possible/#.U9A9aLEQP5k
- 10. Dobbernack, J., Modood, T. (2011). Tolerance and cultural diversity in Europe. Theoretical perspectives and contemporary developments. Режим доступа http://www.eui.eu/Projects/ACCEPT/Documents/Research/wp2/ACCEPTPLURALISMWP2D2-1Stateoftheartreport.pdf
- 11. Flash Eurobarometer 365 "European Union Citizenship". (2013). Режим доступа http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_365_sum_en.pdf
- 12. Fukuyama, F. (2007). Identity and Migration. Режим доступа: http://www.prospect-magazine.co.uk/printarticle.php?id=8239
- 13. Special Eurobarometer 413/Wave EB81.1 TNS Opinion & Social "Future of Europe". (2014). Режим доступа http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_413_en.pdf
- 14. Triandafyllidou, A. (2012). *Handbook on Tolerance and Cultural Diversity in Europe*. Florence: EUROPEAN UNIVERSITY INSTITUTE.

Статья поступила в редакцию 24.06.2014.

.....

EUROPEAN CITIZENSHIP AND CULTURAL DIVERSITY IN EUROPE: PROBLEMS OF CORRELATION

D.B. Kazarinova

Darya Borisovna Kazarinova, Candidate of Political science, lecturer of the Chair of Comparative Political Studies, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

E-mail: Kazarinova_db@pfur.ru.

The article considers the correlation of the political and cultural in modern Europe, of pluralism as a dominant of its development and a complex process of institutionalization in the context of social and cultural diversity and contradictory external challenges. European citizenship is presented as a multilevel and multidirectional construct that is rationally established within the framework of the elite project. This raises the problem of the EU legitimacy and efficiency of its institutions in conditions of democracy deficit. Reasons for a noncontradictory development of different identity vectors are being searched for in the European discourse. Methodological basis of the research is recognition of the cultural pluralism as a political determinant, differentiation of notions of cultural diversity and heterogeneity.

Key words: European Union, European integration, sociocultural integration, European identity, European citizenship, crisis of multiculturalism, cultural enclaves, cultural diversity, democracy deficit.

References

1. Busygina, I. M. (2012). Regional'naja integracija v sovremennom mire i dinamika makropoliticheskoj identichnosti [Regional integration in modern world and dynamics of macropolitical identity]. In *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and policy of identity] (pp. 365-386). Vol.2. Moscow: ROSSPEN.

- 2. Vajnshtejn, G. I. (2009). Evropejskaja identichnost': zhelaemoe i real'noe [European identity: desired and real]. *Polis* [Polis], (4), 123-134.
- 3. Dal', R. (1994). Problemy grazhdanskoj kompetentnosti [Problems of civil competence]. *Predely vlasti* [Limits of power], (1), 49-65.
- 4. Derrida, Zh. & Habermas, Ju. (2003). Nashe obnovlenie posle vojny: vtoroe rozhdenie posle Evropy [Our renewal after the war: second birth of Europe]. *Otechestvennye zapiski* [National memoirs], (6), 98-105.
- 5. Ovinnikova, Ju. (2001). Kul'turnoe raznoobrazie [Cultural diversity]. In G.V. Drach, T.P. Matjash (edit.) *Kul'turologija: kratkij tematicheskij slovar'* [Culturology: concise glossary] (p. 22). Rostov-on-Don: Feniks.
- 6. Semenenko, I. S. (2012). Mul'tikul'turalizm [Multiculturalism]. In *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and policy of identity] (pp. 176-181). Vol.1. Moscow: ROSSPEN.
- 7. Tjevdoj-Burmuli, A. (2001). *Integracija i krizis identichnosti: nacionalisticheskij vyzov ob'edinjajushhejsja Evrope. ES na poroge XXI v.: vybor strategii razvitija* [Integration and crisis of identity: nationalist challenge to a uniting Europe. The EU at the threshold of the 21 century: choice of the development strategy] (pp. 3-4). Moscow: Editorial URSS.
- 8. Habermas, Ju. (1995). *Grazhdanstvo i nacional'naja identichnost'. Demokratija. Razum. Nravstvennost'* [Citizenship and national identity. Democracy. Sense. Moral]. Moscow: Akademija.
- 9. Debating Europe Platform. (2011). Retrieved from http://www.debatingeurope.eu/2011/12/19/is-a-european-identity-possible/#.U9A9aLEQP5k
- 10. Dobbernack, J., Modood, T. (2011). Tolerance and cultural diversity in Europe. Theoretical perspectives and contemporary developments. Retrieved from http://www.eui.eu/Projects/ACCEPT/Documents/Research/wp2/ACCEPTPLURALIS MWP2D2-1Stateoftheartreport.pdf
- 11. Flash Eurobarometer 365 "European Union Citizenship". (2013). Access regime http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_365_sum_en.pdf
- 12. Fukuyama, F. (2007). Identity and Migration. Retrieved from http://www.prospect-magazine.co.uk/printarticle.php?id=8239
- 13. Special Eurobarometer 413/Wave EB81.1 TNS Opinion & Social "Future of Europe". (2014). Retrieved from http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_413_en.pdf
- 14. Triandafyllidou, A. (2012). *Handbook on Tolerance and Cultural Diversity in Europe*. Florence: EUROPEAN UNIVERSITY INSTITUTE.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ПРИМЕР ГЕРМАНИИ

С.В. Погорельская¹

Автор рассматривает трансформацию национальных партийно-политических систем в контексте неразрешенной проблемы дефицита демократической легитимации Европейского Союза. Система европейских политических партий с их фракциями в Европарламенте не является партийной демократией так же, как и сам ЕП не равноценен национальным парламентам. Процессы европейской интеграции меняют институциональную среду, в которой действуют традиционные партии старых европейских демократий, ущемляя эти партии в привычных для них процедурах принятия решений, А сужая пространство их внутриполитической свободы. Особенно четко данная тенденция проявилась в ходе «продвижения» европейского механизма стабильности. В результате поднимают голову антиевропейские партии, создаются новые движения. В Германии, где в прежние времена скепсис по отношению к ЕС автоматически лишал любую партию политической салонности, граждане организуются в политические инициативы или основывают новые партии. Набирает силу «Альтернатива для Германии», партия консервативных и либеральных элит, нашедших общую платформу в ходе кризиса евро. На уровне национальных правительств даже скептические по отношению к Европе партии, будучи увязаны в систему европейских межгосударственных договоров, обязаны следовать интересам европейской интеграции, а на уровне ЕП партии могут свободно артикулировать свой скепсис. Автор полагает, что в далекой перспективе такое развитие может привести к противоречию между Евросоветом и Европарламентом, от успешного взаимодействия которых зависит европейское законотворчество.

Ключевые слова: Евросоюз, кризис еврозоны, евроскепсис, партия «Альтернатива для Германии».

У истоков общеевропейского интеграционного процесса Жак Делор сравнил Европу с велосипедом [Zitat..., 2013]: она в равновесии, пока движется. Остановится — упадет. После окончания эпохи конфронтации ЕС практически не делал остановок в своем движении: он расширялся количественно и менялся качествено. Провозгласив своей целью «всё теснее сплачивающийся Союз», он не определил пока ни конечного политического и идейного смысла

¹ Погорельская Светлана Вадимовна – кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник сектора Западной Европы и Америки ИНИОН РАН, старший научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Бонн, Германия. Эл. почта: pogorelskaja@yahoo.de.

этого Союза ни его географических пределов. «Союзное государство Европы» казалось его стратегам слишком тесным, а «Союз европейских государств» — слишком разобщенным. Нынешний ЕС — это sui generis, развивающаяся, амбициозная структура, единственная в своем роде. На сегодняшний день открытость европейской идеи и перманентная незавершенность европейского процесса стали определяющими характеристиками ЕС.

Между тем проблемы, в ходе этого безостановочного движения вытесненные в тылы европейского процесса, накапливаясь, приобретают критическую массу, в перспективе способную повлиять на будущий характер общеевропейского процесса. Важнейшая из них — дефицит демократической легитимации Союза.

Стратеги европейского единства при каждом кризисе вспоминают крылатые слова Жана Монэ о том, что именно кризисы были лучшими «объединителями» Европы [Статег, 2014]. Последний кризис объединил Европу за счет демократии. Он требовал быстрых решений, и решения эти принимались в верхах, на межправительственных уровнях. Евросовет усилился в ущерб Европарламенту и Еврокомиссии. Парламенты государств получали документы для ратификации, не имея возможности принять участия в их создании.

Юрген Хабермас в своем последнем эссе «О конституции Европы» [Habermas, 2011] ядром будущей государственно-сверхгосударственной структуры видит не Совет, а Парламент, напрямую избираемый гражданами. Самим фактом своей работы такой парламент сформировал бы единую Европу, ее идентичность, ее граждан, ее общественность. Однако такая структура предполагает далеко идущий общеевропейский договор, к которому народы Европы, как показала история провалившейся «Конституции для ЕС» [Погорельская, 2005а; Погорельская, 2005б], не готовы.

Демократическая легитимность EC реализуется опосредованно, в деятельности правительств, сформированных национальными партиями, поскольку «общеевропейского народа» не существует.

Система европейских политических партий с их фракциями в Европарламенте не является партийной демократией так же, как и сам ЕП не равноценен национальным парламентам. Таким образом, говоря о партийной жизни ЕС, мы подразумеваем жизнь национальных партий в их европейской инкарнации, а под выборами в ЕП — 28 национальных выборов.

Процессы европейской интеграции меняют институциональную среду, в которой действуют политические партии старых европейских демократий, ущемляя их в привычных для них процедурах принятия решений, сужая пространство их внутриполитической свободы. Однако эти изменения встречают сопротивление граждан. Так, в Германии по ходу ратификации Европейского механизма стабильности (ЕСМ) в Конституционный суд был подан целый ряд

исков от граждан, полагавших, что новый этап европейского законотворчества противоречит Конституции Германии. Ориентируясь на избирателей, партии улавливают это сопротивление, интегрируя его в большей или меньшей мере в свои предвыборные программы на внутриполитическом и европейском уровнях, как это сделал, например, немецкий ХСС. И если на уровне национальных правительств даже скептические по отношению к Европе партии, будучи увязаны в систему европейских межгосударственных договоров, обязаны следовать интересам европейской интеграции, то на уровне ЕП партии могут свободно артикулировать свой скепсис. В далекой перспективе такое развитие может привести к противоречию между Евросоветом и Европарламентом, от успешного взаимодействия которых зависит европейское законотворчество.

Неоднократно отмечалось, что выборы в ЕП в 2014 г. привели к увеличению в нем доли евроскептиков различных политических направлений. Однако в ЕП нет той биполярности, которая определяет бытие национальных парламентов (правительство, оппозиция). В рамках одной и той же фракции позиции могут быть различны в зависимости от национальных интересов. Увеличение доли критических сил не повлияет на ход общеевропейского процесса. Кроме того, среди евроскептиков, въехавших в Страсбургский парламент, доля абсолютных противников ЕС минимальна. Большинство не отрицает необходимости европейской интеграции, но имеет свои представления о ней.

В качестве особого примера обратимся к первой евроскептической партии Германии, названной ее создателями «Альтернатива для Германии» («АдГ»).

Германия называет себя государством партий: они занимают ключевое место в политической системе страны. Там, где француз или нидерландец устраивает плебисцит, немец передает полномочия парламенту. Если же руководство действующих партий из высоких государственных соображений не учитывает воли избирателей, возникает конфликт интересов.

Поскольку у многих граждан в последние годы возникает впечатление, что их партии в вопросах кризиса евро игнорируют голос партийного базиса, они создают новые организации, изменяя привычный партийный ландшафт.

Важнейшим внутриполитическим следствием непоколебимого проевропейского правительственного курса последних двух лет стало создание солидной партии, скептически относящейся к официальному курсу Германии в Евросоюзе и стоящей правее ХДС/ХСС. «Альтернатива для Германии» — типично немецкое явление, результат одного из табу, унаследованных страной из тех времен, когда невероятная экономическая мощь Западной Германии сочеталась с ее такой же невероятной политической немощью. В большинстве значительных стран ЕС так называемые гражданские правые, или новые правые, располагали возможностью политического волеизъявления: национал-консервативные или же правопопулистские движения были привычной частью политических ландшафтов. В Западной же Германии легальный пра-

вый консерватизм заканчивался на правом фланге обеих христианских партий. Вне христианства консерватизма не было, правее ХДС и ХСС начинались ультраправые — республиканцы, НДПГ, ННС и прочие группы, неприемлемые для законопослушного правоконсервативного бюргера. Немцев лишили национал-популизма, предполагая таким образом предотвратить возрождение германской великодержавности. Во всей Европе гражданские силы, скептически относившиеся к процессам европейской интеграции, участвовали в демократическом процессе. В Германии же они были изгоями: попытка поставить «национальное» перед «общеевропейским» каралась исключением из большой политики. ХДС, особенно после прихода к власти Меркель, держала в узде своих национал- и либерал-консерваторов, а СвДП после гибели популиста Юргена Мелеманна и утверждения лидерства Гидо Вестервелле подавила своих национал-либералов. Политический евроскепсис считался уделом праворадикальных партий и группировок, целенаправленно идентифицировался исключительно с маргинальными социальными слоями и был вытеснен из официальной политики как нечто неприличное. Новые правые Германии группировались вокруг пары-другой издательств и газеты «Юнге Фрайхайт». Попасть к ним означало попасть в стигматизированное правоинтеллектуальное гетто.

Однако по мере усиления кризиса еврозоны огульно маргинализовать всех евроскептиков становилось все сложнее: рядовых граждан, обеспокоенных судьбой своих банковских сбережений, нельзя поголовно записать в правые националисты.

Аидеры «Альтернативы для Германии» — интеллектуалы новой формации. Это политически активные эксперты: политэкономы, преподаватели высшей школы, журналисты, в течение долгого времени пытавшиеся в рамках существующей партийной системы реализовать свои взгляды на «правильную» экономическую политику в еврозоне. Среди них — авторы знаменитой «Гамбургской апелляции» [Hamburger Appell]. Они популяризировали свои взгляды в печати, в Интернете, в толк-шоу: более 300 ученых, возглавляемых профессором Луке, объединились с этой целью в 2010 г. в организацию «Экономический пленум» [Plenum der Ökonomen]. Они протестовали в Конституционном суде, оспаривая Европейский механизм стабильности с точки зрения немецкого конституционного права. В качестве экспертов они пытались влиться в гражданскую инициативу «Свободные избиратели», выступившую в 2012 г. против «спасения евро за счет немцев». И наконец в феврале 2013 г. они создали свою партию.

«Альтернатива для Германии» привлекла людей, вытесненных из своего привычного политического пространства в ходе общеевропейской битвы за «спасение евро». Меры по стабилизации еврозоны так быстро и так основательно изменили официальную германскую политику, что традиционалисты

перестали узнавать как свои старые партии, так и самих себя в этих партиях. Пятидесятилетний Луке целых 33 года был членом ХДС и покинул партию в 2011 г. из за несогласия с курсом Ангелы Меркель в Европе. «Альтернатива для Германии» не представляет какие-то новые социальные слои, это — партия консервативных и либеральных элит, в ходе «кризиса евро» окончательно потерявших свою партийно-политическую родину.

Партия Бернда Луке стоит правее христианского консерватизма, но решительно отмежевывается от ультраправых. Она — ответ германской политической системы на требования времени, причем ответ осмотрительный, с оглядкой на соседей: уж если немцы и создают партию, скептически относящуюся к «брюссельскому диктату», то эта партия не возникнет стихийно снизу и не вынесет из народной гущи в большую политику нового фюрера, а цивилизованно организуется сверху, причем социальный уровень ее лидеров автоматически обеспечит ей политическую салонность. Такая партия объединит уважаемых людей и удовлетворится ролью конструктивной оппозиции. И она ни в коем случае не будет антиевропейской. «Я пламенный сторонник европейской идеи» [Lucke, 2013], — заявляет Луке. «В оппозиции мы останемся до тех пор, пока не найдется еще одна партия, желающая изменить политику Германии в ЕС», — говорит он. А таких партий пока нет.

«АдГ» не планирует немедленного и одностороннего отказа Германии от евро. Она предлагает выйти из еврозоны задолжавшим южноевропейским странам, причем не сразу, а путем паралельного сосуществования евро и национальной валюты и с одновременным сокращением государственных долгов. Возвращение к немецкой марке допускается лишь в том случае, если оставшиеся, сильные члены валютного клуба, в частности Франция, не захотят вместе с Германией стабилизировать евро и по-прежнему будут настаивать на обобществлении долгов и на «перераспределительном союзе». Следует вернуть национальным парламентам те бюджетные компетенции, от которых они отказались в ходе спасения евро, требует партия. Бремя спасения задолжавших стран должны нести банки, хедж-фонды и прочие крупные инвесторы.

Судьба евро — не единственный пункт в программе «АдГ», эксперты решили ударить и по другим табуизированным темам. Так, они предлагают устранить существующие в Германии «дефициты демократии», введя всенародные референдумы по швейцарскому примеру. Существующую миграционную политику, в которой гуманитарный аспект до сих пор перевешивает утилитарный, предлагается перестроить по канадскому образцу, принимая в первую очередь тех мигрантов, которые могут принести пользу стране. Кроме того, партия требует упрощения налоговой системы, снижения цен на электроэнергию, поддержки системы университетского образования.

Популярность, завоеванная «АдГ» буквально за два месяца, позволяет думать не только о её качественном политмаркетинге, но и о том, что либераль-

но-консервативная партия на самом деле желанна для тех, чьим противовесом она якобы является. Спустя короткий срок после основания партии пресса запестрела сообщениями о её быстром росте, о политических «перебежчиках» из консервативного и либерального лагеря. Особенно досталось либералам: среди их «перебежчиков» не только рядовые члены СвДП, но и активные политики и даже один депутат ландтага. «Старые партии» демонстрировали в СМИ пренебрежительное отношение к новой сопернице, однако на деле отнеслись к ней вдумчиво и разрабатывают тайные стратегии своих взаимоотношений с ней. Консерваторам, например, как следует из «секретной штудии» Фонда Аденауэра [Die neue Partei «Alternative für Deutschland»], предлагается демонстрировать показное равнодушие, но принять «АдГ» всерьез и нейтрализовать ее в предвыборной борьбе, развязав активные дебаты между традиционными партиями. Социал-демократические эксперты рекомендуют своим политикам напоказ характеризовать «АдГ» исключительно как «проблему правительства Меркель», но на деле отнестись к ней очень серьезно: отгораживаясь от ультраправого лагеря, эта партия имеет все шансы притянуть к себе не только консерваторов и либералов, недовольных курсом нынешнего правительства в ЕС, но и социал-демократов: в связи с еврокризисом в социал-демократических первичках крепнет недовольство собственной партией, поддерживавшей непопулярные меры по спасению евро. А Левая партия поторопилась провести границу между евроскепсисом «альтернативщиков» и собственным критическим курсом. Её лидеры указывают, что Левая предлагает «социальную альтернативу» тем методам, которыми преодолевает еврокризис ЕС, в то время как правоконсервативная «АдГ» ищет спасения на путях жесткого неолиберализма. Что же касается праворадикальных сил, то они относятся к новой партии с любовью, называя ее «отмычкой», которая откроет им путь в большую политику. Однако симпатия эта односторонняя: «АдГ» чётко отмежевывается от ультраправого лагеря и не принимает к себе бывших членов праворадикальных партий.

Развитие событий позволяет сделать вывод, что партия, уже «принята» официальной политикой и имеет все шансы заполнить тот ваккуум правее ХДС/ХСС, который сложился в партийной системе ФРГ в силу исторических особенностей. Создание консервативно-либеральной партии — шаг на пути нормализации этой системы, приближения ее к партийным системам других европейских государств, где партии, скептически относящиеся к общеевропейскому майнстриму, давно уже стали не альтернативой, а повседневностью.

На выборах в ЕП эта партия добилась выгодного для себя результата — 7% голосов. Однако в общегерманском масштабе этот результат незначителен по сравнению с позициями таких массовых партий, как христианские демократы или социал-демократы. Формирование партии, скептически относящейся к процессам европейской интеграции, — это безусловный успех внутригер-

манского политического процесса, свидетельствующий, что Германия покидает свой «особый путь», приобретая внутриполитические характеристики, присущие другим сравнимым с ней европейским демократиям. Политическая легализация евроскептицизма в Германии не грозит традиционному политическому курсу этой страны в ЕС, поскольку «АдГ» не обладает потенциалом массовой партии: она претендует всего лишь на роль конструктивной оппозиции и на долгие годы останется таковой. Формирование данной партии можно также отнести к успехам Ангелы Меркель, в очередной раз вытеснившей из собственной партии ставших опасными для нее (и для партийного курса) влиятельных скептиков и обрекшей их на существование в социальной нише без перспектив доступа к политической власти.

Библиографический список

- 1. Погорельская, С. В. (2005а). Конституция versus демократия. Проблематичные аспекты конституционного договора. *Мировая экономика и международные отношения*, (7), 5-63.
- 2. Погорельская, С. В. (2005б). ЕС: постдемократия и популизм. *Мировая экономика* и международные отношения, (11), 96-105.
- 3. Cramer, M. (2014). Europa-Wahl 2014: Krise heißt Wendepunkt. Retrieved from http://www.michael-cramer.eu/presse/single-view/article/europa-wahl-2014-kris/
- 4. Die neue Partei "Alternative für Deutschland" (2013). KAS, Hauptabteilung Politik und Beratung, 24.
- 5. Habermas, J. (2011). Ein Essay zur Verfassung Europas. Berlin, Suhrkamp Verlag.
- 6. Hamburger Appell (2013). URL: http://www.wiso.uni-hamburg.de/fileadmin/wiso_vwl_iwk/paper/appell.pdf
- 7. Lucke, B. (2013). "Es ist der Euro, der die europäische Idee zerstört". Retrieved from http://www.focus.de/politik/deutschland/tid-30129/anti-euro-partei-chef-lucke-es-ist-der-euro-der-die-europaeische-idee-zerstoert_aid_941498.html
- 8. Plenum der Ökonomen (2010). URL: http://www.wiso.uni-hamburg.de/lucke/
- 9. Zitat von Jacques Delors (2013). URL: http://gutezitate.com/zitat/255757

Статья поступила в редакцию 24.06.2014.

57

EUROPEAN INTEGRATION AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF NATIONAL PARTY AND POLITICAL SYSTEM. CASE OF GERMANY

S. W. Pogorelskaja

Swetlana W. Pogorelskaja is a Candidate of Political Science, PhD of the University of Bonn, Senior Research Assistant of the Department of Western Europe and America of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Science (ISISS RAS), Senior Research Assistant of the European Integration Research Department at the RAS Institute of Europe, Bonn, Germany. E-mail: pogorelskaja@yahoo.de.

The author considers transformation of national party and political systems in the context of unresolved issue of the democratic legitimacy deficit in the European Union. The system

of European political parties with their fractions in the European Parliament is not party democracy, as well as the EP itself is not equivalent to the national parliaments. The processes of European integration are changing institutional environment, where the traditional parties of old European democracies function, thus these parties are infringed in the habitual procedures of decision-making, and the space for internal political freedom is narrowed. The tendency has become especially evident in the process of the European Stability Mechanism promotion. As a result, anti-EU parties lift up their head and new movements are created. Before, the scepsis towards EU was automatically the reason for any party in Germany to lose political respectability, but now citizens join political initiatives or establish new parties. «Alternative for Germany», party of conservative and liberal elites who found common ground during the Euro crisis, is gaining momentum. On the level of national governments even Eurosceptic parties are obliged to follow the interests of European integration, as they are involved into the system of European international treaties, but the EP level allows parties expressing their skepticism freely. The author considers that such development can result in antagonism between the European Council and the European Parliament in the long run, though the successful interaction of these bodies predetermines European lawmaking.

Key words: the European Union, Eurozone crisis, Euroscepticism, «Alternative for Germany» party.

References

- 1. Pogorel'skaya, S. V. (2005a). Konstitucija versus demokratija. Problematichnye aspekty konstitucionnogo dogovora. [Constitution versus Democracy. Problematic issues of the Constitutional treaty]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], (7), 5-63.
- 2. Pogorel'skaya, S. V. (20056). ES: postdemokratija i populizm [The EU: post-Democracy and Populism]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], (11), 96-105.
- 3. Cramer, M. (2014). Europa-Wahl 2014: Krise heißt Wendepunkt. Retrieved from http://www.michael-cramer.eu/presse/single-view/article/europa-wahl-2014-kris/
- 4. Die neue Partei "Alternative für Deutschland" (2013). KAS, Hauptabteilung Politik und Beratung, 24.
- 5. Habermas, J. (2011). Ein Essay zur Verfassung Europas. Berlin, Suhrkamp Verlag.
- 6. Hamburger Appell (2013). URL: http://www.wiso.uni-hamburg.de/fileadmin/wiso_vwl_iwk/paper/appell.pdf
- 7. Lucke, B. (2013). "Es ist der Euro, der die europäische Idee zerstört". Retrieved from http://www.focus.de/politik/deutschland/tid-30129/anti-euro-partei-chef-lucke-es-ist-der-euro-der-die-europaeische-idee-zerstoert_aid_941498.html
- 8. Plenum der Ökonomen (2010). URL: http://www.wiso.uni-hamburg.de/lucke/
- 9. Zitat von Jacques Delors (2013). URL: http://gutezitate.com/zitat/255757

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВЫБОРОВ И ИХ ЕВРОПЕЙСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ (КАЗУС ИТАЛИИ)

К.Г. Холодковский¹

По мнению автора, при всей незавершенности процесса превращения европейских выборов в полноценный институт эти выборы, даже в том случае, когда их повестка дня определяется не столько европейскими, сколько национальными проблемами, все же имеют существенное значение для перспектив Европейского союза. Этот тезис доказывается на примере выборов в Европарламент, прошедших в 2014 г. в Италии. На этих выборах явно превалировала национальная повестка дня — необходимость серьезных структурных реформ. Несмотря на то что Италия — одна из крупнейших стран Европейского союза и одна из его основателей, ее экономика страдает многими слабостями, а политический механизм далеко не совершенен. Парламент и партии утратили авторитет. Это создало благоприятные условия для выдвижения харизматических лидеров с популистскими программами. Выборы, превратившиеся в состязание лидеров, показали, какие неоднозначные возможности таит в себе усиление популистских тенденций, наблюдающееся в ряде стран Евросоюза. Кроме того, результаты выборов укрепили наблюдающуюся в европейских странах тенденцию к оспариванию проводимой доминирующими силами Евросоюза жесткой трактовки курса на бюджетную экономию, выдвижению требований обеспечения экономического роста и борьбы с безработицей.

Ключевые слова: выборы в Европарламент, Италия, популизм, лидерская тенденция, Берлускони, Грилло, Ренци, структурные реформы, жесткая экономия, стимулирование экономического роста, евроскептики.

Достаточно взглянуть на данные об участии избирателей в европейских выборах, различающиеся в диапазоне от 90% в Бельгии и Люксембурге до 13% в Словакии [Elezioni europei, 2014] чтобы убедиться, что выборы в Европарламент еще не смогли утвердиться в качестве нормального, общепризнанного института. Нередко они воспринимаются населением лишь как еще одни, притом второстепенные национальные выборы.

Однако не все здесь так просто. Казус Италии 2014 г. показывает, что даже при доминировании на этих выборах национальной повестки дня их характер и их результаты иногда могут иметь значение для перспектив всего Европейского союза. Рассмотрим этот казус.

¹ Холодковский Кирилл Георгиевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, Москва, Россия. Эл. почта: holgrig@mail.ru.

Проблемы Италии

Несмотря на то что Италия — одна из крупнейших стран Европы и к тому же принадлежит к числу государств — основателей Союза, она страдает многими болезнями, заставляющими относить ее к его слабым звеньям [Mammone, Veltri, 2011, pp. 33]. Развернувшийся в Италии в последние десятилетия процесс деиндустриализации не компенсировался решительным выходом ее экономики на более высокий технологический уровень, стране грозит превращение в гигантский музей. Бюджетный дефицит и государственный долг постоянно выходят за рамки установленного правилами Союза норматива.

Трудовые отношения зарегулированы и препятствуют обновлению рабочей силы, противоречия между завоевавшим определенные гарантии старшим поколением и не находящим работы молодым поколением подрывают и без того непрочное национальное единство.

Серьезные слабости присущи итальянскому административно-политическому механизму. Он громоздок, медлителен, бюрократичен, подвержен сильнейшей коррупции [Rodota», 2011, pp. 6-7]. Авторитет органов представительной демократии крайне низок: согласно данным опросов, доверяют парламенту менее 10% граждан [La Repubblica, 2009].

Потребность в реформах ощущается во всех общественных сферах [Veltroni, 2011]. Однако каждая из общественных сил понимает их по-своему.

Между тем партии и профсоюзы как институты, которые должны объединять, укрупнять интересы и связывать общество с государством, недостаточно эффективны [Diamanti, 2012]. Профсоюзы в значительной степени превратились в представительство отдельных социальных групп и даже кланов, прежние партии сошли со сцены, а новые не смогли завоевать должного авторитета. Созданная Сильвио Берлускони «под себя» правоцентристская партия лишена нормальной внутрипартийной жизни — идеологии, дискуссий, избираемых лидеров. Ее оппонент — Демократическая партия, объединившая бывших коммунистов, левых католиков и левых республиканцев, до сих пор не обрела единства и определенного лица [Маттопе, 2011, pp. 465-474].

Почти половина опрошенных исследовательским центром «Демос» полагает, что демократия возможна и без партий. Более того, свыше 30% респондентов считают, что можно обойтись и без демократии. Единственные институты, доверие к которым растет, — это силовые службы и особенно церковь [La Repubblica, 2009].

Поиски лидера

В этих условиях преувеличенные надежды избиратели возлагают на того или иного политического лидера, обладающего харизмой и превращающего партии и политические движения в свое орудие. Такой лидер, обращающийся

(часто с помощью телевидения) непосредственно к рядовому гражданину, как бы заполняет своей личностью образовавшуюся брешь между обществом и государством [Rodota», 2011, p. 50].

Для Италии со времен Муссолини такая роль лидера стала своего рода политической традицией, проявляющейся в кризисные времена. Но эта тенденция проглядывает и в других европейских странах, во все большей мере отдающих дань популизму.

В течение многих лет (с 1994 г.) на итальянской политической сцене лидировал Сильвио Берлускони, контролировавший основные каналы частного телевидения [Tranfaglia, 2011, р. 412]. Однако мелкотравчатый государственный патернализм, характерный для политики Берлускони, оказался не в состоянии противостоять экономическому кризису 2008-2009 гг. Кроме того, его авторитет в конце концов был подорван беспрерывной чередой скандалов.

Недовольство, особенно сильное среди молодежи, выдвинуло фигуру Беппе Грилло — бывшего комика, незаурядного блогера-демагога, создавшего протестное Движение пяти звезд (ДПЗ). Основными требованиями ДПЗ стали полное обновление итальянского политического класса и использование при управлении средств прямой демократии. В дальнейшем Грилло выступил и за проведение референдума относительно целесообразности пребывания страны в зоне евро.

Трое из десяти избирателей, голосовавших за ДПЗ, определяли себя как левых или левоцентристов, более 20% — как правоцентристов, но почти половина не смогла определить свое место в политическом раскладе. Наиболее популярными среди избирателей партии Грилло требованиями оказались радикальное изменение политического класса (43% опрошенных центром «Демополис»), транспарентность политики и сокращение расходов на нее (30%), изменение экономической и налоговой политики в Италии и Европе (27%) [Sondaggi politici..., 2014].

На парламентских выборах в феврале 2013 г. это движение получило более 25% голосов. Но затем оно проявило свою полную неконструктивность и недоговороспособность, превратившись в тормоз, препятствующий созданию дееспособных коалиций.

События последних лет выдвинули еще одного претендента на занятие ниши харизматичного политика — нового, молодого (39 лет) секретаря Демократической партии (бывшего мэра Флоренции) Маттео Ренци, ставшего в феврале 2014 г. премьер-министром. Не будучи, в отличие от своих предшественников, наследником левых политических традиций (его идеал — американская Демократическая партия), он способен к непринужденным политическим маневрам, к соглашениям с умеренными и правыми политическими силами (продемонстрировав это договоренностью с Берлускони о будущей ре-

форме избирательной системы) и тем самым увеличивает свою «пробивную силу». Молодость, обаяние, энергия привлекли к нему симпатии многих избирателей, голосовавших в прошлом за центристские и даже правые партии. Особенно велика его популярность среди женщин.

Все сказанное имеет самое прямое отношение к тому, какова оказалась в Италии повестка дня выборов 2014 г. в Европейский парламент. На этих выборах проблемы Европейского сообщества оказались оттеснены на задний план: 77% итальянцев, согласно опросу Ipsos European, с пессимизмом смотрят на перспективы Европейского союза [Sondaggi IPSOS, 2014]. На первый план вышел вопрос о перспективах серьезных структурных реформ в самой Италии, а соревновались не столько партии, программы или тем более идеологии, сколько имиджи трех харизматических лидеров — Берлускони, Грилло и Ренци. При этом первый из них оказался в стадии заката, второй — в стадии начавшегося разочарования из-за своей недееспособности к конструктивной политике, третий же — в апогее популярности.

Результаты и последствия выборов

Демократическая партия, возглавляемая Ренци, получила на европейских выборах 40,8% голосов, что является для Италии абсолютным рекордом. До сих пор держался рекорд, поставленный в 1979 г. на выборах в Европарламент Христианско-демократической партией — 36,9% [La Stampa, 2014]. 45% избирателей изменили свою позицию по сравнению с парламентскими выборами 2013 г. [Sondaggio Demopolis, 2014]. Треть мелких и средних предпринимателей, большинство которых в 2008 г. голосовало за партию Берлускони, отдала теперь свой голос партии Ренци [L»Espresso, 5.06.2014]. В пользу Ренци высказалась и Конфиндустрия (Конфедерация промышленников).

Грилло с его движением получил, вопреки ожиданиям, меньше голосов (21,15%), чем на выборах в итальянский парламент. Партия Берлускони набрала всего 16,8% от общего числа избирателей, что явилось наихудшим результатом за всю ее историю [La Stampa, 2014].

Победа Ренци оказалась успехом не столько левых сил, сколько лидера, ориентирующегося на реформы с участием умеренных, центра и даже правых, осуществившего, хотя бы на момент, некое подобие национального единства.

Значение внушительной по своему масштабу победы Ренци несколько умалялось тем, что в выборах приняли участие всего 58,7% итальянцев (на выборах в Европарламент 2013 г. — 66,3%) [La Stampa, 2014]. Тем не менее впечатление, которое это событие произвело на политические круги страны, оказалось ошеломляющим.

Ренци, по крайней мере на некоторое время завоевал положение бесспорного лидера и потенциального реформатора. В своих заявлениях он обрисовал ши-

рокий круг намечаемых скорейших политических и социально-экономических преобразований: введение более совершенной избирательной реформы, превращение сената, дублирующего функции нижней палаты и тем затягивающего законодательный процесс, в орган представительства регионов с ограниченными полномочиями, либерализация трудового законодательства, сокращение налогов и государственных расходов, совершенствование государственной администрации, стимулирование развития волонтариата и сети неправительственных организаций, связывающих общество с властными органами, и т.д.

Несомненно, программа структурных реформ, выдвинутая Ренци, является наиболее обширной и далеко идущей в сравнении с политическими планами, вынашиваемыми сейчас остальными европейскими правительствами. В случае ее успеха она могла бы оказать влияние на ситуацию и расстановку сил в других странах. Но ее выполнение отнюдь не гарантировано. Оно зависит от не слишком благоприятной расстановки сил в парламенте, где у Демократической партии нет большинства, и, следовательно, требует сложного маневрирования среди конкурирующих политических сил. Правда, впечатление, произведенное результатами выборов, породило некоторые подвижки среди этих сил. Грилло, до этого демонстративно отказывавшийся от каких-либо компромиссов, выразил готовность обсуждать с представителями правительства предполагаемую реформу избирательной системы. Однако значение этого шага умаляется тем, что предложения ДПЗ относительно этой реформы в корне расходятся с проектом, который отстаивал Ренци.

Сложность расстановки сил даже породила предположения, что Ренци пойдет на досрочный роспуск парламента, чтобы на волне нынешней популярности добиться новой победы на досрочных выборах и тем самым облегчить себе задачу. Ренци отмел эти предположения, поскольку новая избирательная кампания задержала бы осуществление реформ. Да и нет гарантий, что на национальных выборах, в которых примут участие не 58% избирателей, как в европейских, а гораздо больше (в 2013 г. голосовали 75%), Ренци удастся повторить свой рекордный результат.

Но сложности связаны не только с соотношением парламентских сил. Намеченные реформы задевают далеко не совпадающие интересы различных социальных слоев, и их вполне вероятное сопротивление в состоянии очень быстро изменить общественные настроения не в пользу реформатора. Не успели отзвучать аплодисменты по поводу успеха Ренци, как итальянские профсоюзы выступили против намечающейся реформы государственной администрации, затрагивающей интересы государственных служащих.

Италия и Европейский союз

Независимо от того, как будут складываться дальше взаимоотношения правительства Ренци с общественными и политическими акторами, результаты выборов сыграли свою роль в соотношении сил на европейской сцене. Как уже говорилось, европейские проблемы на выборах были отодвинуты на второй план. Это не значит, однако, что отношение борющихся сил к Евросоюзу и его институтам, его политике не имело существенного значения. Если для Берлускони было характерно скорее прохладное, а для Ренци — конструктивно-критическое отношение к европейским институтам, то Грилло чем дальше, тем больше акцентировал евроскептический настрой. Это подчеркнула его встреча с лидером британских евроскептиков Н. Фараджем и выраженное после выборов намерение создать с ним в Европарламенте единую фракцию. Если к этому добавить стремление итальянской Лиги Севера, получившей 6% голосов, войти во фракцию, создаваемую французскими националистами, возглавляемыми Марин Ле Пен, получается, что итальянские евроскептики завоевали на выборах 27% голосов.

Между тем Ренци на волне эйфории, вызванной своим успехом, заявил, что, преобразуя Италию, намерен реформировать и политику Евросоюза. «Италия, — сказал он, — намерена изменить Европу, потому что иначе Европа не спасется». Имея в виду выполнение с 1 июля его страной председательской роли в Евросоюзе, Ренци объявил, что «Италия желает идти в Европу с тем, чтобы проложить путь, а не следовать по пути» [Quotidiano, 2014]. Премьер дал понять, что собирается возбудить дискуссию не о правилах Евросоюза, а о его экономической политике, требуя больше внимания стимулированию экономического роста, увеличения расходов на образование, науку и инфраструктуру.

Все это породило даже предположения о возможности союза Франции и Италии, направленного на ограничение доминирующей роли Германии и ее канцлера Ангелы Меркель в Европейском союзе. Попытки предпринять шаги в этом направлении не исключены, но, учитывая не слишком выигрышную роль итальянской экономики в экономике Европы, а также хозяйственные связи Апеннин с Германией, сколько-нибудь серьезное изменение в нынешнем соотношении сил маловероятно.

Как бы то ни было, результаты выборов в Европарламент, прошедших в Италии, при всем том, что их реальная повестка дня в гораздо большей степени определялась национальными, а не европейскими вопросами, отнюдь не безразличны для перспектив Европейского союза. Депутатская группа Демократической партии оказалась самой большой во фракции социалистов и демократов в Европарламенте. Этот успех левоцентристов Италии подкрепил нарастающие в Евросоюзе требования выхода за рамки политики жесткой экономии и увеличения внимания к стимулированию экономического роста и социальных служб — поворота, находящего в последнее время определенную поддержку и в среде некоторых руководителей Союза.

Одновременно результаты итальянских выборов наглядно показали, что все шире распространяющиеся в нынешней Европе явления окостенения и формализации партийно-парламентских форм организации общества, и поиска новых

форм политического представительства, нередко оборачивающиеся ростом популистских тенденций, в своем дальнейшем развитии могут приводить к выплескам лидерских надежд, своего рода вождистских настроений. В этом смысле развитие политической ситуации и, в частности, результаты европейских выборов в Италии звучат отчетливым предупреждением всей европейской общественности.

Таким образом, мы видим, что выборы в Европейский парламент даже тогда, когда, по всей видимости, ход избирательной кампании не нацелен на решение общеевропейских проблем и как будто говорит о недостаточном укоренении в сознании избирателей значения европейских институтов, на самом деле свидетельствует о тесном переплетении национальных и макрорегиональных трендов, о том, что при всех нынешних кризисных явлениях Европейское сообщество все же является состоявшимся феноменом.

В то же время нельзя сбрасывать со счета и другой аспект тех же выборов: евроскептики, несмотря на относительную неудачу, все же сохранили за собой значительную поддержку граждан. Данный фактор, видимо, будет в ближайшее время играть немалую роль в жизни и судьбе Европейского союза.

Библиографический список

- 1. Diamanti, I. (2012). Gli italiani di lotta e di governo promuovono Monti e proteste. *La Repubblica*, 30.01.
- 2. Elezioni europei 2014. (2014). Retrieved from http://www.repubblica.it/statistic/special e/2014/elezioni/euro
- 3. Mammone, A. (2011). Su politica, moralita»e decadenza: note (finali) su destra, sinistra e (anti) illuminismo. In a cura di A. Mammone, N. Tranfaglia, S. A. Veltri. *Un Paese normale? Saggi sull»Italia contemporanea* (pp. 465-474). Milano, Dalai.
- 4. Mammone, A. & Veltri, S. A. (2011). Un Paese smarrito. In a cura di A. Mammone, N. Tranfaglia, S.A. Veltri. *Un Paese normale? Saggi sull'Italia contemporanea* (pp. 249-274). Milano, Dalai.
- 5. Rodota', S. (2012). Elogio del moralismo. Roma-Bari, Laterza.
- 6. Sondaggi IPSOS (2014). Retrieved from http://www.clandestinoweb.com/category/sondaggi-nel-mondo/politici
- 7. Sondaggi politici elettorali Demopolis: M5S di Grillo unica opposizione al PD di Renzi. (2014). Retrieved from http://it.blastingnews.com/politica/2014/04/sondaggi-politici-elettorali-demopolis-m5s-di-grillo-unica-opposizione-al-pd-di-renzi-0088426
- 8. Sondaggio Demopolis (2014). Retrieved from http://scenaripolitici.com/2014/05/sondaggio-demopolis-30maggio-2014-scarsa-fedelta-consenso-elettorale-in-italia
- 9. Tranfaglia, N. (2011). Ascesa e tramonto di berlusconismo. In a cura di A. Mammone, N. Tranfaglia, S.A. Veltri. *Un Paese normale? Saggi sull'Italia contemporanea* (pp. 411-420). Milano, Dalai.
- 10. Veltroni, V. (2011). Occhio: crolla tutto. L'Espresso. 28.12.

Статья поступила в редакцию 26.06.2014.

NATIONAL CONTEXT OF ELECTIONS AND THEIR EUROPEAN SIGNIFICANCE (CASE OF ITALY)

K.G. Kholodkovsky

K.G. Kholodkovsky, Doctor of Sciences (History), Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS, Moscow, Russia. E-mail: holgrig@mail.ru.

The author asserts that although the transformation of the European elections into a fullfledged institution is still an incomplete process these elections have an extreme significance for the prospects of the European Union, even if their agenda is determined not so much by European issues as by national ones. This is proved by the analysis of the European Parliament elections in Italy in 2014 presented in the article. The national agenda calling for thorough structural reforms prevailed during these elections. Despite the fact that Italy is one of the largest EU countries and one of its founders the Italian economy suffers from many weaknesses and the political mechanism is far from perfect. The parliament and parties have lost their authority. This has created favourable conditions for the emergence of charismatic leaders with populist programmes. Becoming leaders' competitions the EP elections demonstrated the ambiguous opportunities behind the growth of populist tendencies in a number of the EU countries. Besides, their results strengthened the trend currently gaining ground in several EU countries to contest the tough budget policy pushed forward by dominant forces in the EU, and demands to promote economic growth and fight against unemployment followed suite. Key words: European Parliament elections, Italy, populism, leadership tendency, Berlusconi, Grillo, Renzi, structural reforms, austerity, economic growth stimulation, Eurosceptics.

References

- 1. Diamanti, I. (2012). Gli italiani di lotta e di governo promuovono Monti e proteste. *La Repubblica*, 30.01.
- 2. Elezioni europei 2014. (2014). Retrieved from http://www.repubblica.it/statistic/special e/2014/elezioni/euro
- 3. Mammone, A. (2011). Su politica, moralita'e decadenza: note (finali) su destra, sinistra e (anti) illuminismo. In a cura di A. Mammone, N. Tranfaglia, S.A. Veltri. *Un Paese normale? Saggi sull' Italia contemporanea* (pp. 465-474). Milano, Dalai.
- 4. Mammone, A. & Veltri, S. A. (2011). Un Paese smarrito. In a cura di A. Mammone, N. Tranfaglia, S.A. Veltri. *Un Paese normale? Saggi sull'Italia contemporanea* (pp. 249-274). Milano, Dalai.
- 5. Rodota', S. (2012). Elogio del moralismo. Roma-Bari, Laterza.
- 6. Sondaggi IPSOS (2014). Retrieved from http://www.clandestinoweb.com/category/sondaggi-nel-mondo/politici
- 7. Sondaggi politici elettorali Demopolis: M5S di Grillo unica opposizione al PD di Renzi. (2014). Retrieved from http://it.blastingnews.com/politica/2014/04/sondaggi-politici-elettorali-demopolis-m5s-di-grillo-unica-opposizione-al-pd-di-renzi-0088426
- 8. Sondaggio Demopolis (2014). Retrieved from http://scenaripolitici.com/2014/05/sondaggio-demopolis-30maggio-2014-scarsa-fedelta-consenso-elettorale-in-italia
- 9. Tranfaglia, N. (2011). Ascesa e tramonto di berlusconismo. In a cura di A. Mammone, N. Tranfaglia, S.A. Veltri. *Un Paese normale? Saggi sull'Italia contemporanea* (pp. 411-420). Milano, Dalai.
- 10. Veltroni, V. (2011). Occhio: crolla tutto. L'Espresso. 28.12.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ПОСТИЖЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ

В.В. Знаков¹

В статье дан методологический анализ трех тенденций развития психологического познания в последние три десятилетия. Во-первых, анализируются психологические исследования обработки информации в человеческом мышлении, основанной иногда на интуитивном опыте, иногда на логически обоснованном знании. Показано, что согласно теориям двойственности процессов рассуждений (dual-process theories of human thinking), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна система ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, а другая основана на аналитической обработке. Их описания соответствуют представлениям психологов о когнитивно-опытной теории личности (CEST) С. Эпштейна и двух познавательных стилях — рациональном и интуитивном. Такие научные представления неразрывно связаны с существованием целостного континуума способов понимания мира: от парадигматического к нарративному и затем к тезаурусному. Во-вторых, доказывается, что современный человек живет в многомерном мире, состоящем из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. События и ситуации в этих реальностях понимаются людьми по типам понимания-знания, понимания-интерпретации и понимания-постижения. В-третьих, обосновывается, что экзистенциальную реальность субъект не познает, а постигает. Соответственно экзистенциальный опыт субъекта закономерно включает не только бессознательные знания и переживания, но и непостижимое и таинственное. Обосновано, что непостижимость реальности — это один из атрибутов бытия. Непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Постижение представляет собой такой тип понимания, который направлен на явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. Постижение — это такое схватывание целого, части которого субъект по тем или иным причинам не может познать и детально описать. Проанализирована тайна как научный психологический, а не мистический и фантастический феномен. Определение тайны дано на основе психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача.

Ключевые слова: понимание, постижение, знание, опыт, непостижимое, тайна.

 $^{^1}$ Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии Российской академии наук (Москва), Москва, Россия. Эл. appec: znakov@psychol.ras.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 13-06-00087 «Понимание, знание и опыт».

Два психологических механизма мышления

Одной из важнейших тенденций развития методологии психологической науки в последние три десятилетия является анализ двойственности механизмов обработки информации в человеческом мышлении. Двойственность мышления, с одной стороны, отражает многомерность мира человека, принципиальные различия в типах проблем, которые субъект должен решать в эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностях [Знаков, 2012]. С другой стороны, в названной тенденции развития методологии психологической науки как в имплицитном, так и эксплицитном виде выражено соотношение сознательных и бессознательных, логических и интуитивных компонентов человеческих рассуждений. Закономерность и оправданность существования такой тенденции следует из публикаций зарубежных и российских ученых.

С. А. Сломэн выделяет две системы мышления — ассоциативную и основанную на правилах. Первая система ассоциативна потому, что ее функционирование направлено на отражение подобных структур и отношений пространственно-временной смежности. Вторая система основана на правилах, она оперирует символическими структурами, содержание и свойства которых обеспечивают логически правильные рассуждения. Две системы анализируются автором как обладающие взаимодополняющими функциями, обеспечивающими мыслящему субъекту возможность одновременно осуществлять разные варианты решения задачи [Sloman, 1996].

Многие психологи различают два типа познавательных процессов: осуществляемых быстро при незначительном участии сознания и более рефлексивных, но протекающих медленнее. К. Е. Станович и Р. Ф. Уэст назвали их процессами Системы 1 и Системы 2 [Stanovich, West, 2000]. Процессы Системы 1 возникают спонтанно и не требуют большого количества ресурсов внимания. Распознание того, является ли входящий в аудиторию человек вашим учителем по математике, задействует процессы Системы 1. Узнавание этого человека осуществляется мгновенно, без приложения усилий и не зависит от интеллекта, мотивации или сложности решаемой задачи. Вычисление без калькулятора квадратного корня из числа 19163 задействует процессы Системы 2 — ментальные операции, требующие усилий, мотивации, концентрации внимания и следования ранее выученным правилам. При вычислении квадратного корня Система 1 не играет никакой роли, потому что эта задача не предполагает интуитивного решения. Только человек, достаточно мотивированный и знающий алгоритм, может получить правильный ответ [Frederick, 2005].

Итак, согласно теориям двойственности процессов рассуждений (dualprocess theories of human thinking), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна (Система 1) ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, в то время как другая (Система 2) основана на аналитической обработке. Обе системы могут

время от времени функционировать параллельно. Однако когда доступны познавательные ресурсы и активированы аналитические цели, Система 2 обычно доминирует и закрывает познающему субъекту вход в Систему 1 [Gervais, Norenzayan, 2012]. Удовлетворительное объяснение этого феномена можно найти в представлениях Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного [Пиаже, 1996]. С точки зрения ученого, познающий субъект обычно не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление, ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основополагающими понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформулирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (то есть принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» [Пиаже, 1996]. По его мнению, осознание — это следствие реконструкции на высшем — сознательном уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем — бессознательном уровне.

Дж. С. Б.Т. Эванс предпринял попытку систематизировать отличительные признаки двух систем мышления, представленные в статьях разных психологов. Систему 1 характеризуют: автоматичность, эвристичность, эмпирический опыт, имплицитное неявное знание, ассоциативность, интуитивность, бессознательность, имульсивность, холистичность. Такой стиль мышления отличается интуитивностью принимаемых решений, высокой скоростью мыслительных процессов при минимальной их осознанности. Система 2, наоборот, во время мышления проявляется в контролируемости, систематичности, рациональности, эксплицитности знания, логичности, осознанности, рефлексивности, аналитичности. Реализующее Систему 2 мышление оказывается целенаправленным, логически обоснованным и осознанным [Evans, 2008].

В современной науке убедительные подтверждения двойственности психологических механизмов человеческого мышления можно найти в исследо-

ваниях аналитического и холистического типов мышления [Choi et al., 2007; Pierce, 2007; Mei-Hua, 2008; Gervais, Norenzayan, 2012; Знаков, 2013].

Фактор аналитической переработки информации взаимосвязан с фактором общего интеллекта, в то время как фактор холистической переработки — с эмоциональным интеллектом. В исследовании С.С. Беловой с соавторами не было выявлено связи аналитичности и холистичности с креативностью [Белова и др., 2012]. Вместе с тем в целом ряде других работ утверждается, что креативные субъекты явно предпочитают холистический стиль мышления и способ решения задач [Zhang, 2002]. Фрэйм двойственности когнитивной обработки предсказывает, что стратегия аналитического мышления может быть источником религиозного неверия. Искренне верующие люди проявляют больше положительных эмоций в ситуациях, актуализирующих естественный для человека страх смерти. При обсуждении проблем, связанных с религиозными убеждениями (в частности, эвтаназии, абортов и др.), они обнаруживают меньшую когнитивную сложность, чем атеисты. Однако при решении иных проблем (пример — охрана окружающей среды) когнитивная сложность рассуждений холистов становится такой же, как у аналитиков [Friedman, 2008].

Современные научные представления об аналитичности/холистичности обобщены в теоретической модели, разработанной Р.Е. Нисбеттом с коллегами [Nisbett et al., 2001]. Модель включает *четыре* основных признака аналитического и холистического типов мышления и понимания субъектом мира: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция.

При оценке социальных ситуаций холисты обычно прежде всего обращают внимание на *целостный контекст*: отношения между объектами и областью, которой они принадлежат. Напротив, аналитический стиль мышления способствует направленности внимания скорее на сами объекты, чем на область, которой они принадлежат. Холисты более полезависимы, чем аналитики, им труднее отделить объект от области, в которую он включен. Зато холисты лучше, чем аналитики, справляются с обнаружением отношений среди объектов на фоне поля.

В неоднозначных социальных ситуациях и спорах холисты обычно более *толерантны к противоречиям* и пытаются достичь компромисса. Они основываются на предположении, что противоположные суждения могут быть одновременно верными и что каждое в конечном счете может быть преобразовано в свою противоположность. Напротив, формальный логический подход аналитиков проявляется в их направленности на решение противоречий путем выбора одного из двух противоположных суждений.

Холисты полагают, что в природном и социальном мире все связано друг с другом. Они рассматривают объекты, явления как нестатичные и ожидают, что из-за сложных паттернов взаимодействий элементов существует состоя-

ние постоянного изменения. Аналитики, наоборот, воспринимают большинство объектов как независимые. Из этого следует, что, по их мнению, сущность объектов не изменяется в течение долгого времени, потому что она не подвержена влиянию других факторов.

Каузальная атрибуция: интерпретируя причины поведения других, люди обычно сводят объяснения либо к ситуативным факторам, либо к диспозициональным (чертам личности, предрасположенности реагировать сходным образом в различных ситуациях). Аналитики нацелены преимущественно на поиск диспозициональных причин, в то время как холисты включают в объяснение также и ситуативные факторы. Прежде чем сделать заключение, холисты рассматривают большее количество информации, чем аналитики. В результате они реже совершают фундаментальные ошибки каузальной атрибуции [Choi et al., 2007; Mei-Hua, 2008; Pierce, 2007].

Гораздо раньше западных психологов к глубоким и содержательным выводам о двойственной природе человеческого мышления пришел отечественный психолог Я.А. Пономарев. Исследуя мышление и творчество, он различал логический и интуитивный опыт. Сознательный логический опыт всегда связан с целями мыслительной деятельности (предвосхищаемыми результатами действий, которые субъект может высказать словами). Интуитивный опыт, основанный на бессознательном знании, формируется вне и независимо от целей. Соответственно мыслящий субъект не осознает такое знание, и потому бессмысленно спрашивать его о характеристиках и свойствах интуитивного опыта. По Я. А. Пономареву, превращение бессознательного знания в осознанное возможно только с помощью действий: чтобы реализовать в мышлении интуитивный опыт, субъект должен осуществить определеные умственные действия [Пономарев, 1976]. Д. В. Ушаков, развивая эти идеи, уточняет: «Люди могут функционировать в различных режимах. В хорошо осознанном логическом режиме они не имеют доступа к своему интуитивному опыту. Если же в своих действиях они опираются на интуитивный опыт, то тогда они не могут осуществлять сознательный контроль и рефлексию своих действий» [Ушаков, 2006]. Очевидно, что здесь уже отчетливо просматривается попытка осмысления психологических механизмов двойственности мышления, анализа сфер реализации Системы 1 и Системы 2.

От знания — к опыт

В наше время обращение многих психологов к категории опыта происходит не случайно. С одной стороны, интерес к этому феномену органично вытекает из описанных выше психологических исследований двойственности мышления, функционирование которого происходит при опоре как на достоверные знания, так и на интуитивный опыт. С другой стороны, такой поворот в научном мировоззрении ученых соответствует методологическим тенденциям

развития современного социогуманитарного познания. Сегодня в психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, познания и знания, а интегративного феномена опыта — индивидуального и надличностного. В научном исследовании знание соотносится главным образом с предметно-содержательными характеристиками событий и ситуаций. Опыт шире, он является порождением не только познавательных структур, но и ценностносмысловых образований личности, неразрывно связанных с эмоциональными трудно вербализуемыми переживаниями.

В методологии гуманитарных наук необходимость постановки во главу угла опыта, а не истины ясно и четко сформулирована Ф. Анкерсмитом [Анкерсмит, 2007]. Большинство сущностей и явлений, с которыми имеют дело психологи, таковы, что их описания не могут быть референтными, прямо отнесенными к психическим образованиям. Например, что считать референтом духовности или здоровья? Никто не сомневается, что в онтологическом смысле названные феномены существуют. Вместе с тем научные дискуссии о них ведутся на естественном языке, на котором можно сформулировать множество теорий. Научные теории — это не референты, а репрезентации, они не непосредственно соотносятся с исследуемыми феноменами, а как бы замещают их в сознании ученых. Однако репрезентации включают не только отражение реальности, но и правила ее познания и языкового описания.

В истории психологии сначала произошел сдвиг от когнитивизма с его идеей истинности знания к конструктивистской психологии, представители которой фактически отказались от истинности и провозгласили доминирующую роль языка — не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта. Поскольку языковые конструкции всегда многозначны, то вряд ли уместно говорить об истинности выраженных языковым способом теорий [Gergen, 1985]. Сейчас мы становимся свидетелями и участниками следующего шага в развитии методологии социогуманитарных наук, в том числе психологии: происходит сдвиг от языка к опыту. При этом основной проблемой становится не то, как нам удается репрезентировать реальность, а то, каким образом мы приобретаем опыт реальности? [Анкерсмит, 2007]. Если в научном знании ключевую роль играет истинность, то для опыта она фактически не важна, значимы его субъективная ценность и личностный смысл. Особую роль в человеческом бытии играет такой вид опыта, как экзистенциальный. Он направляет весь ход жизни человека и, в частности, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию тезаурусного и нарративного понимания субъектом себя и мира.

Разумеется, все многообразие психологических исследований нельзя сводить только к изучению экзистенциальных сторон человеческого бытия. В современной психологии существует три традиции психологического исследования (когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная), в каждой из них при описании исследователем проблем, целей, результатов ключевую роль играют соответственно понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение [Знаков, 2009]. Однако основная цель этой статьи — научный анализ осмысления и понимания человеком событий и ситуаций, возникающих в экзистенциальной реальности человеческого бытия [Знаков, 2012].

Экзистенциальный опыт и понимание-постижение событий и ситуаций

В современной психологической литературе представлено шесть основных составляющих экзистенциального опыта, которые находятся в фокусе внимания ученых. Это его трехкомпонентная структура, метасистемная организация, переживание как субъективная ценность, свое и чужое в опыте человека, понимание-постижение и непостижимое, а также тайна как атрибут опыта.

С позиций психологии человеческого бытия принципиально важно различение экзистенциального и обыденного, повседневного видов опыта субъекта. Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко не все повседневные события и ситуации. Экзистенциальные — это только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе понимания и переживания которых изменился его внутренний мир. Экзистенциальный опыт представляет собой совокупность бессознательных знаний и переживаний субъекта.

Экзистенциальный опыт неизбежно включает в себя постижение. В современном дискурсе употребление прилагательного «постижимый» возможно только тогда, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Понимать можно и простое, и сложное, а постигать — только сложное. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти апокалиптическим событием стала неоднократно повторявшаяся по телевидению картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

В социогуманитарных науках постижение бытия человеком рассматривается как такая система, в которой отдельные типы сознания и знания анализируются как формы развивающейся духовной культуры. Согласно С. А. Хмелевской и Н.И. Яблоковой, «постижение бытия осуществляется в определённых устойчивых формах (философия, наука, религия и пр.), которые образуют постижение-систему» [Хмелевская, Яблокова, 2013]. В социокультурном контексте постижение — это «культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное,

эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры» [Хмелевская, Яблокова, 2013].

В психологии постижение трактуется в более узком значении. Постижение представляет собой такой тип понимания, который, во-первых, направлен не на простое, а на сложное: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. «Употребление прилагательного постижимый возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных творческих усилий, глубокой интуиции, озарения, божественного откровения. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» [Апресян и др., 1997]. Во-вторых, постижение — это такое схватывание целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не сможет знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе.

Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний.

Решения, принимаемые нами в трудных жизненных ситуациях, основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном внепонятийном постижении. Экзистенциальный опыт объединяет в себе и то, что мы можем выразить, описать вербальными средствами, и то неосознаваемое, в существовании чего мы почему-то уверены, но о чем можем только строить интуитивные догадки и понимать на уровне понимания-постижения. Вместе с тем экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и объективно непостижимые для субъекта области.

Непостижимое и тайна — проблемы психологии понимания

Непостижимое — одна из объективных характеристик бытия. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое и тем более описываемое в понятиях. Бытие, условно говоря, больше мышления потому, что существует немало событий и ситуаций, количество сведений о которых явно превышает возможности оперативной памяти и мышления познающего мир субъекта. Например, мэр мегаполиса не может иметь достоверной информации о техническом состоянии всех коммуникаций в городе. Таким образом, непостижимость самой реальности — это один из атрибутов бытия.

Необходимо уточнить: *непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания*. Непостижимость человеком некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации, другими словами, объединения частей в целостную схему, структуру осознаваемых и не-

осознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание — это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта.

Важной частью экзистенциального опыта является не только непостижимое, но и тайна. Психологи должны осознавать, что некоторые стороны экзистенциального опыта объективно таинственны. Они таинственны не вследствие слабости нашего познания, а потому, что их невозможно представить в понятийном знании. Разумное понимание тайны как атрибута экзистенциального опыта заключается в осознании бессмысленности усилий, направленных на ее раскрытие, разоблачение.

Что такое тайна как научный психологический, а не мистический и фантастический феномен? Содержательно тайна раскрывается в описаниях событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. Например, в рассказе классика русской литературы, писателя-реалиста И.С. Тургенева «Собака», когда герой выключал свет и ложился спать, у него под кроватью начинала ворочаться и издавать характерные звуки не существующая у него собака. При включении света собака пропадала. Это можно было бы приписать слуховым галлюцинациям героя, но когда он пригласил к себе переночевать приятеля тот услышал то же самое.

Вполне удовлетворительное определение тайны можно дать, опираясь на данные современной психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача (загадка). А.В. Брушлинский писал: «Необходимо различать проблемную ситуацию и задачу. Проблемная ситуация — это довольно смутное, еще не очень ясное и мало осознанное впечатление, как бы сигнализирующее «что-то не так», «что-то не то». Например, летчик начинает замечать, что с мотором происходит нечто непонятное, однако он пока не уяснил, что именно происходит, в какой части мотора, по какой причине, и тем более летчик еще не знает, какие действия надо предпринять, чтобы избежать возможной опасности. В такого рода проблемных ситуациях и берет свое начало процесс мышления. Он начинается с анализа самой этой проблемной ситуации. В результате ее анализа возникает, формулируется задача, проблема в собственном смысле слова. Возникновение задачи — в отличие от проблемной ситуации — означает, что теперь удалось хотя бы предварительно и приблизительно расчленить данное (известное) и неизвестное (искомое). Это расчленение выступает в словесной формулировке задачи» [Брушлинский, 1998]. По А.Н. Леонтьеву, задача — это цель, данная в определенных условиях.

С психологической точки зрения тайна обладает, по меньшей мере, четырьмя признаками.

1. Тайна — это такая проблемная ситуация, которую субъект *не может пре-образовать* в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым,

на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков и потому сознательно отказывается от ее решения.

- 2. Человек оценивает проблемную ситуацию как жизненно *значимую* для себя: проблема превращается в незабываемое экзистенциально ценностное событие.
- 3. Таинственными для нас становятся не все проблемные ситуации, а только *редкие*, вероятность наступления которых очень мала. Если у меня сломается телевизор и я не смогу его починить, то буду рассматривать эту ситуацию не как тайну, а как отсутствие у меня знаний, которые есть у радиомеханика. Вместе с тем, увидев в небе объект, похожий на НЛО, мы начинаем думать о возможном оптическом обмане, атмосферных явлениях или испытаниях оружия на соседнем военном полигоне. Однако различные гипотезы, хотя и будут способствовать запуску мышления, но вряд ли приведут к удовлетворительному формулированию условий задачи, превращению тайны в пока неразгаданную загадку.
- 4. Таинственные явления оставляют *неудовлетворенной* познавательную мотивацию субъекта, вызывают в его сознании что-то, похожее на «эффект Зейгарник»: они будят воображение, дают волю фантазии, но не приводят к рациональному объяснению произошедшего.

Приведу типичный пример. В Самаре у меня есть знакомый профессор психологии. Он много лет профессионально занимается психологией характера, написал немало трудов по этой проблематике. Однажды ему показали астрологический прогноз его внучки, и он был поражен почти полным совпадением суждений астролога с его собственными представлениями о характере девочки. Будучи ученым, он начал рассуждать о возможностях доказательства неслучайности совпадения. Могут ли обладать одинаковым психологическим складом люди, родившиеся в один день? Однако, наверно, надо учитывать точное время рождения, место, может быть, национальность и т.п. Постепенно становится очевидно, что все условия формулировки этой задачи учесть практически невозможно. Вывод: не пытаться решить загадку точности астрологического прогноза, а принять отраженную в нем характеристику как единичный факт. Этот факт (психологическая характеристика родного человека) не может быть абстрактно-безразличным, он явно обладает личностной экзистенциальной ценностью для профессора.

Тайна есть неустранимый и непроблемный контекст действительности, ее не только нельзя осознать, но обычно и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимому и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраняем скрытое в ее условиях противо-

76

речие. В таинственном не может быть противоречий, потому что экзистенциальная тайна бытия по своей природе не аналитична, а холистична. Это значит, что, хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только не устраняются, но и превращаются в свою противоположность.

В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. Для всех нас тайной является не только дата собственной смерти, но и то, что с нами будет после нее. Люди не могут предсказывать время смерти, они лишь по-разному оцениваюм, относятся к этому событию. Для одних это безусловная трагедия, неприятные мысли о которой они стараются отодвигать на задний план сознания; для других — размышления об итогах, что удалось сделать, а что нет; у третьих преобладает тревога по поводу семьи. Применительно к таким содержащим тайну экзистенциальным ситуациям невозможно и бессмысленно формулировать конкретные причинные вопросы (почему? зачем? из-за чего?). Например, на протяжении нескольких столетий для человечества тайной остается улыбка Джоконды Леонардо Да Винчи, но какие небанальные вопросы здесь уместны, о чем тут спрашивать?

В основании экзистенциальной тайны лежит не познавательное стремление к решению задачи. Наоборот, при ее появлении важен осознанный человеком отказ от разгадывания, принятие ее как субъективной ценности. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия. Экзистенциальная тайна — это атрибут и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни.

Когнитивно тайна непознаваема. В экзистенциально-герменевтическом контексте в ней проявляется плюралистичность мира, множественность ответов на вопросы (в частности, что скрывает в себе улыбка Джоконды?). Многообразие ответов и вариантов интерпретации таинственного — это не что иное, как разные способы понимания.

Следовательно, тайна — это проблема психологии понимания.

Заключение

Итак, анализ методологических тенденций развития современной психологии показал следующее. Из двойственности психологических механизмов мышления следует, что изучение роли экзистенциального опыта (а не только логически обоснованных и осознанных субъектом знаний) — это, безусловно,

перспективное направление психологических исследований. Изучение опыта расширяет горизонты исследовательского поля, позволяет психологам фокусировать внимание на анализе принципиально новых проблемных ситуаций — постижения, непостижимого, тайны и др.

Кроме того, такой анализ углубляет содержательные представления ученых о существенных различиях в осмыслении субъектом характерных особенностей эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. В эмпирической реальности мы решаем предметные задачи, результатом решения которых является новое знание о мире. Вслед за А.В. Брушлинским можно утверждать, что при обращении психологов к анализу макрокатегорий, не имеющих референтов в эмпирической реальности («духовность», «гуманизм», «справедливость» и др.), решающее значение приобретает способ их интерпретации. Исследуя решение нравственных задач, он писал: «Решением считался не какой-либо определенный ответ (как это принято в предметных задачах), а любой обоснованный и подробно обсужденный испытуемым способ решения» [Брушлинский, 2006, с. 562]. Фактически это означает, что при переходе от микросемантического метода решения задач к макроаналитическому изменяются наши представления о соотношении мышления и понимания. В психологии мышления акцент делается на результате, получении мыслящим субъектом новых знаний о мире. В отличие от мышления понимание прямо не направлено на поиск нового, его главная функция — порождение смысла знания. Понимание всегда поливариативно, его полнота определяется степенью разнообразия вариантов интерпретации понимаемого. С позиции психологии понимания, интерпретация — это конкретный, один из возможных способов понимания. В частности, способы решения нравственных задач, по А. В. Брушлинскому, есть не что иное, как различные интерпретации содержания понимаемой нравственной ситуации.

Следовательно, концентрация внимания психологов даже только на одной из методологических тенденций, связанной с интуитивным мышлением и экзистенциальным опытом способствует не только углублению научных знаний об известных феноменах, но и развитию новых взглядов на содержательное соотношение между разными областями психологической науки.

Библиографический список

- 1. Анкерсмит, Ф. (2007). Возвышенный исторический опыт. М.: Европа.
- 2. Апресян, Ю. Д. и др. (1997). *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск.* Ю. Д. Апресян (ред.). Москва: Школа «Языки русской культуры».
- 3. Белова, С. С. и др. (2012). Аналитические и творческие способности в социальной сфере. В С.С. Белова, Е.А. Валуева, В.В. Овсянникова, Т.А. Сысоева (ред.) Психология образования в поликультурном пространстве, (4), 91-97.

- 4. Брушлинский, А. В. (2006). *Избранные психологические труды*. Москва: Институт психологии РАН.
- 5. Брушлинский, А. В. (1998). Интеллектуальные процессы: мышление. В А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский (ред.) *Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений*. Москва: Академия.
- 6. Знаков, В. В. (2013). Аналитичность и холистичность во взглядах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова. *Вопросы психологии*, (4), 135-146.
- 7. Знаков, В. В. (2012). Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания. *Вестник Московского университета*. *Сер. 14. Психология*, (3), 18-29.
- 8. Знаков, В. В. (2009). Три традиции психологических исследований три типа понимания. *Вопросы психологии*, (4), 14-23.
- 9. Пиаже, Ж. (1996). Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное. *Вопросы психологии*, (6), 125-131.
- 10. Пономарев, Я. А. (1983). Методологическое введение в психологию. Москва: Наука.
- 11. Ушаков, Д. В. (2006). Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа. В Д.В. Ушаков (ред.) *Психология творчества: школа Я.А. Пономарева.* Москва: Институт психологии РАН.
- 12. Хмелевская, С. А., Яблокова Н.И. (2013). Система форм постижения бытия в контексте современной культуры. *Вестник МГОУ. Серия «Философские науки»*, (2), 74-78.
- 13. Choi, I. et al. (2007). Individual differences in analytic versus holistic thinking. In I. Choi, M. Koo, J. A. Choi (Eds.) *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 33 (5), 691-705.
- 14. Evans, J.S. B. T. (2008). Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition. *Annu. Rev. Psychol*, (59), 25-278.
- 15. Frederick, S. (2005). Cognitive reflection and decision making. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (4), 2-42.
- 16. Friedman, M. (2008). Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis. *The International Journal for the Psychology of Religion*, (18), 216-237.
- 17. Gergen, K. J. (1985). The social constructionist movement in modern psychology. *American Psychologist*, (40), 260-275.
- 18. Gervais, W. M., Norenzayan A. (2012). Analytic thinking promotes religious disbelief. *Science*, 336 (27), 493-496.
- 19. Mei-Hua, L. (2008). *Analytic-holistic thinking, information use, and sensemaking during unfolding events*. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University.
- 20. Nisbett, R. E. et al. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. In R. E. Nisbett, K. Peng, I. Choi, A. Norenzayan (Eds.) *Psychol. Rev.*,108 (2), 291-310.
- 21. Pierce, M. E. (2007). *Individual and holistic information processing*. Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. Blacksburg, 1-24.

- 22. Sloman, S. A. (1996). The empirical case for two systems of reasoning. *Psychological Bulletin*, 119 (I), 3-22.
- 23. Stanovich, K. E., West R. F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *Behavioral and Brain Sciences*, 22 (5), 645-726.
- 24. Zhang, L. F. (2002). Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance. *Educat. Psychol.*, 22 (3), 331-348.

Статья поступила в редакцию 15.05.2014.

EXISTENTIAL EXPERIENCE AND COMPREHENSION AS METHODOLOGICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING PSYCHOLOGY

V. V. Znakov

Viktor Vladimirovich Znakov, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Principle Research Officer of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Moscow, Russia. E-mail: znakov@psychol.ras.ru.

The article describes the methodological analysis of three tendencies of the psychological cognition development for last three decades. Firstly, the author analyzes the psychological studies of the information processing during the human thought, sometimes based on intuitive experience or logical knowledge. It is shown that a person has two different but interacting systems for the information processing according to the dual-process theories of human thinking. One system is focused on the heuristics, producing intuitive responses and the other one is based on analytical processing. Their descriptions correspond to the psychologists»ideas of the Cognitive-Experiential Self-Theory (CEST) by S. Epstein and two cognition styles rational and intuitive ones. Such scientific ideas are indissolubly linked with the existence of the integrated continuum of the methods for the world understanding: from paradigmatic to narrative and then to thesaurus. Secondly, it is proved that a modern person lives in the multidimensional world, consisting of the empirical, socio-cultural and existential realities. The events and situations in these realities are understood by people after the types «understanding-knowledge», «understanding-interpretation» and «understanding-comprehension». Thirdly, it is reasoned that a subject does not cognize the existential reality but comprehend. Therefore, the existential experience of a subject naturally includes not only unconscious knowledge and experiences, but also incomprehensible and mysterious things. It is proved that the incomprehensibility of the reality is one of the attributes of the being. The incomprehensibility does not mean the essential impossibility of understanding. Comprehension represents such type of understanding which is focused on the phenomena and the objects of the world, requiring extraordinary efforts to be understood. Comprehension is such apprehending of the whole thing, the parts of which a subject cannot cognize and describe in details for any reasons. Mystery was analyzed as a scientific and psychological but not mystical and fantastic phenomenon. Mystery is defined on the basis of psychology of thought in which a problem situation and a problem differ.

Key words: understanding, comprehension, knowledge, experience, an incomprehensible thing, and a mystery.

References

1. Ankersmit, F. (2007). *Vozvyshennyj istoricheskij opyt* [Important historical experience]. Moscow: Evropa.

- 2. Apresyan, Yu.D. et al. (1997). *Novyj ob"yasnitel'nyj slovar sinonimov russkogo yazyka. Pervyj vypusk* [New explanatory dictionary of the Russian language synonyms. First issue]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow: School "Languages of the Russian culture".
- 3. Belova, S. S. et al. (2012). Analiticheskie i tvorcheskie sposobnosti v social'noj sfere [Analytical and creative capabilities in the social sphere]. In S. S. Belova, E. A. Valueva, V. V. Ovsyannikova, T. A. Sysoeva (Ed.) *Psikhologiya obrazovaniya v polikul»turnom prostranstve* [Psychology of education in poly-cultural space], (4), pp. 91-97.
- 4. Brushlinskij, A. V. (2006). *Izbrannye psikhologicheskie trudy*. [Selected works in Psychology]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- 5. Brushlinskij, A. V. (1998). Intellektual'nye protsessy: myshlenie [Intellectual processes: thought]. In A. V. Petrovskij, M. G. Yaroshevskij (Ed.) *Psikhologiya: Uchebnik dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenij* [Psychology: Textbook for the students of pedagogical higher education institutions]. Moscow: Akademia.
- 6. Khmelevskaya, S. A., Yablokova N. I. (2013). Sistema form postizheniya bytiya v kontekste sovremennoj kul'tury [System of the forms of being comprehension in the context of the modern culture]. *Vestnik MGOU. Seriya "Filosofskie nauki"* [Bulletin of MGOU. Series "Philosophical Sciences"], (2), 74-78.
- 7. Piaget, J. (1996). Affektivnoe bessoznatel»noe i kognitivnoe bessoznatel»noe. [The affective unconscious and the cognitive unconscious]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], (6), 125-131.
- 8. Ponomarev, Ya. A. (1983). *Metodologicheskoe vvedenie v psikhologiyu* [Methodological introduction to Psychology]. Moscow: Nauka.
- 9. Ushakov, D. V. (2006). Yazyki psikhologii tvorchestva: Yakov Aleksandrovich Ponomarev i ego nauchnaya shkola. [Languages of Psychology of creative activity: Yakov Aleksandrovich Ponomarev and his scientific school]. In D. V. Ushakov (Ed.) *Psikhologiya tvorchestva: shkola Ya.A. Ponomareva* [Psychology of creative activity: school of Ya. A. Ponomarev]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- 10. Znakov, V. V. (2013). Analitichnost'i kholistichnost'vo vzglyadakh A. V. Brushlinskogo i O. K. Tikhomirova [Analyticity and holism in the views of A. V. Brushlinskij and O. K. Tikhomirov]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], (4), pp. 135-146.
- 11. Znakov, V. V. (2012). Mnogomernyj mir cheloveka: tipy real»nosti, ponimaniya i social'nogo znaniya [Multidimensional human world: types of the reality and social knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], (3), pp.18-29.
- 12. Znakov, V. V. (2009). Tri traditsii psikhologicheskikh issledovanij tri tipa ponimaniya [Three traditions of psychological studies three types of understanding]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], (4), 14-23.
- 13. Choi, I. et al. (2007). Individual differences in analytic versus holistic thinking. In I. Choi, M. Koo, J. A. Choi (Eds.) *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 33 (5), 691-705.
- 14. Evans, J.S. B. T. (2008). Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition. *Annu. Rev. Psychol.*, (59), 25-278.
- 15. Frederick, S. (2005). Cognitive reflection and decision making. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (4), 2-42.

- 16. Friedman, M. (2008). Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis. *The International Journal for the Psychology of Religion*, (18), 216-237.
- 17. Gergen, K. J. (1985). The social constructionist movement in modern psychology. *American Psychologist*, (40), 260-275.
- 18. Gervais, W. M., Norenzayan A. (2012). Analytic thinking promotes religious disbelief. *Science*, 336 (27), 493-496.
- 19. Mei-Hua, L. (2008). *Analytic-holistic thinking, information use, and sensemaking during unfolding events*. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University.
- 20. Nisbett, R. E. et al. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. In R. E. Nisbett, K. Peng, I. Choi, A. Norenzayan (Eds.) *Psychol. Rev.*, 108 (2), 291-310.
- 21. Pierce, M. E. (2007). *Individual and holistic information processing*. Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. Blacksburg, 1-24.
- 22. Sloman, S. A. (1996). The empirical case for two systems of reasoning. *Psychological Bulletin*, 119 (I), 3-22.
- 23. Stanovich, K. E., West R. F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *Behavioral and Brain Sciences*, 22 (5), 645-726.
- 24. Zhang, L. F. (2002). Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance. *Educat. Psychol.*, 22 (3), 331-348.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЕВРОПЕИЗАЦИЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРИМЕР ИТАЛИИ

М. Де Мартино¹

Глобализация, интернационализация и европеизация играют решающую роль в текущем процессе трансформации систем высшего образования во всем мире. Система высшего образования в Италии не стала исключением в этом глубоком процессе трансформации за последние несколько лет, она сильно изменилась с тем, чтобы успешно соответствовать упомянутым вызовам.

В статье предпринята попытка проанализировать международный аспект итальянской системы высшего образования, изучить трансформации, которые произошли с ней в процессе глобализации и европеизации, а также исследовать стратегию, которую использовало правительство Италии в университетах для того, чтобы решать новые внешние вызовы.

Первая часть статьи посвящена теоретическому анализу литературы, связанной с понятиями глобализации, интернационализации и европеизации. Во второй части статьи анализируется международный аспект итальянской системы высшего образования со ссылками на теоретические модели, разработанные в первой части.

Этот анализ показывает, что система высшего образования в Италии следует глобальным тенденциям в процессе интернационализации, но некоторые критические аспекты все еще сохраняются.

Ключевые слова: глобализация, интернационализация, европеизация, высшее образование, Италия, политика в сфере образования.

Введение

Международный аспект в высшем образовании не является особенностью, которая появилась только в последние годы [Teichler, 2009; Luijten-Lub, 2007]. Например, Витописывает, что мобильность ученых и студентов началась в Европе еще в Средние века, когда университеты возникли и распространились во многих регионах Европы (цит. по: [Luijten-Lub, 2007, р. 10].

Тем не менее процесс интернационализации университетов развивался и очень изменился, особенно в последние несколько лет. Как подчеркивает Дж. Кнайт [Knight, 2013], такую эволюцию можно наблюдать в новой терминоло-

¹ Де Мартино Марио – аспирант Российского университета дружбы народов, Москва, Москва, Россия. Эл.почта: mario.demartino@coleurope.eu

гии и понятиях, относящимся к специфическим аспектам международной стороны высшего образования. Например, такие термины, как «совместная или двойная степень», «виртуальное образование» или «глобальный рейтинг» в отношении высшего образования появились совсем недавно ине существовали еще несколько десятилетий назад.

По данным ряда авторов [Knight, 2013; Leask & Bridge, 2013; Bourn, 2011; Jiang, 2008; Scott, 2000], именно глобализация является той движущей силой, которая оказала наибольшее влияние на трансформацию международного аспекта высшего образования. Чтобы понять, как и почему произошла эта трансформация, необходимо проанализировать еще одно явление, которое тесно связано с процессом глобализации, а именно процесс регионализации в сфере высшего образования. После начала Болонского процесса в 1999 г. Европа представляет собой один из наиболее интересных примеров региональной интеграции, и сегодня на европейскую систему высшего образования оказывает существенное влияние как Болонский процесс, так и глобализация.

Итальянские университеты также не избежали воздействия этих внешних факторов, и после нескольких десятилетий относительной стабильности с началом Болонского процесса в системе высшего образования в Италии начался новый этап структурных реформ. Итальянские университеты должны были быстро адаптироваться как к изменениям, внесенными в результате реформ, так и к внешнему давлению глобализации.

В первой части этой статьи анализируется литература и теории, связанные с концепциями глобализации, интернационализации и европеизации высшего образования. Эта теоретическая база используется во второй части статьи, где анализируется международный аспект системы образования в Италии.

Понятия глобализации, интернационализации и европеизации, относящиеся к высшему образованию

Согласно У. Тайхлеру, глобализация, интернационализация и европеизация — три основных понятия, когда «проблемы высшего образования обсуждаются на наднациональной основе» [Teichler, 2009, р. 95]. Такие понятия тесно связаны между собой, но они не означают одно и то же. Поэтому обратимся к их главному теоретическому анализу, который был предпринят учеными.

Как было подчеркнуто во введении, ряд авторов определяют процесс глобализации как одну из основных движущих сил, которая преобразовывает систему высшего образования на мировом уровне. Несмотря на это совпадение взглядов, ученые рассматривают разные стороны такой трансформации университетов вследствие эффекта глобализации. Например, некоторые авторы [Knight, 2013; Bourn, 2011; Jiang, 2008] выделяют преобразование с экономической точки зрения, подчеркивая, что все больше и больше университетов соревнуются на мировом рынке, при этом высшее образование теряет свою традиционную ценность как общественное благо, превращаясь в коммерческую логику. В связи с этим некоторые ученые определяют понятие «коммерциализация» [Knight, 2013, р. 89] как процесс, который в настоящее время проходят университеты, пытаясь поднять сборы и привлечь больше иностранных студентов, чтобы увеличить их квоту на международном рынке.

Другие авторы вместе с экономическим воздействием глобализацииподчеркивают также «социальные, культурные и экологические проблемы, вытекающие из такого процесса» [Bourn, 2011, р. 259]. Согласно их точке зрения, эволюция университетов также произошла в переформировании учебных программ, создании их более интернациональными. Кроме того, по мнению Д. Бёрна [Bourn, 2011], высшие учебные заведения играют важную роль в обучении своих студентов жизни в глобальном обществе как граждан мира.

Тем не менее связь между глобализацией и университетами не следует рассматривать как однозначную, в результате которой высшие учебные заведения были в корне преобразованы глобализацией пассивно с экономической, социальной и культурной точки зрения. Б. Лиск иК. Бридж [Leask and Bridge, 2013], анализируя такие отношения, пришли к выводу, что университеты являются активным субъектом глобализации, внося свой вклад в процесс распространения знаний и идей [Арраdurai, 1990] (цит. по: [Leask and Bridge, 2013, р. 80]).

Тот факт, что глобализация анализируется под столькими разнообразными углами, связан сосложностью данного процесса, который затрагивает общество не только экономически, но и политически, и социально. Это означает, что каждая академическая дисциплина, как правило, подчеркивает различные аспекты процесса глобализации. Например, экономика охватываетглобальную конкуренцию, интернационализацию рынков, а также новые технологии производства. Вместе с тем с социологической точки зрения основными чертами, связанными с глобализацией, являются «сокращение географических, пространственных и временных факторов» или «интенсификация мировых социальных отношений» [Giddens, 2002] (цит. по: [Luijten-Lub, 2007, р. 21]). С политической точки зрения глобализация рассматривается как процесс снижения авторитета Вестфальского национального государства [Guillen, 2001] (цит. по: [Luijten-Lub, 2007, р. 21]) или процесс появления новой формы правления, о чем свидетельствует распространение форм региональной интеграции (например, Европейский союз).

Та же многодисциплинарная логика может быть выявлена при анализе процесса интернационализации университетов. Согласно Дж. Кнайту, процесс интернационализации университетов определяется четырьмя главными факторами: политическим, экономическим, научным и культурно-социальным [Knight, 1997] (цит. по: [Jiang, 2008, р. 349]).

Политическое обоснование связано с понятием независимости и суверенитета национального государства и той ролью, которую государство играет на

международной арене. В соответствии с этим обоснованием государствоопределяет свои интересы, которые реализуются правящей властью государства как внутри страны, так и на международной арене. По П. Скотту, «современный университет является креатурой национального государства. Именно в начале нового времени, между возрождением и приходом промышленной революции, университет взял на себя многие из его нынешних функций: обслуживание профессиональных потребностей и идеологических требований новых национальных образований в Европе, а позже в мире» [Scott, 2000, р. 5]. Политическое обоснование было проведено и на международном уровне. Например, испанцы в началеXVI в. основали университеты в Мехико и в Лиме, в 1638 г. пуритане открыли Гарвардский колледж в Америке [Scott, 2000, р. 5].

Второе обоснование — экономическое, оно связано с долгосрочными преимуществами, которые образование может принести экономике страны. Эта логика основана на принципе экономики знаний, в соответствии с которым образование и знания тесно связаны с экономическим развитием [Jiang, 2008]. Согласно экономическому обоснованию, на национальном уровне образование может быть важным фактором для содействия инновациям и экономическому развитию для самого государства. На международном уровне такие преимущества можно увеличить посредством стратегического партнерства и различных форм сотрудничества между университетами или другими заинтересованными сторонами (т.е. предприятиями, центрами исследований и т.д.) из других стран. В связи с этим можно определить успешные стратегии некоторых стран (Великобритании, Австралии и США), привлекающих иностранных студентов и готовых оплачивать дорогое обучение в их университетах, занимающих высокие позиции в международных рейтингах. Кроме того, привлечение и удержание наиболее талантливых студентов рассматривается как успешная стратегия для достижения положительных экономических результатов в среднесрочный и долгосрочный периоды.

Третье обоснование является академическим и относится к целям и функциям университетов. Одна из основных задач образования — преподавание местной культуры, традиций и истории той страны, где университет находится. Когда университеты начанают процесс интернационализации, их академическая составляющая может улучшиться, но при этом она должна отвечать и на новые вызовы. Преимуществом можно считать процесс интернационализации учебного аспекта, включающий улучшение академических стандартов для того, чтобы добиться международного уровня преподавания и исследований. Недостатком следует признать риск стандартизации и унификации академических оценок. А это значит, что учебные планы и академические традиции теряют свои особенности и, как правило, становятся похожими на академические традиции других стран [Jiang, 2008].

Четвертое обоснование — культурное и социальное, относящееся к собственной культуре и языку страны. Как политическое, экономическое и научное обоснование, оно влияет на интернациональность университетов. Знание иностранных языков и развивающиеся мультикультурные отношения— ключевой фактор, определяющий успех интернационализации в оценке университета. Однако этот процесс не исключает риски и, вероятно, наиболее очевидна опасность языковой и культурной гомогенизации. Как было подтверждено К. Чжиан, существует «риск быть англосаксонизированными, англо-американизированными или вестернизированными» [Jiang, 2008, р. 351].

Тем не менееи в третьем, и в четвертом обосновании интернационализации можно заметить своего рода контраст между общими и различающимися элементами. Это означает, что университеты, участвуя в международном сотрудничестве, делятся с зарубежными партнерами своей культурой, языком и академическими традициями, но для определения общих правилтребуется такжесходствоуниверситетовв некоторых правилах и стандартах. Такого рода перманентная борьба баланса между разнообразием и общностью была определенаДж. Фортуиджн как «парадокс разнообразия» [Fortuijn, 2002, р. 264]. По Фортуиджн, координаторы международных проектов в области образования часто должны учитывать эти контрастные элементы, с одной стороны, потому что сохранение академической традиции в области культуры университета и его страны имеет дополнительную привлекательность и выгоду для партнеров, которые могут также учиться этому; с другой стороны, важно стандартизировать и гармонизировать этот процесс, чтобы добиться успешного сотрудничества партнеров из разных стран.

В более широком смысле данное противопоставление присутствует также при анализе последствий интернационализации и глобализации в области высшего образования. Эти процессы подразумевают как риски, так и выгоды для университетов. К положительнымрезультатам относятся дополнительные доходы для университетов, получаемые за счет иностранных студентов, или улучшение качества и академических стандартов, которым способствует сотрудничество с зарубежными университетами. Негативными последствиями и рисками могут быть «коммодификация и коммерциализация образовательных программ» или «культурная гомогенизация» [Knight, 2013, р. 88].

Третий процесс, ставший объектом нашего изучения, — феномен регионализации как одной из главных движущих сил трансформации высшего образования в последние десятилетия. Если глобализация выступает внешней силой, которая не находится полностью под контролем национальных государств, то феномен регионализации, будучи аналогичным процессом, но меньшего масштаба (только на региональном уровне), находится под большим контролем правительства. По словам Уоллеса, регионы — это и «буферы в направлении глобальных конкурентных рынков», и в то же время «сторонники глобального

сотрудничества и конкуренции» [Wallace, 2000] (цит. по: [Smeby и Trondal 2003, р. 9]).

Процесс европейской интеграции является лишь примером региональной интеграции, которая постепенно расширила сферу своих компетенции, в том числе и в области образования. Тем не менее при анализе темы образования на наднациональном уровне в Европе необходимо различать инициативы Европейского союза и Болонского процесса. Несмотря на то что Европейская комиссия положительно смотрит на создание европейского пространства высшего образования, Болонский процесс независит от образовательной политики ЕС. Кроме того, Болонский процесс — это чисто межправительственная инициатива, где правительства стран-членов могут свободно решать, когда и какие меры, согласованные на межправительственном уровне, реализовать.

Анализируя процесс европеизации в области высшего образования, У. Тайхлер выделяет два основных направления: с одной стороны, деятельность, связанную с сотрудничеством и мобильностью, с другой стороны, инициативы, направленные на создание более тесной интеграции и сближение различных секторов европейского высшего образования [Teichler, 2009]. Первое направление связано с программами ЕС (т.е. программы Эрасмус или Темпус), второе относится к целям создания европейского пространства высшего образования. Оба направления оказали большое влияние на международное измерение европейских университетов и их основных особенностей.

Переход от вертикального типа мобильности и сотрудничества к горизонтальному типу [Teichler, 2009, р. 99]. Согласно У. Тайхлеру, традиционно европейские страны, особенно те, у которыхбыли колонии, имели тенденцию к экспорту своих университетских систем в другие страны под влияние этих стран или принимали их студентов. Такая модель, строящаяся на неравноправной основе, называется вертикальной. В 1987 г., когда была запущена программа «Эрасмус», европейские университеты начали более активно сотрудничать между собой, и их сотрудничество консолидировалось постепенно. Сотрудничество, основанное на подобных стандартах, У. Тайхлер назвал горизонтальным.

Оба вида сотрудничества являются систематическимии интегрированными [Teichler, 2009, р. 99]. Это означает, что европейские проекты сотрудничества и мобильности — не отдельные и разрозненные формы сотрудничества, они включены в определенную политику Европейского союза, которая способствует достижению долгосрочных целей (т.е. Лиссабонская стратегия, или стратегия «Европа-2020»). Кроме того, Болонский процесс характеризуется регулярными встречами министров образования стран-участниц и других заинтересованных сторон, созданием специальных органов и рабочих групп для установления контроля над осуществлением мер, согласованных на межведомственном уровне (т.е. Наблюдательная группа по Болонскому процессу).

Интернационализация итальянской системы высшего образования

Итальянская политика в сфере высшего образования характеризовалась до начала 1990-х гг. «своей выдающейся преемственностью» [Сарапо, 2008, р. 482]. С момента своего объединения в 1861 г. в Италии были проведены четыре основные реформы системы образования. Первая реформа была проведена в период фашизма, в конце 1930-х, а три другие, основные реформы, после 1990-х гг. (реформа Берлингуэр в 1999 г., реформа Моратти в 2004 г. и реформа Джельмини в 2008 г.). В 1960-х гг. Италия в отличие от многих других европейских стран, не смогла добиться «действительной всеобъемлющей реформы» в своей системе высшего образования «в целях удовлетворения растущего социального спросапостобязательного (среднего и высшего) образования» [Моscati, 1998, р. 56]. Условия, обязывающие ориентироваться на системы высшего образования других стран, были приняты Италией под внешним давлением глобализации и процесса европейской интеграции только в 1990-х гг.

Некоторые ученые [Moscati, 1998; Capano, 2008; Aittolaetal., 2009] определили изменение в системе управления университетами в качестве одного из ключевых элементов в итальянской системе высшего образования. Перед реформами 1990-х гг. итальянская система высшего образования была очень «централизованной, иерархической» [Moscati, 1998, р. 56], решения в ней принимались в централизованном порядке. Однако такая централизация была формальной, потому что в действительности внутри каждого университета существовало «абсолютное господство ученых» [Сарапо, 2008, р. 483], создающее своего рода олигархическую систему. В результате процесс принятия решений был результатом переговоров между центром (т.е. Министерством образования) и периферией (академиками при посредничестве ректоров и других директивных органов университета) [Сарапо, 2008]. Изменение процесса принятия решений университетами было введено, когда в 1990-х гг. высшим учебным заведениям была предоставлена автономия. Это позволило университетам решить собственные нормативные, финансовые, дидактические, организационные вопросы, а также процедуры набора персонала.

Новая система внутреннего управления итальянскими вузами, введенная при последних реформах, дала больше автономии университетам и в стратегиях интернационализации. Например, Сенатом Политехнического университета Милана было принято решение преподавать все передовые программы (курсы для магистрантов и аспирантов) на английском языке начиная с 2014/15 учебного года. Данная стратегия сопровождалась и другими мерами по привлечению иностранных преподавателей и процессу интернационализации.В последние годы Политехнический университет Милана стал одним из самых успешных в Италии в плане интернационализации. Так, количество иностранных студентов, обучающихся в данном университете, увеличилась с 1,9% в 2004 г. до 17,8% в 2011 г. [6th EMN Italy report, 2013, р. 25].

Как показал опрос CRUI (Конференция ректоров итальянских университетов), сделанный в 2011/12 учебном году, стратегия интернационализации университетов, основанная на увеличении количества курсов на английском языке, дает ощутимый результат и становится все более и более популярной среди итальянских университетов. Из данных анализа 2011/12 учебного года известно, что около 70% итальянских университетов проводили обучение и дидактическую деятельность на английском языке. Кроме того, из результатов обследования выяснилось, что учебные курсы на иностранном языке в большей степени сконцентрированы на уровне магистратуры и аспирантуры. Данные показатели характерны в первую очередь для больших и престижных университетов (Рим, Болонья, Милан, Турин) и представлены в основном в областях инженерных наук (около 25%), в экономике и статистике (20% случаев) [6^{th} EMN Italy report, 2013, р. 26]. Несмотря на приводимые данные и положительную тенденцию, итальянские университеты в 2011 г.занимали согласно докладу ОЭСР нижние строки мирового рейтинга по количеству курсов на английском языке [ОЕСД, 2013, р. 309]. Поскольку язык, используемый в сфере образования, является ключевым фактором для студентов при выборе иностранного государства для обучения, а итальянский язык не относится к широко распространенным, таким как английский, французский или испанский языки, этим отчасти объясняется небольшое число иностранных студентов, которые решают учиться в Италии.

Слабую способность Италии к привлечению иностранных студентов подтверждают данные ОЭСР, которые указывают, что только 1,7% иностранных студентов выбрали итальянские университеты для продолжения своего образования. Статистика показывает, что небольшое увеличение количества иностранных студентов произошло в 2010-е годы. Однако доля Италии на международном рынке высшего образования очень мала по сравнению с такими странами, как США, Великобритания, Германия, Франция и Австралия, в которых в 2011 г. обучалась половина всех иностранных студентов в мире [ОЕСD, 2013, р. 307]. Албанские (12045), китайские (7648), румынские (5713) и греческие (3318) студенты составляют крупнейшие сообщества иностранных студентов в Италии. В свою очередь количество итальянских студентов за рубежом, меньше числа (51236) иностранных студентов, обучающихся в Италии (77732) (UNESCO, 2014). Великобритания (7930), Австрия (7206), Франция (6723) и Германия (5356) относятся к наиболее популярным странам среди итальянских студентов, которые решили продолжить образование за рубежом.

Соединенные Штаты, Великобритания и Австралия, занимающие соответственно первое, второе и пятоеместа в мире по числу иностранных студентов [ОЕСD, 2013, р. 307], характеризуются системами высшего образования с самой высокой стоимостью оплаты за обучение в мире [ОЕСD, 2011, р. 258]. Италия, несмотря на высокий уровень платы за обучение среди европейских

стран, устанавливает значительно меньшуюплату за обучение для иностранных студентовпо сравнению с США, Великобританией и Австралией [ОЕСД, 2011, р. 258]. Невысокая квота иностранных студентов и низкий уровень оплаты за обучение говорят о том, что итальянская университетская система не следует логике коммерциализации или коммодификации высшего образования, как другие западные страны.

Если на международном рынке высшего образования Италия не входит в число предпочитаемых стран, то картина меняется при анализе данных студенческой мобильности, связанных с программой «Эрасмус». По данным Европейской комиссии, отвечающей за программу «Эрасмус», Италия — пятая по популярности страна после Испании, Франции, Германии и Великобритании [Еигореап Commission, 2013, р. 15]. Судя по потоку исходящих студентов, с 2009 г. Италия является четвертой странойпо уровню мобильности студентов после Испании, Франции и Германии, причем число студентов в течение нескольких лет постоянно увеличивается [European Commission, 2013, р. 10].

Рассматривая степень интернационализации на уровне университетов, стоит отметить, что автономия, которую получили итальянские университеты, дала им больше свободы для разработки соглашений о сотрудничестве с другими университетами, позволила реализовать программу двойных дипломов и создать представительства в других странах. По данным Министерства образования, в 2013 г. 57,6% межвузовских соглашений университеты Италии подписали с европейскими государствами. За ними следуют страны Северной и Южной Америки (24,1%), Азия и Океания (13, 6%), и только 4,7% соглашений подписано с африканскими странами [6th EMN Italy report, 2013, p.73].

Согласно данным Информационного центра по академической мобильности СІМЕА, который поддерживается Министерством образования Италии, программа двойных дипломов реализуется итальянскими университетами в основном со странами ЕС (Францией, Испанией, Германией и Великобританией) на уровне магистратуры. Что же касается совместных степеней, то они наиболее распространены на уровне аспирантуры с американскими университетами.

По числу двусторонних соглашений и двойных/совместных степеней итальянские университеты оказываются более интернационализованными на европейском уровне. Географическая близость, схожесть систем высшего образования и Болонский процесс являются ключевыми факторами, которые объясняют эту тенденцию. Кроме того, из 15 стран, наиболее популярных среди итальянских студентов для обучения за рубежом, 13 это европейские страны [UNESCO, 2014].

Следуя современной глобальной тенденции, итальянские университеты по примеру других учреждений высшего образования [Vinokur, 2010, р. 208] создаютсвои филиалы в других странах или предоставляют ноу-хау другим

университетам по внедрению курсов и право присуждать степень головного учреждения. Эту практику, которуюс точки зрения бизнеса можно определить как франчайзинг, П. Алтбах назвал «макдональдонизацией высшего образования» [Altbach, 2012, р. 7]. В 1999 г. Болонский университет был первым университетом в Италии, разработавшим такую стратегию интернационализации, открыв филиал в Буэнос-Айресе, и эта идея была поддержана Министерством иностранных дел Италии [6th EMN Italy report, 2013, р. 81]. Тем не менее эта практика по-прежнему недостаточно распространена в Италии по сравнению с английскими, американскими и австралийскими университетами, которымпринадлежит первенство в разработкеновой стратегии интернационализации.

Заключение

Глобализация и европеизация являются двумя ключевыми факторами, которые значительно преобразовали итальянскую систему высшего образования. Они оказали влияние не только на международное направление деятельности итальянских университетов, но и на продвижение некоторых структурных реформ итальянской системы высшего образования. Изменение управления университетов в 1990-х гг., давшее им больше автономии, было первым шагом, который приравнял итальянские университеты к европейским высшим учебным заведениям. Болонский процессдал дальнейший толчок к трансформации итальянских университетов по пути сближения с высшими учебными заведениями Европы. Например, введение трех циклов, ЕСТЅ или приложения к диплому — это элементы, производные от процесса европеизации в области высшего образования. Реформы, осуществляемые в рамках Болонского процесса, способствовали интернационализации итальянской системы высшего образования.

Глобализация также играет важную роль в процессе интернационализации итальянских университетов. Во-первых, как уже упоминалось в коммюнике, разработанных межведомственными конференциями Болонского процесса (в частности, Лондонское коммюнике), создание европейского пространства высшего образования направлено на решение проблем, связанных с глобализацией. В такой перспективе глобализация может рассматриваться в качестве катализатора процесса европеизации в области высшего образования.

Во-вторых, глобализация открывает итальянские университеты для академического сотрудничества со странами других континентов. Данная тенденция прослеживается как на уровне университетов, так и на уровне министерств. Это означает, что не только итальянские университеты расширяют свое сотрудничество с неевропейскими вузами, но и итальянское Министерство образования вместе с Министерством иностранных дел и Министерством экономического развития подписало соглашение об академическом сотрудничестве с глобальными партнерами, которые считаются стратегическими для

Италии. Программы «Марко Поло» и «Турандот», реализуемые совместно с Китаем, или программа «Инвестируй свой талант в Италии» — примеры недавнего сотрудничества Италии со стратегическими партнерами [6th EMN Italy report, 2013, p. 27].

Однако на мировом рынке итальянская система высшего образования остаетсянедостаточно привлекательной для студентов, о чем свидетельствует небольшое количество иностранных студентов. Как было отмечено в начале статьи, значительная часть ученых считают экономически выгодным для страны привлечение иностранных студентов. Это может дать положительный эффект не только в краткосрочной (дополнительный доход от иностранных студентов), но и в среднесрочной и долгосрочной перспективе (например, сохранение наиболее талантливых специалистов). Итальянское Министерство образования по примеру других стран [Vinokur, 2010] пытается централизовать продвижение итальянской системы высшего образования. Одна из принятых мер создание портала на нескольких языках, который призван поддерживать иностранных студентов, желающих продолжить свое образование в Италии. Тем не менее отсутствие итальянских университетов в топ-позициях основных международных рейтингов университетов и высокий уровень безработицы среди итальянских молодых людей, которые, как правило, отказываются от учебы в университете или продолжают образование за рубежом, — это те вопросы, которые должны решаться для того, чтобы итальянская университетская система стала более привлекательной и релевантной на международном уровне.

Библиографический список

- 1. Altbach, P. G. (2003). Globalization and the university: Myths and realities in an unequal world. *Current Issues in Catholic Higher Education*, 23 (1), 5-26.
- 2. Aittola, H., Kiviniemi, U., Honkimäki, S., Muhonen, R., Huusko, M.&Ursin, J. (2009). The Bologna process and internationalization consequences for Italian academic life. *Higher Education in Europe*, 34 (3-4), 303-312.
- 3. Bourn, D. (2011). From internationalisation to global perspectives. *Journal of Higher Education Research & Development*, 30 (5), 559-571.
- 4. Capano, G. (2008). Looking for serendipity: the problematical reform of government within Italy's Universities. *Higher Education*, 55 (4), 481-504.
- 5. 6th EMN Italy report. (2013). *International students at Italian Universities: empirical survey and insights.* Rome: IDOS.
- 6. European Commission. (2013). *On the way to ERASMUS+. A Statistical Overview of the ERASMUS Programme in 2011-12*. Brussels: European Commission.
- 7. Fortuijn, J. D. (2002). Internationalising Learning and Teaching: A European experience. *Journal of Geography in Higher Education*, 26 (3), 263-273.
- 8. Jiang, X. (2008). Towards the internationalisation of higher education from a critical perspective. *Journal of Further and Higher Education*, 32 (4), 347-358.

- 9. Knight, J. (2013). The changing landscape of higher education internationalisation for better or worse? *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*, 17 (3), 84-90.
- 10. Leask, B.&Bridge, C. (2013). Comparing internationalisation of the curriculum in action across disciplines: theoretical and practical perspectives. *Journal of Comparative and International Education*, 43 (1), 79-101.
- 11. Luijten-Lub, A. (2007). *Choices in internationalisation: how higher education institutions respond to internationalisation, europeanisation, and globalisation.* Enschede: CHEPS.
- 12. Moscati, R. (1998). The changing policy of education in Italy. *Journal of Modern Italian Studies*, 3 (1), 55-72.
- 13. OECD. (2011). Education at a Glance 2011: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing.
- 14. OECD. (2013). Education at a Glance 2013: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing.
- 15. Scott, P. (2000). Globalisation and higher education: Challenges for the 21st century. *Journal of Studies in International Education*, 4 (1), 3-10.
- 16. Smeby, J. C., Trondal, J. (2005). Globalisation or europeanisation? International contact among university staff. *Higher Education*, 49 (4), 449-466.
- 17. Teichler, U. (2009). Internationalisation of higher education: European experiences. *Asia Pacific Education Review*, 10 (1), 93-106.
- 18. UNESCO. (2014). Statistics global flow of tertiary-level students. Retrieved from http://www.uis.unesco.org/EDUCATION/Pages/international- student-flow-viz.aspx
- 19. Vinokur, A. (2010). Current internationalisation: the case of France. *Globalisation, Societies and Education*, 8 (2), 205-217.

Статья поступила в редакцию 24.03.2014.

•••••

GLOBALISATION, INTERNALISATION AND EUROPEANIZATION IN HIGHER EDUCATION: THE CASE OF ITALY

M. De Martino

M. De Martino, PhD candidate at the People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia. E-mail: mario.demartino@coleurope.eu.

Globalization, internationalization and regionalization are factors, which are playing a crucial role in the current process of transformation of the higher education systems at worldwide level. The Italian university system was not exempt from this deep process of transformation and in the last few years, it deeply changed to be able to respond successfully to these challenges.

The article aims to analyse the international dimension of the Italian university system, to explore how it was transformed by the processes of globalization and Europeanization and to investigate which strategies have been put in place by the Italian government and the Italian universities to face the new external challenges.

The first part of the article consists in a theoretical analysis of the main literature related to the concepts of globalization, internationalization and Europeanization. In the he second part of the article, the analysis is addressed to the international dimension of the Italian higher education system with references to the theoretical models elaborated in the first part.

This analysis shows that the Italian universities are following the global trends in their process of internationalizations, but certain critical aspects still persist.

Keywords: globalization, internationalisation, Europeanisation, Higher Education, Italy, Education policy.

References

- 1. Altbach, P. G. (2003). Globalization and the university: Myths and realities in an unequal world. *Current Issues in Catholic Higher Education*, 23 (1), 5-26.
- 2. Aittola, H., Kiviniemi, U., Honkimäki, S., Muhonen, R., Huusko, M. & Ursin, J. (2009). The Bologna process and internationalization consequences for Italian academic life. *Higher Education in Europe*, 34 (3-4), 303-312.
- 3. Bourn, D. (2011). From internationalisation to global perspectives. *Journal of Higher Education Research & Development*, 30 (5), 559-571.
- 4. Capano, G. (2008). Looking for serendipity: the problematical reform of government within Italy's Universities. *Higher Education*, 55 (4), 481-504.
- 5. 6th EMN Italy report. (2013). *International students at Italian Universities: empirical survey and insights.* Rome: IDOS.
- 6. European Commission. (2013). *On the way to ERASMUS+. A Statistical Overview of the ERASMUS Programme in 2011-12*. Brussels: European Commission.
- 7. Fortuijn, J. D. (2002). Internationalising Learning and Teaching: A European experience. *Journal of Geography in Higher Education*, 26 (3), 263-273.
- 8. Jiang, X. (2008). Towards the internationalisation of higher education from a critical perspective. *Journal of Further and Higher Education*, 32 (4), 347-358.
- 9. Knight, J. (2013). The changing landscape of higher education internationalisation for better or worse? *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*, 17 (3), 84-90.
- 10. Leask, B. & Bridge, C. (2013). Comparing internationalisation of the curriculum in action across disciplines: theoretical and practical perspectives. *Journal of Comparative and International Education*, 43 (1), 79-101.
- 11. Luijten-Lub, A. (2007). *Choices in internationalisation: how higher education institutions respond to internationalisation, europeanisation, and globalisation.* Enschede: CHEPS.
- 12. Moscati, R. (1998). The changing policy of education in Italy. *Journal of Modern Italian Studies*, 3 (1), 55-72.
- 13. OECD. (2011). Education at a Glance 2011: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing.
- 14. OECD. (2013). Education at a Glance 2013: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing.
- 15. Scott, P. (2000). Globalisation and higher education: Challenges for the 21st century. *Journal of Studies in International Education*, 4 (1), 3-10.
- 16. Smeby, J. C., Trondal, J. (2005). Globalisation or europeanisation? International contact among university staff. *Higher Education*, 49 (4), 449-466.
- 17. Teichler, U. (2009). Internationalisation of higher education: European experiences. *Asia Pacific Education Review*, 10 (1), 93-106.
- 18. UNESCO. (2014). Statistics global flow of tertiary-level students. Retrieved from http://www.uis.unesco.org/EDUCATION/Pages/international-student-flow-viz.aspx
- 19. Vinokur, A. (2010). Current internationalisation: the case of France. *Globalisation, Societies and Education*, 8 (2), 205-217.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРНОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА

В. С. Дрягалов, М. С. Топчиев¹

В статье анализируется влияние изменения баланса этнической и конфессиональной идентичностей молодежи на систему культурной и конфессиональной безопасности поликультурного региона. Под конфессиональной безопасностью авторами понимается не столько система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, что является прерогативой скорее религиозной безопасности, сколько предотвращение конфликтов на конфессиональной почве. Делается вывод, что к базовым составляющим механизма сохранения культурной и конфессиональной безопасности следует отнести грамотное формирование этнической и конфессиональной идентичности в молодежной среде. На основе данных социологических исследований, проведённых в 2010-2013 гг., прослеживается динамика изменения этнических и конфессиональных маркеров системы культурной и конфессиональной безопасности в многонациональной среде студенческой молодёжи. Опрос проводился на базе Астраханского государственного университета, поскольку данное учебное заведение представляет собой актуальную площадку для изучения уровня толерантности, культурной безопасности и того, насколько комфортно, «безопасно» себя ощущают сами астраханцы в такой поликультурной и поликонфессиональной среде. Это объясняется тем, что помимо представителей региональных этнических групп, количество обучающихся, приезжающих в университет из стран ближнего и дальнего зарубежья, с каждым годом увеличивается. Из-за этого процесс естественного вхождения в среду Других заставляет большинство студентов определённым образом формулировать свои отношения к представителям других этносов. Динамика проведенных исследований показала, что в студенческой среде в течение трех лет значительно вырос уровень интолерантности. Достаточно высок индекс тревожности, что свидетельствует о проблемах в устойчивости системы культурной и конфессиональной безопасности. Это обусловливает желание львиной доли студентов уехать из региона после получения образования.

Ключевые слова: конфессиональная безопасность, религиозная идентичность, Астраханский государственный университет, социологическое исследование, этническая идентичность.

¹ Дрягалов Вячеслав Сергеевич – ведущий специалист Гуманитарного института, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия. Эл. почта: helios82@yandex.ru;

Топчиев Михаил Сергеевич – ведущий специалист Гуманитарного института, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия. Эл. почта: dc_mail@bk.ru.

Статья опубликована при поддержке РГНФ, проект $\mathbb{N}12$ -33-01411/12 «Проблемы и перспективы развития конфессиональных отношений в полиэтничном регионе на примере Астраханской области и Северного Прикаспия».

Поликультурность регионального пространства задает определенные социокультурные маркеры, по которым можно определить уровень социальной устойчивости региональной системы. К этим маркерам относятся характеристики культурной, этнической и конфессиональной идентичности, включенные в определенную региональную систему, и соответственно культурная и конфессиональная безопасность. Нарушение сложившегося баланса этносов и конфессий, ощущение угрозы, связанной с Чужим, имеющим другие социокультурные или конфессиональные идентификационные характеристики, меняет вектор межкультурных коммуникаций в региональном пространстве.

Процесс формирования этнической идентичности тесно взаимосвязан с двумя близкими по характеру процессами — формированием конфессиональной и культурной идентичности. В некоторых случаях эти идентичности могут практически совпадать.

Даже в определениях этих типов идентичности мы видим некую общую логику. Культурная идентичность рассматривается как процесс идентификации себя с определенной культурной группой, обладающей общими ментальными и ценностными характеристиками [Moha Ennaji, 2005]. Этническая идентичность представляется как система самоидентификации с определенной этнической общностью, причем это процесс достаточно длительного формирования личности, сочетающий ее индивидуальный опыт и определенные групповые паттерны данного этноса [Phinney, Ong, 2007; Wijeyesinghe, Jackson, 2001]. Под конфессиональной идентичностью западные исследователи [Arweck, Nesbitt, 2010; King, Elder, Whitbeck, 1997] понимают тип формирования идентичности, связанный с чувством принадлежности к определенной конфессиональной группе. Конфессиональная идентичность не тождественна понятию религиозности. Человек может быть практически не религиозным, но идентифицировать себя с определенной конфессий. В этом случае он должен в той или иной форме разделять ценности данной конфессии. На религиозную идентичность влияют этнические, гендерные и поколенческие факторы, т.е. принадлежность к тому или иному поколению [King, Boyatzis, 2004; McCullough, Tsang, Brion, 2003; Wallace, Forman, Caldwell, Willis, 2003]

Все три типа идентичности — конфессиональная, этническая и культурная, соединяясь в отдельной личности, очерчивают определенную перспективу ее мировидения, предполагают различные способы социализации в среде разных возрастных групп, принадлежащих к разным поколениям и социальным стратам. Различные этнические, культурные и конфессиональные идентичности предполагают и различные способы социального конструирования реальности [Berger, Luckmann, 1966]. Причисляя себя к определенной этнической, культурной или конфессиональной общности, человек декларирует, что признает ее базовые принципы существования в этом мире. Во второй половине XX в. западные исследователи были уверены, что гендерная и этническая идентичности

постепенно вытесняют религиозный компонент из сферы самоидентификации современной молодежи. Однако глобальные процессы, связанные с миграцией крупных массивов мусульманских этносов на территорию Европы и Америки, заставляют их пересмотреть эту точку зрения [Harker, 2001; Hirschman, 2004].

Проблема этнической и конфессиональной идентификации иногда открыто, а иногда латентно связана с проблемой культурной и конфессиональной безопасности. Это связано с наличием некоего устоявшегося понимания расклада этнических, культурных и конфессиональных групп в сложившемся в течение веков культурном ландшафте. Любое нарушение привычного баланса, изменение положения доминантных групп приводит к нарушению стабильной на тот момент системы культурной и конфессиональной безопасности. Отслеживание изменения уровня стабильности этих систем актуально прежде всего для поликонфессиональных и полиэтничных регионов России в связи с тем, что религиозный экстремизм, обусловленный нарастающей транснациональной террористической деятельностью, которая в числе прочих осуществляется и мусульманскими сетевыми институтами, становится одним из политических трендов современности [Мчедлова, 2011].

Понятия конфессиональной и культурной безопасности являются частью более широкого понятия национальной безопасности. Проблемы, связанные с национальной безопасностью, рассматривались рядом ученых [Андреев, 2005; Возженников, 2000; Дерюгин, 1997; Перепелкин, 2000; Пучала, 2003; Серебренников, 1996]. Как отдельные сферы национальной безопасности на современном этапе исследуются духовная безопасность [Архиепископ Иоанн (Попов), Возмитель, Хвыля, 2005; Записоцкий, 2002; Золотова, 1998]; культурная безопасность [Forrest, 2004; Боден, 2000; Романова, Мармилова, 2008; Флиер, 1998]; религиозная и конфессиональная безопасность [Беспаленко, 2008; Карпухин, 2008; Кадыржанов, Нысынбаев, 2003; Мчедлова, 2011; Нашруева, 2008; Шустева, 2008; Van der Veer, Hall, 1999; Linz, 1996; Маіег, 1995]. Взаимосвязь этих понятий подробно проанализирована в статье А. П. Романовой и В. О. Мармиловой [Романова, Мармилова, 2008].

Термины «культурная безопасность» и «конфессиональная безопасность» еще довольно новые для отечественной науки и недостаточно разработаны теоретически. За рубежом начали появляться первые определения культурной безопасности только в последние десятилетия, когда она стала трактоваться прежде всего как «способность общества сохранить специфические характеристики, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает, постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [Forrest, 2004].

В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется весьма широко, при этом культура рассматривается не только как объект,

но и как фактор обеспечения безопасности. «Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере, как то предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Это и защита культуры от угроз, и одновременно создание условий для ее гармоничного развития» [Романова, Мармилова, 2008].

Впервые о конфессиональной безопасности упоминается в работах Ж. Бодена в XVIII в. Понятие безопасности рассматривается Ж. Боденом чрезвычайно широко и охватывает кроме обычного спектра составляющих, также экономическую и конфессиональную [Боден, 2000]. Конфессиональная безопасность — это часть культурной безопасности. Под конфессиональной безопасностью нами понимается не столько система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, что является скорее прерогативой системы религиозной безопасности [Кураев, 2004; Карпухин, 2008], сколько предотвращение конфликтов на этноконфессиональной почве (что уже входит в сферу государственной политики). Конфессиональная безопасность включает в себя наличие системы условий для полноценного развития различных конфессий в едином социокультурном пространстве, предотвращающей или, по крайней мере, смягчающей конфликты, связанные с конфессиональной идентичностью людей в рамках этого пространства. А конфессиональная идентичность на самом деле очень часто служит маркером культурной идентичности. Социологические исследования показывают, что за «самоидентификацией себя в качестве православного в ряде случаев стоит не исповедание веры, не принятие православного образа жизни, а исключительно признание православия в качестве исторически сложившейся в нашей стране культурной традиции. Логичным результатом такого признания становится использование «православности» в качестве надежного и вместе с тем вполне конвертируемого символического капитала, что позволяет расценивать православную идентичность этого рода как один из симулякров постмодерной культуры» [Ипатова, 2006]. В этой ситуации для отождествления личности с православной традицией нет необходимости воцерковленности, принятия не только чисто внешних элементов православной культуры, но и православного образа жизни и глубокого проникновения в догматику. В случае поликультурной или мультикультурной среды логичнее говорить об этнорелигиозной идентичности, поскольку принадлежность человека к определенной диаспоре очень часто выступает основным культурным маркером.

Учет ее возрастающей роли и связанных с этим проблем должен лечь в основу совершенствования механизма конфессиональной безопасности. Это связано непосредственно с восприятием Своего и Чужого, которое в поликультурных регионах достаточно размыто [Романова, Якушенков, 2013]. Исследования социологов во всероссийском масштабе показывают, что значительный про-

цент респондентов разных конфессиональных групп не воспринимает представителей единых с ними конфессионально-культурных общностей, но далеких территориально в качестве Своих. Своими скорее выступают соседи, представители других конфессий, но разделяющие некую общность бытия. «Так, у православных отношение к татарам и башкирам лучше, чем к единоверным грузинам и молдаванам, а респонденты буддийской группы воспринимают представителей восточно-азиатской (буддийско-конфуцианской) культуры — китайцев и вьетнамцев в качестве представителей иностранных торговых диаспор, но не как единоверцев» [Мчедлов, 2006].

Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, поддержание наработанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Нарушение же традиционного равновесного соотношения этносов и конфессий в рамках регионального социокультурного ландшафта приводит к быстрой и на первый взгляд неявной внутренней дестабилизации регионального социума и соответственно дестабилизирует культурную и конфессиональную безопасность. Это не обязательно должно быть выражено только в крупных конфликтах, внимание должно привлекать уже наличие определенных тенденций в молодежной среде, так как именно эти тенденции формируют будущий облик региона.

Это подтверждается серией локальных социологических исследований, проведенных в 2010-2013 гг. среди студентов Астраханского государственного университета, в числе разработчиков которых были и авторы статьи. Основной целью был анализ динамики изменения уровня толерантности полиэтничной и поликонфессиональной молодежи университета и соответственно уровня конфессиональной и культурной безопасности.

Астраханский государственный университет на данный момент представляет собой интересную площадку для исследований такого рода, поскольку кроме представителей региональных этнических групп в университете обучаются студенты из Калмыкии, Дагестана, Чечни, иностранцы из Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Китая, Ирана. Процесс естественного вхождения в среду Других заставляет большинство студентов определенным образом формулировать свои отношения к представителям других этносов и конфессий.

Исследования 2010 г. были направлены на изучение этнической идентификации и уровня толерантности в студенческой среде университета.

Цель исследования — изучение специфики этнической и конфессиональной идентичности в поликультурном регионе в молодежной среде (на примере Астраханской области). В качестве объекта исследования выступала студенческая молодежь г. Астрахани. Предметом исследования являлись особенности этнической идентичности в поликультурном регионе. Основным методом исследования выбран опрос молодежи г. Астрахани (N = 200). Первый блок вопросов анкеты был связан с выявлением понимания университетской мо-

лодежью своей этнической и конфессиональной идентичности и ее роли в повседневной жизни.

Отвечая на вопрос «Что прежде всего объединяет Ваш народ?» большинство респондентов (51,9%) назвали религию, язык, предков, 33,6% ответили: «Гордость за свою нацию», что свидетельствует о достаточно высоком уровне этнической идентичности, 32,1% респондентов отметили общую историю и территорию, 12,2% — общие трудности и врагов, 10,7% — схожие черты и характер поведения.

На вопрос «Обращаете ли Вы внимание на национальную принадлежность своего знакомого?» ответ «да» выбрали 15,3% респондентов, «скорее да, чем нет» — 26%, «скорее нет, чем да» — 29%, «нет» — 29,8%. В связи с полученным результатом можно сделать вывод, что большинство респондентов фактор национальной принадлежности не считают доминирующим в выборе друзей и знакомых, что является одной из отличительных особенностей поликультурного региона. Следует отметить, что менее всего обращают внимание на этническую принадлежность своего окружения казахи («скорее нет, чем да» — 31,3%, «нет» — 34,4%).

Следующий вопрос данного блока был посвящен тому, насколько представители различных национальностей испытывают на себе недоброжелательное отношение из-за принадлежности к определенной национальности. Необходимо отметить, что более всего испытывают недоброжелательное отношение выходцы с Кавказа (51,1%), в меньшей степени — представители славянских народов (11,5%). Такой результат вполне объясним, поскольку в последнее время увеличились миграционные потоки с Кавказа и количество кавказских студентов в астраханских вузах.

На уровне исследования 2010 г. мы попытались отследить симпатию или антипатию респондентов к представителям тех или иных национальностей. По данным исследования, у представителей кавказских народов вызывают симпатию и интерес в основном представители своей нации (табасаранцы, грузины, армяне), русские предпочли татар и казахов, что свидетельствует о некой дифференциации вновь прибывших и старожильческих этносов. Однако часть респондентов одинаково позитивно воспринимают практически все национальности.

Исследования показали, что в студенческой среде высок уровень национальной и конфессиональной самоидентификации среди представителей всех этнических групп, однако более высокая гражданская самоидентификация характерна для старожильческих этносов.

Следующий блок вопросов касался выявления уровня этнической и конфессиональной толерантности. В большинстве случаев определенная этническая самоидентификация влекла за собой и конфессиональную. Представители славянских этносов идентифицировали себя как православные; татары, казахи, кавказцы — как мусульмане; калмыки — как буддисты.

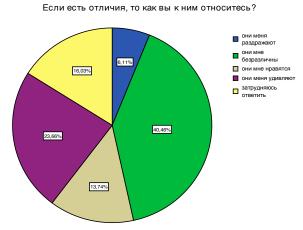


Рис. 1. Ответы на вопрос «Если есть отличия, то как Вы к ним относитесь?»

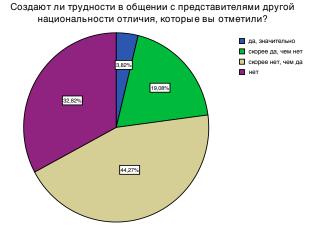


Рис. 2. Ответы на вопрос «Создают ли трудности в общении с представителями другой национальности отличия, которые вы отметили?»

Мы попытались выявить, какие маркеры влияют на отношение к другому этносу. Так, на вопрос «В какой мере, по Вашему мнению, обычаи, традиции, нормы поведения людей другой национальности отличаются от Вашей?» 39,7% респондентов ответили, что «значительно отличаются», 49,6% — «скорее отличаются».

Что касается отношения к данным отличиям, то для 40,46% респондентов данные отличия безразличны, 23,66% опрошенных они удивляют, 13,74% они нравятся и только 6,11% они раздражают (рис. 1).

T/	~	~ 0/
Качества.	приписываемые себе представителями	различных нашиональностей. %
Itu icci bu,	приписываемые себе представителими	pasini mibik magnemanbilecten, 70

Качества	Русские	Татары	Казахи	Народы Северного Кавказа
Открытые	84,1	83,3	68,8	55,6
Доброжелательные	68,1	91,7	75,0	66,7
Предприимчивые	52,1	58,3	56,3	50,0
Честные	42,0	50,0	53,1	44,4
Хитрые	37,7	58,3	25,0	27,8
Ответственные	36,2	66,7	62,5	50,0
Безответственные	21,7	7,7	6,3	11,1
Жадные	17,4	8,3	18,8	11,1

На вопрос «Создают ли трудности в общении с представителями другой национальности данные отличия?» 32,82% респондентов ответили, что не создают, 44,27% — скорее не создают, 19,8% — скорее создают и 3,82% — создают (рис. 2).

С вопросом об этнической и конфессиональной самоидентификации связаны те качества, которые данные этносы себе приписывают. Статистика ответов отражена в таблице 1.

Что касается того, как воспринимают друг друга представители других национальностей, то отличительной особенностью татар, по мнению других этносов, оказалась хитрость (74%), казахов — открытость (53,4%), русских — открытость (80,7%), народов Северного Кавказа — предприимчивость (43,55%).

И последний блок вопросов был посвящен диагностике этнического самосознания и его трансформации. В исследовании были рассчитаны типы этнической идентичности по методике, разработанной Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, что показало следующую картину.

Так, у русских такой тип этнической идентичности, как этнофанатизм, колеблется в пределах от 1 до 13, у казахов от 4 до 14, у татар — от 1 до 9, у народов Северного Кавказа — от 9 до 19. Этноизоляционизм у русских колеблется в пределах от 0 до 15, у казахов — от 0 до 9, у татар — от 0 до 12, у народов Северного Кавказа — от 1 до 17. Этноэгоизм у русских колеблется в пределах от 10 до 16, у казахов — от 10 до 13, у татар — от 4 до 8, у народов Северного Кавказа — от 2 до 8. Этническая индифферентность у русских колеблется в пределах от 10 до 13, у казахов — от 10 до 12, у татар — от 3 до 8, у народов Северного Кавказа — от 6 до 10. Этнониглизм у русских колеблется в пределах от 0 до 8, у казахов — от 0 до 6, у татар — от 0 до 4, у народов Северного Кавказа — от 0 до 6.

Анализ результатов этого блока исследования привел нас к выводу, что только у 1,5% опрошенных высокий уровень этнонигилизма, 15,3% показали высокий уровень этнической индифферентности, 0,8% — высокий уровень

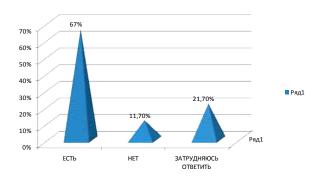


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Есть ли, по Вашему мнению, рост интолерантности в Астраханском регионе?»

этноэгоизма и такой же процент этнофанатизма. В основном средний показатель — это норма.

Исследование 2010 г. выявило, что на фоне довольно высокого уровня толерантности в молодежной среде начинает латентно оформляться восприятие наличия двух групп этносов — Своих (старожильческих) и Чужих, пришлых, в основном мигрантов с Кавказа. В Европе уже на тот момент эта проблема стояла остро и затрагивала систему культурной и конфессиональной безопасности [Романова, Хлыщева, Якушенков, Топчиев, 2013]. Участившиеся стихийные погромы в мусульманских кварталах европейских городов, организованные мигрантами, в обыденном сознании естественно связывались с их религиозной, прежде всего мусульманской, идентичностью. Такая связь имеется, «но не в качестве первопричины, а как идеологическое обрамление, которое привычно и близко для вовлеченной в волнения исламской молодежи» [Мчедлов, 2006]. Очень часто этнорелигиозная идентичность становится объектом политических манипуляций или неграмотных политических действий. Социологические исследования показывают, что этноконфессиональные характеристики — это прежде всего наиболее яркая оболочка конфликтных ситуаций, и основная масса респондентов осознает их социально-экономические и политические корни. Степень же воздействия религиозной идентичности акторов этих конфликтов на сами политические процессы зависит от совокупности условий. «Религия, не будучи при этом первопричиной, лишь дает дополнительный импульс, мобилизует, сплачивает участников движений, придает им определенную устойчивость и целенаправленность» [Мчедлов, 2006].

Исследования 2013 г. показали, что процессы этнической самоидентификации существенно не изменились. Свою культурную принадлежность к определенной национальности ощущают 81,7% респондентов, 15% не ассоциируют себя с определенной национальной культурой и 3,3% причисляют себя к нескольким нациям.

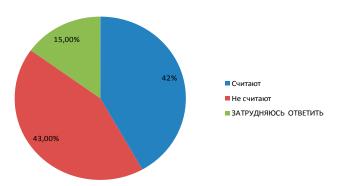


Рис. 4. Ответы на вопрос «Разделяете ли Вы мнение, что представители других национальностей, приезжая, целенаправленно вытесняют коренное население с рынка труда?»

В анкету был добавлен ряд вопросов, связанных с культурной и конфессиональной безопасностью, что позволило выявить тенденции, которые насторожили исследователей при проведении первого соцопроса. Нас интересовало, насколько латентные ранее процессы начинают приобретать эримый характер.

На вопрос «Есть ли, по Вашему мнению, рост интолерантности в Астраханском университете?» 66,7% респондентов ответили утвердительно, 21,7% затруднились ответить и только 11,7% ответили отрицательно (рис. 3).

Как показало исследование, эта интолерантность к пришлым, Чужим этносам не интуитивна и бессознательна, а имеет под собой социоэкономические основания. Около половины молодых респондентов (53,3%) считают, что уровень преступности растет за счет приезжих других национальностей, не согласны с этим утверждением только 33,3% и всего лишь 13,3% респондентов затруднились ответить. Более трети опрошенных (41,7%) полагают, что приезжие представители других национальностей целенаправленно вытесняют коренных жителей с их рабочих мест (рис. 4).

Больше половины опрошенных (60%) согласны с утверждением, что «представители других национальностей, требуя уважать свои обычаи, тем самым вытесняют традиции коренного населения».

Несмотря на то что 78,3% респондентов считают себя толерантными, в целом при анализе ответов на косвенные вопросы можно заметить, что эта толерантность часто лишь декларируемая. Более того, большая часть молодежи не ощущает себя в безопасности. Средняя степень тревожности среди студенческой молодежи (измеряемая вопросом «Оцените по 10-балльной шкале уровень своей тревожности (1 — минимум, 10 — максимум)») равна 7,2.

Переехать в другой регион готовы 45,9% респондентов, скорее готовы — 19,67%, что в совокупности составляет около 67% (рис. 5).

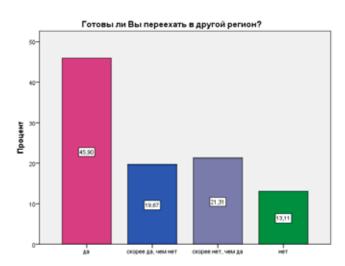


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы переехать в другой регион?»

Еще один нюанс, на который по итогам исследования мы обратили внимание, — уровень гражданского самосознания. На вопрос «Что, по Вашему мнению, может способствовать развитию уважения и толерантности между различными народами?» 37,7% респондентов выбрали ответ «более строгий контроль за соблюдением прав и свобод граждан». Значит ли это, что, с точки зрения опрошенных, их права и свободы в поликультурном регионе не соблюдаются и они не чувствуют себя в безопасности?

Таким образом, мы видим, что процессы, происходящие в региональном социуме, требуют пристального внимания. Наиболее остро на эти проблемы реагирует студенческая молодежь, поскольку она чаще вынуждена вступать в межкультурные контакты и задумываться о вопросах этнической и конфессиональной самоидентификации. Как показывает опыт последних двух лет, астраханское студенчество становится наиболее конфликтогенной социальной стратой. Нарушение исторически сложившегося этнического баланса приводит к увеличению представителей Чужих для данного региона молодежных групп, не желающих вписываться в существующую систему культурной и конфессиональной безопасности. Причем деление на Свои и Чужие идет не на основе конфессиональной идентичности (мусульмане — христиане), а на основе принадлежности к старожильческим или пришлым этническим группам. Нарушение сложившейся системы культурной и конфессиональной безопасности выражается в повышении общего уровня тревожности молодых людей. И в силу этого, обладая достаточно высоким образовательным цензом и соответственно мобильностью, более половины из них готовы уехать из региона.

Библиографический список

- 1. Андреев, А. П. (2005). Национальная безопасность как философская категория. Уфа: СОФИЯ.
- 2. Архиепископ Иоанн (Попов), Возмитель, А. А., Хвыля, О. А. (2005). Духовная безопасность России. Москва: Логос.
- 3. Беспаленко, П. Н. (2008). Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России. Научные ведомости БелГУ, 10 (50), 141-149.
- 4. Боден, Ж. (2000). Метод легкого познания истории. Москва: Наука.
- 5. Возжеников, А. В. (2000). Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. Москва: Изд-во ЭДАС ПАК.
- 6. Дерюгин, Ю. И. (1997). Концептуальные основы политической безопасности России. Политическая безопасность России: информационно-аналитический бюллетень, (29), 26-32.
- 7. Записоцкий, А. С. (2002). Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности. Педагогика, 2, 3-8.
- 8. Золотова, Н. П. (1998). Театр как социокультурный фактор духовной безопасности страны. Аналитический вестник, 4 (71), 45-47.
- 9. Ипатова, Л. П. (2006). Православная идентичность как персональный портрет. В Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России (с. 171-176). М.: Издательство Института социологии РАН.
- 10. Карпухин, Ю. Г. (2008). Армия, правоохранительные органы и религиозная безопасность. Вестник РГГУ. Право, (5), 121-130.
- 11. Кураев, А. (2004). Христианин в языческом мире или о наплевательском отношении к порче. Москва: Эксмо, Яуза.
- 12. Молчановский, В. Ф. (1997). Безопасность атрибут социальной системы. В Анализ систем на пороге ХХ1-го века: теория и практика: мат-лы международной конференции. Т. 4, Кн. 1 (с. 170-177). М.: Интеллект.
- 13. Мчедлов, М. П. (2006). Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах. Социологические исследования, (10), 26-38.
- 14. Мчедлова, М. М. (2011). Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции: автореф. дис... д-ра полит. наук. Москва.
- 15. Нысанбаев, А., Кадыржанов, Р. Безопасность Казахстана (2003). Казахстанская правда, (232).
- 16. Нашруева, Л. В. (2008). Современные конфессиональные процессы (на примере Республики Калмыкия). В Народы Калмыкии: проблемы национального самосознания и толерантности: сб. науч. трудов (с. 253-255). Элиста: ПГЛУ.
- 17. Перепелкин, Л. (2000). Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере. Конфликт — диалог — сотрудничество, (2), 9-13.
- 18. Послание Генерального директора ЮНЕСКО г-на Коитиро Мацууры по случаю Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития (21 мая 2008 г.). (2008). Режим доступа: http://www.kyrnatcom.unesco.kz/press%20hq/press5.htm.

- 19. Пучала, Д. Дж. (2003). Безопасность человеческая. Глобалистика: Энциклопедия (с. 63-65). М.: Радуга.
- 20. Романова, А. П. (2009). Мультиконфессиональность как фактор социальной стабильности. В Народы Прикаспийского региона. Диалог культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 400-летию добровольного вхождения в состав Российского государства. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета.
- 21. Романова, А. П., Мармилова, В. О. (2008). Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности. *Человек. Сообщество. Управление*, (2), 84-94.
- 22. Романова, А. П., Хлыщева, Е. В., Якушенков, С. Н., Топчиев, М. С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. М.: РОССПЭН.
- 23. Романова, А. П., Якушенков, С. Н. (2013). Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях. Вопросы философии, (2), 49-55.
- 24. Серебренников, В. В. (1996). Социальная безопасность России. Москва: РИЦ ИСПИ РАН.
- 25. Сикевич, З. В. (1999). О соотношении этнического и социального. Журнал социологии и социальной антропологии, 11 (2), 71-79.
- 26. Флиер, А. Я. (1998). Культура как фактор национальной безопасности. Общественные науки и современность, (3), 181-187.
- 27. Шустева, А. И. (2008). Институционально-правовое обеспечение государственно-конфессиональной безопасности в постсоветской России: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону.
- 28. Arweck, E. & Nesbitt, E. (2010). Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? *Journal of Contemporary Religion*, (25), 67-87.
- 29. Berger, P. L. & Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.
- 30. Ennaji, M. (2005). *Multilingualism, Cultural Identity, and Education in Morocco*. Boston: Springer Science & Business Media.
- 31. Forrest, S. (2004). Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. Retrieved from http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21
- 32. Harker, K. (2001). Immigrant generation, assimilation, and adolescent psychological well-being. *Social Forces*, 79 (3), 969-1004.
- 33. Hirschman, C. (2004). The role of religion in the origins and adaptations of immigrant groups in the United States. *International Migration Review*, 38 (3), 1206-1233.
- 34. King, P. E. & Boyatzis, C. J. (2004). Exploring adolescent spiritual and religious development: current and future theoretical and empirical perspectives. *Applied Developmental Science*, (8), 2-6.
- 35. King, V., Elder, G. H. & Whitbeck, L. B. (1997). Religious involvement among rural youth: An ecological and life-course perspective. *Journal of Research on Adolescence*, (7), 431-456.
- 36. Linz, J. J. (1996). Der religiöse Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion Ersatzideolo-giegegen Ersatzreligion. "Totalitarismus" und "PolitischeReligionen". Konzepte des Diktaturvergleichs (pp. 125-140). Paderborn: Ferdinand Schöningh.

- 37. Maier, H. (1995). *Politischereligionen. Die totalitaeren regime und das Christentum.* Freiburg; Basel; Wien.
- 38. McCullough, M. E., Tsang, J. & Brion, S. (2003). Personality traits in adolescents as predictors of religiousness in early adulthood: Findings from the Terman longitudinal study. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (29), 980-991.
- 39. Phinney, J. S. & Ong, A. D. (2007). Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of Counseling Psychology*, (54), 271-281.
- 40. Van der Veer, P., Paul, T. V.& Hall, J. A. (1999). *Political Religion in the Twenty-first Century. International Order and the Future of World Politics*. Cambridge: University press.
- 41. Wallace, J. M., Forman, T. A., Caldwell, C. H. & Willis, D. S. (2003). Religion and U. S. secondary school students: Current patterns, recent trends, and sociodemographic correlates. *Youth Society*, (35), 98-125.
- 42. Wijeyesinghe, C. L. & Jackson, B. W. (2001). New perspectives on racial identity development. New York: NYU Press.

Статья поступила в редакцию 23.05.2014.

STUDENTS' ETHNIC AND CONFESSIONAL IDENTITIES UNDER THE CONDITIONS OF WORSENING PROBLEMS OF CULTURAL AND CONFESSIONAL SAFETY OF THE MULTICULTURAL REGION

V.S. Dryagalov, M.S. Topchiev

Vjacheslav Sergeevich Dryagalov, leading expert of the Humanitarian Institute, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. E-mail: helios82@yandex.ru;

Mihail Sergeevich Topchiev, Candidate of Political sciences, leading expert of the Humanitarian Institute, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. E-mail: dc_mail@bk.ru.

The article analyzes how change in balance of youth»s ethnic and confessional identities influence the system of cultural and confessional safety of the multicultural region. It is noted that the authors understand confessional safety not so much as a system to preserve the content of any confession and its religious aspect (which is more a prerogative of the religious safety) but as prevention of religion-based conflicts. A conclusion is made that one of the basic components of the mechanism for preserving cultural and confessional safety is correct formation of ethnic and confessional identity in the youth environment. The data of sociological researches which were conducted in 2010-2013 is a basis to track the dynamics of changes in ethnic and confessional markers of the cultural and confessional safety system in a multinational environment of the student youth. The poll was carried out on the basis of Astrakhan State University as this educational institution is an urgent platform to study the level of tolerance, cultural safety and to define to what extent the Astrakhan citizens feel comfortable, «safe» in such a multicultural and multiconfessional environment. It is explained with the fact that apart from representatives of the regional ethnic groups a number of students coming from the near and far abroad countries to the university are increasing year by year. Due to this fact a process of natural entry of others to the environment makes the majority of students definitely formulate their attitude towards representatives of other ethnic groups. The conducted research dynamics showed that the level of intolerance increased significantly over the three year period in the student environment. An anxiety level is rather high which indicates problems in stability of the cultural and confessional safety system. It causes the desire of a major part of students to leave the region after being graduated.

Key words: confessional safety, religious identity, Astrakhan State University, sociological research, ethnic identity.

References

- 1. Andreev, A. P. (2005). *Natsionalnaya bezopasnost kak filosofskaya kategoriya* [National Security as a Philosophic Category]. Ufa: SOFIYa.
- 2. Arkhiepiskop Ioann (Popov), Vozmitel, A. A. & Khvylya, O. A. (2005). *Dukhovnaya bezopasnost Rossii* [Russian Spiritual Security]. Moskva: Logos.
- 3. Bespalenko, P. N. (2008). Konfessionalny faktor dukhovnoy bezopasnosti v politike sovremennoy Rossii [Confessional Factor of the Spiritual Security in Politics of Modern Russia]. *Nauchnye vedomosti Bel.GU* [Belgorod State University Scientific bulletin], 10 (50), 141-149.
- 4. Boden, J. (2000). *Metod legkogo poznaniya istorii* [Method for the Easy Knowledge of History]. Moskva: Nauka.
- 5. Vozhenikov, A. V. (2000). *Paradigma natsionalnoy bezopasnosti reformiruyushcheisya Rossii* [National Security Paradigm of Russia under Reforms]. Moskva: Izd-vo EDAS PAK.
- 6. Deryugin, Yu.I. (1997). Kontseptualnye osnovy politicheskoy bezopasnosti Rossii [Conceptual Framework of Russian Political Security]. *Politicheskaya bezopasnost Rossii: informatsionno-analitichesky byulleten* [Russian Political Security: Information and Analysis Bulletin], (29), 26-32.
- 7. Zapisotsky, A. S. (2002). Gumanitarnoe obrazovanie i problemy dukhovnoy bezopasnosti [Humanitarian Education and Issues of Spiritual Security]. *Pedagogika* [Pedagogic], 2, 3-8.
- 8. Zolotova, N. P. (1998). Teatr kak sotsiokulturny faktor dukhovnoy bezopasnosti strany [Theatre as a Social and Cultural Factor of Country's Spiritual Security]. *Analitichesky vestnik* [Analytical Bulletin], 4 (71), 45-47.
- 9. Ipatova, L. P. (2006) Pravoslavnaya identichnost kak personalny portret [Orthodox Identity as a Personal Portrait]. In *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii* [Civil, Ethnic and Religious Identities in Modern Russia] (pp. 171-176). Moskva: Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN.
- 10. Karpuhin, Yu.G. (2008). Armiya, pravookhranitelnye organy i religioznaya bezopasnost [Army, Law-Enforcement, Religion and Security] *Vestnik RGGU. Seriya "Pravo"* [RGGU Bulletin, Series "Law Sciences"], (5), 121-130.
- 11. Kuraev, A. (2004). *Khristianin v yazycheskom mire ili o naplevatelskom otnoshenii k porche* [Christian in the Pagan World or About a Devil-May-Care Attitude to Damage]. Moskva: Eksmo, Yauza.
- 12. Molchanovsky, V. F. (1997). Bezopasnost atribut sotsialnoy sistemy [Security is an Attribute of the Social System]. In *Analiz sistem na poroge XXI-go veka: teoriya i praktika: mat-ly mezhdunarodnoy konferentsii* [Analysis of systems at the turn of the 21st century: theory and practice: materials of the international conference] (pp. 170-177). Moskva: Intellekt.

- 13. Mchedlov, M. P. (2006). Religioznaya identichnost. O novykh problemakh v mezhtsivilizatsionnykh kontaktakh [Religious identity. On New Problems and Intercivilizational Contacts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (10), 26-38.
- 14. Mchedlova, M. M. (2011) *Mesto religii v sotsialno-politicheskom protsesse: tsivilizatsionnye osnovaniya i sovremennye tendentsii: avtoreferat dissertatsii ...* d-ra polit. nauk [Place of Religion in the Social and Political Process: Civilizational Grounds and Modern Tendencies: author's abstract of the thesis for Doctor of Political sciences]. Moskva.
- 15. Nysanbaev, A. & Kadyrzhanov, R. (2003). Bezopasnost Kazahstana [Security of Kazakhstan]. *Kazahstanskaya pravda* [Kazakhstan truth], (232).
- 16. Nashrueva, L. V. (2008). Sovremennye konfessionalnye protsessy (na primere Respubliki Kalmykiya) [Modern Confessional Processes (on the Example of the Republic of Kalmykiya)]. *Narody Kalmykii: problemy natsionalnogo samosoznaniya i tolerantnosti: sb. nauch. trudov* [Peoples of Kalmykiya: Issues of National Consciousness and Tolerance: collected scientific papers] (pp. 253-255). Elista: PGLU.
- 17. Perepelkin, L. (2000). Gosudarstvennaya natsionalnaya politika i problemy bezopasnosti v etnicheskoy sfere [State National Policy and Security Issues in the Ethnic Sphere]. *Konflikt dialog sotrudnichestvo* [Conflict Dialogue Cooperation], (2), 9-13.
- 18. Poslanie Generalnogo direktora YuNESKO g-na Koitiro Matsuury po sluchayu Vsemirnogo dnya kulturnogo raznoobraziya vo imya dialoga i razvitiya. (21 maya 2008 g.). [Message from the Director-General of UNESCO Mr. Koïchiro Matsuura on the occasion of World Day for Cultural Diversity for Dialogue and Development (May 21, 2008)]. (2008). Retrieved from: http://www.kyrnatcom.unesco.kz/press%20hq/press5.htm
- 19. Puchala, D. J. (2003). Bezopasnost chelovecheskaya [Human Security]. *Globalistika: Entsiklopediya* [Global Studies: Encyclopedia] (pp. 63-65). M.: Raduga.
- 20. Romanova, A. P. (2009). Multikonfessionalnost kak faktor sotsialnoy stabilnosti [Multiconfessionalism as a Factor of Social Stability]. Narody Prikaspiyskogo regiona. Dialog kultur: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferetscii, posvyashchonnoy 400-letiyu dobrovolnogo vkhozhdeniya v sostav Rossiyskogo gosudarstva [Peoples of the Caspian region. Dialogue of cultures: materials of the International research and training conference devoted to the 400th anniversary of the voluntary entry into the Russian state]. Elista: Izd-vo Kalmytskogo universiteta.
- 21. Romanova, A. P. & Marmilova V. O. (2008). Kulturnaya bezopasnost kak vazhneishy faktor natsionalnoy bezopasnosti [Cultural Safety as the Most Important Factor of National Security]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (2), 84-94.
- 22. Romanova A. P., Khlyshcheva E. V., Yakushenkov S. N. & Topchiev M. S. (2013). *Chuzhoy i kulturnaya bezopasnost* [Stranger and Cultural Safety]. Moskva. ROSSPEN.
- 23. Romanova, A. P. & Yakushenkov, S. N. (2013). Chuzhoy kak obyektivnaya realnost, dannaya nam v oshchushcheniyakh i razmyshleniyakh [Stranger as an Objective Reality Given to Us in Feelings and Thoughts]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], (2), 49-55.
- 24. Serebrennikov, V. V. (1996). *Sotsialnaya bezopasnost Rossii* [Social Security of Russia]. Moskva: RITs ISPI RAN.
- 25. Sikevich, Z. V. (1999) O sootnoshenii etnicheskogo i sotsialnogo [On Correlation of Ethnic and Social Aspects]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 11 (2), 71-79.

- 26. Flier, A. Ya. (1998). Kultura kak faktor natsionalnoy bezopasnosti [Culture as a Factor of National Security]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], (3), 181-187.
- 27. Shusteva, A. I. (2008). *Institutsionalno-pravovoe obespechenie gosudarstvenno-konfessionalnoy bezopasnosti v postsovetskoy Rossii*: avtoref. dissertatsii ... kand. yurid. nauk. [Institutional and Juridical Support of State Confessional Safety in the Post-Soviet Russia: author»s abstract of PhD thesis in Law Sciences]. Rostov-na-Donu.
- 28. Arweck, E. & Nesbitt, E. (2010). Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? *Journal of Contemporary Religion*, (25), 67-87.
- 29. Berger, P. L. & Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.
- 30. Ennaji, M. (2005). *Multilingualism, Cultural Identity, and Education in Morocco.* Boston: Springer Science & Business Media.
- 31. Forrest, S. (2004). Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. Retrieved from http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21
- 32. Harker, K. (2001). Immigrant generation, assimilation, and adolescent psychological well-being. *Social Forces*, 79 (3), 969-1004.
- 33. Hirschman, C. (2004). The role of religion in the origins and adaptations of immigrant groups in the United States. *International Migration Review*, 38 (3), 1206-1233.
- 34. King, P. E. & Boyatzis, C. J. (2004). Exploring adolescent spiritual and religious development: current and future theoretical and empirical perspectives. *Applied Developmental Science*, (8), 2-6.
- 35. King, V., Elder, G. H. & Whitbeck, L. B. (1997). Religious involvement among rural youth: An ecological and life-course perspective. *Journal of Research on Adolescence*, (7), 431-456.
- 36. Linz, J. J. (1996). Der religiöse Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion Ersatzideolo-giegegen Ersatzreligion. "Totalitarismus" und "PolitischeReligionen". Konzepte des Diktaturvergleichs (pp. 125-140). Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- 37. Maier, H. (1995). *Politischereligionen. Die totalitaeren regime und das Christentum.* Freiburg; Basel; Wien.
- 38. McCullough, M. E., Tsang, J. & Brion, S. (2003). Personality traits in adolescents as predictors of religiousness in early adulthood: Findings from the Terman longitudinal study. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (29), 980-991.
- 39. Phinney, J. S. & Ong, A. D. (2007). Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of Counseling Psychology*, (54), 271-281.
- 40. Van der Veer, P., Paul, T. V.& Hall, J. A. (1999). Political Religion in the Twenty-first Century. *International Order and the Future of World Politics*. Cambridge: University press.
- 41. Wallace, J. M., Forman, T. A., Caldwell, C. H. & Willis, D. S. (2003). Religion and U. S. secondary school students: Current patterns, recent trends, and sociodemographic correlates. *Youth Society*, (35), 98-125.
- 42. Wijeyesinghe, C. L. & Jackson, B. W. (2001). New perspectives on racial identity development. New York: NYU Press.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КУРСАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

М.В. Верстова, В.В. Верстов¹

В статье изложены результаты исследования курсантов университета МВД России. Гипотезой исследования послужило предположение о наличии различий в этнической толерантности, ценностных и культурно-ценностных ориентациях среди представителей славянских этносов и национальностей Северного Кавказа. Было выявлено, что показатели толерантности курсантов национальностей Северного Кавказа по всем субшкалам «Индекса толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой выражены в большей степени по сравнению с курсантами славянских этносов, особенно это касается показателей этнической толерантности, толерантности как черты личности, общей толерантности. Для определения тенденций формирования и становления культуры испытуемых применялся Тест культурно-ценностных ориентаций. Установлено, что этнические менталитеты курсантов славянских этносов и курсантов Северного Кавказа имеют отличия, но обе культуры преимущественно относятся к традиционным по классификации Ф. Клакхон и Ф. Стродбека, человек рассматривается как существо, зависимое от ближайшего социального окружения. Исследование терминальных и инструментальных ценностей по методике М. Рокича показало неоднозначные результаты. В аспекте терминальных ценностей профили групп оказались достаточно близкими (r = 0.810956 при p < 0.05). В аспекте инструментальных ценностей выявлена отрицательная значимая корреляция между ценностными профилями групп (r = -0.1063 при p < 0.05). Это может приводить к тому, что курсанты, имея одинаковые жизненные ценности, предпочитают противоположные ценности-средства для достижения своих пелей.

Полученные результаты подтверждают необходимость формирования и укрепления этнической толерантности курсантов славянских этносов и представителей национальностей Северного Кавказа в условиях профессионализации в учебном заведении.

Ключевые слова: этнос, этническая толерантность, социальная толерантность, ценности, ценностные ориентации

При работе с представителями этнических общностей приходится учитывать не только определенные традиции, обычаи, языковые особенности, но и

¹ Верстова Марина Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Эл. почта: vadimarin@inbox.ru;

Верстов Вадим Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия. Эл. почта: vadimarin@mail.ru.

свойственные им ценности. Одни и те же качества у представителей разных национальностей имеют свои особенности, по-своему проявляются в сознании, поведении, эмоциональных реакциях и определяют специфику взаимо-отношений в процессе учебной и профессиональной деятельности. В учебных коллективах наблюдается большое разнообразие форм межличностных отношений. Знание специфики проявления этнической толерантности курсантов в процессе взаимодействия может повысить эффективность учебной деятельности преподавателей вуза.

Исторически Российская Федерация сложилось как многонациональное государство. Согласно данным последней переписи населения, в России проживают представители более 180 национальностей (этнических групп), отсюда многообразие в стране культур, языков, этнического самосознания, ценностей, установок и т.д. Например, только на территории Краснодарского края проживает более 100 национальностей (этнических групп). Поэтому изучение ценностных ориентаций и этнической толерантности особенно актуально на примере нашего региона.

Понятие «этническая толерантность» можно трактовать по-разному. Так, например, Е.И. Шлягина, С.Н. Ениколопов рассматривают этническую толерантность как частный случай общей толерантности личности. Поэтому толерантность, проявляемую субъектом в новом для него социокультурном окружении, можно назвать этнической толерантностью [Солдатова, Шайгерова и др., 2008].

В литературе этническая толерантность представляется как личностное образование, входящее в структуру социальных установок. Она выражается в терпимости к иному образу жизни, инокультурным обычаям, традициям, нравам, чувствам, мнениям и идеям, выражаемым представителями других этносов и культур. Этническая толерантность личности проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора тогда, когда выработанные в ином социально-культурном образе жизни этнические стереотипы и нормы решения встающих перед личностью проблем не срабатывают, а новые нормы или стереотипы находятся в процессе своего формирования. Этническая толерантность личности обнаруживается и в проблемно-конфликтных ситуациях взаимодействия с представителями других этнических групп [Солдатова, Шайгерова и др., 2008].

Г. У. Солдатова, описывая этническую толерантность, выделяет следующие характеристики: знание самого себя, своих достоинств, недостатков; умение брать ответственность на себя (толерантный человек не склонен в своих бедах обвинять окружающих); ощущение безопасности и убежденность, что с угрозой можно справиться; меньшую потребность в определенности (толерантный человек не делит мир на черное и белое, а признает его многообразие, готов выслушать любую точку зрения и чувствует меньший дискомфорт в состоянии

неопределенности); ориентацию на себя и личностную независимость; меньшую приверженность к порядку (в том числе и социальному); способность к эмпатии; чувство юмора (способность посмеяться не только над другими, но и над собой, своими недостатками и ошибками); предпочтение не авторитаризма, а свободы и демократии (для толерантного человека общественная иерархия не имеет большого значения) [Солдатова, Шайгерова, 2008].

Таким образом, можно заключить, что этническая толерантность — это разносторонний феномен. В его основе лежит положительное отношение к своему и к другим народам, где существенным является ведущий характер толерантности: в нее входит как принятие мнения представителей других этносов, привычек, поведения, так и обмен ценностями.

В психологических работах можно встретить определение понятия «ценность» как «то, что человек особенно ценит в жизни, чему он придает особый, положительный жизненный смысл» [Слободчиков, Исаев, 1995]. В отечественной психологии сложился ряд школ и направлений, в которых аналогичные подходы к пониманию ценностей рассматриваются в различных аспектах изучения свойств личности. В одних школах личность рассматривается в связи с анализом ее деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), в других центральное место занимает изучение психологических отношений личности (В. Н. Мясищев), в-третьих, личность исследуется в связи с общением (К. А. Абульханова, А. А. Бодалев, Б. Ф. Ломов). С. Л. Рубинштейн также писал, что «ценности... производны от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории, значимо для человека» [Рубинштейн, 2000]. По мнению А.Г. Здравомысловой, ценности выступают важным связующим звеном между обществом, социальной средой и личностью, ее внутренним миром [Здравомыслов, 2000]. В концепции субъект-объектных взаимодействий, представленной теорией деятельности А.Н. Леонтьева, понятие субъективных ценностей в какой-то степени ассоциируется с понятием значимости, предполагающим связь индивидуальной представленности значений с эмоционально-мотивационной сферой [Леонтьев, 1979].

М. Рокич выделяет два класса ценностей: терминальные ценности — убеждения в том, что какая-либо конечная цель индивидуального существования с личной или общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные ценности — убеждения в том, что какой-либо образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях. Терминальные ценности носят более устойчивый характер, чем инструментальные, причем для них характерна меньшая межиндивидуальная вариативность [Леонтьев, 1992].

Понятие «ценность» отличается от понятия «ценностные ориентации» тем, что подразумевает «важный компонент мировоззрения личности или группо-

вой идеологии, выражающий (представляющий) предпочтения и стремления личности или группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей (благосостояние, здоровье, комфорт, познание, свобода, творчество, труд и т.п.)» [Гаврилова, 2003]. В психологической литературе разделение этих понятий сводится к рассмотрению ценностных ориентаций как индивидуальных форм репрезентации надиндивидуальных ценностей.

М.С. Яницким была предложена модель типологии личности, основанная на экспериментальном выделении типов, исходя из целостной иерархии ценностных ориентаций исследуемых. В качестве основания для группировки использовались выставленные исследуемыми ранги значимости терминальных ценностей (т.е. ценностей-целей) теста М. Рокича [Яницкий, 1997].

«Ценностные ориентации — это относительно устойчивое, избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели или средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности. В ценностных ориентациях как бы аккумулируется весь жизненный опыт, накопленный в индивидуальном развитии человека» [Здравомыслова, 1967], определяющий его взаимоотношения с другими людьми, преобразования личности, в том числе и по отношению к самой себе, являющий существо образа жизни индивида.

По В.А. Ядову, ценностные ориентации — это высший компонент регулятивной системы. Он характеризуется большей осознанностью, тем самым полностью зависит от ценностей социальной общности, с которой себя идентифицирует личность. Ценностные ориентации ученый определяет как систему личностных установок по отношению к существующим в данном обществе материальным и духовным ценностям. Это совокупность убеждений, принимаемых индивидом в качестве своих внутренних ориентаций [Ядов, 1994]. В современной социальной ситуации человек стремится принять такие ценности, жизненные ориентиры, которые позволили бы ему найти свое место в различных системах социального и этнического взаимодействия и помочь самоопределиться.

Таким образом, в психологическом исследовании ценность выступает как положительная (или отрицательная) значимость для определения общности или отдельной личности любых социальных явлений, в том числе и этнических. С субъективной стороны ценностями являются взгляды, убеждения, идеи и идеалы, нормативы и образы, интересы и жизненные планы, в соответствии с которыми и на основе которых эти объекты признаются ценными или вредными, или безразлично-нейтральными. Роль ценностей определяется тем, что они служат мотивообразующими факторами, участвуют в определении целей и средств, отвечающим тем или иным ценностям; служат основой принятия решений и критерием того, к чему следует стремиться и чего следует избегать; вносят устойчивость в поведение личности.

Система образования не должна оставаться в стороне от укрепления этнической толерантности и создания отношения к ней как к ценности общества. Например, сегодня в образовательных учреждениях преобладает информативная форма передачи знаний об этносах среди курсантов. Так, характеризуя психологические особенности личности курсантов, можно заметить, что процесс обучения в образовательных учреждениях МВД России имеет ряд характерных особенностей, отличающих их от общегражданских образовательных учреждений. Особенности этого процесса оказывают непосредственное воздействие на развитие и проявление психологических особенностей курсанта, этнической толерантности, а также ценностных ориентаций личности.

В связи с этим нами было проведено исследование этнической толерантности и ценностных ориентаций личности на примере курсантов образовательной организации МВД России. В исследовании приняли участие курсанты (юноши) Краснодарского университета МВД России (возрастной состав испытуемых — 19-22 года). Испытуемые были разделены на группы. Первая группа — представители славянских этносов (30 курсантов); вторая группа — представители национальностей Северного Кавказа (30 курсантов).

Гипотезой исследования послужило предположение о наличии различий в этнической толерантности, ценностных и культурно-ценностных ориентациях личности курсантов среди представителей славянских этносов и национальностей Северного Кавказа.

В качестве вспомогательных гипотез нами были выдвинуты следующие предположения: особенности личности курсантов проявляются в этнической толерантности, социальной толерантности, толерантности как черте личности, в жизненных конструктах, выраженных в общей культурно-ценностной ориентации; различия ценностных ориентаций детерминированы этнической принадлежностью будущих специалистов.

Изучая уровень этнической толерантности испытуемых с помощью методики «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, мы выявили, что индекс толерантности курсантов национальностей Северного Кавказа по субшкалам выражены в несколько большей степени по сравнению с группой славянских этносов (табл. 1). Чтобы увидеть, насколько отличаются выделенные нами группы друг от друга, вычислялись значения t-критерия Стьюдента.

Показатель общей толерантности курсантов был равен 82,58 балла по всей выборке. В группе представителей национальностей Северного Кавказа индекс толерантности — 90,66, это высокий показатель, т.е. испытуемые обладают определенными выраженными чертами толерантной личности (ведущими к размыванию «границ толерантности», которые в свою очередь могут быть связаны с психологическим инфантилизмом, тенденциям к попустительству, безразличием в обществе и т.д.). Также важно учитывать, что респонденты, попавшие в этот диапазон, могут демонстрировать высокую степень социальной

 $\begin{tabular}{l} $\it Tab\it nuu a 1 \\ \it Pesyntati uccnedobahus по методике «Индекс толерантности» \\ \end{tabular}$

Показатели	Значимость различий	Курсанты славянских этносов		Курсанты-представители национальностей Северного Кавказа	
		Среднее	Степень от- клонения	Среднее	Степень от- клонения
Этническая толерант- ность	0,01203	23,5	4,39	30,33	3,98
Социальная толе-	0,10056	27,25	4,5	31,66	5,85
Толерантность как черта личности	0,04561	26,0	3,77	30,33	3,14
Общая толерантность	0,03211	77,2	10,62	90,66	9,97

желательности. В группе славянских этносов средний индекс равен 77,2 балла, что существенно ниже, чем у представителей национальностей Северного Кавказа. Такие результаты демонстрируют респонденты, для которых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. В одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность.

В группе представителей национальностей Северного Кавказа 46% продемонстрировали высокий уровень этнической толерантности, т.е. почти половина выделенной нами группы полностью принимает представителей другого этноса, в отличие от группы славянских этносов, где этот показатель составил всего 10%. В целом курсанты из группы Северного Кавказа продемонстрировали доброжелательность, вежливость и терпение, высокий уровень сопереживания, при этом почти каждый третий респондент считает нормальным думать, что его народ лучше, чем другие. Показатель этнической толерантности у них статистически выше, чем у курсантов славянских этносов.

Показатель по субшкале «социальная толерантность» составил 28,81 балла для всей выборки, что соответствует среднему уровню толерантности. В группе курсантов славянских этносов индекс оказался средним (x = 27,25), а у курсантов с Северного Кавказа показатели выше (x = 31,66).

По показателю субшкалы «толерантность как черта личности» группа представителей национальностей Северного Кавказа показала значения (x = 30,33), которые выше, чем у представителей группы славянских этносов (x = 26,0) (p<0,05).

Таким образом, по шкалам «Этническая толерантность», «Толерантность как черта личности» и «Общая толерантность» были выявлены статистически

значимые различия между группами курсантов славянских этносов и курсантов с Северного Кавказа.

Для определения основных тенденций формирования и становления культуры испытуемых мы применили Тест культурно-ценностных ориентаций [Сонин, 2004]. В основание теста легло представление о трех типах культуры.

Исходя из теории ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродбека, в основе которой лежат различия между культурами, американский психолог Дж. Таусенд предложил тест культурно-ценностных ориентаций, основанный на представлении о различных ценностных ориентациях и общей направленности культур (адаптация теста для русскоязычной выборки Л.Г. Почебут).

Тест культурно-ценностных ориентаций — это не личностный тест, он предназначен для определения основных тенденций становления психологического склада наций, принадлежащих к разным культурам. Процедура теста культурно-ценностных ориентаций заключается в том, что испытуемые отмечают в каждом разделе то утверждение, которое наилучшим образом описывает ценностную ориентацию его народа. Им предлагают вспомнить, чему их учили семья, школа, религия, при ответе просят не руководствоваться современными взглядами в том случае, если они отличаются от того, чему их учили.

В основу теста заложено представление о трех типах национальной культуры [Татарко, Лебедева, 2011]. Первый тип — традиционная национальная культура — характеризуется ориентацией людей на прошлое, приверженностью традициям, интересом к истории.

Второй тип — современная национальная культура — отражает ориентацию людей на настоящее, на современные им события.

Третий тип — динамически развивающаяся национальная культура — характеризуется ориентацией людей на будущее, на достижение быстрых значительных результатов.

Ориентация на будущее выражена только у курсантов — представителей национальностей Северного Кавказа (38%), по-видимому, они рассматривают свою культуру как динамически развивающуюся и этим отличаются от курсантов славянских этносов.

В отношении к природе для тестируемых характерна ориентация на гармонию с природой: у курсантов с Северного Кавказа ориентация на гармонию с природой составила 92%, у курсантов славянских этносов — 64%. Это характерно для наций, в менталитете которых центральное положение занимают ценности традиционной культуры, они стремятся не противопоставлять природу и человека, рассматривая их как единое целое (как видим, в группе курсантов с Северного Кавказа единство природы и человека выражено сильнее).

Согласно результатам опроса по теме третьего раздела, в группах курсантов славянских этносов и курсантов с Северного Кавказа преобладают ценности

 $\begin{tabular}{ll} $\it Taбauya~2$ \\ \begin{tabular}{ll} Культурно-ценностные ориентации курсантов славянских этносов и курсантов национальностей Северного Кавказа, % \end{tabular}$

Темы раздела	Курсанты сла- вянских этно- сов	Курсанты на- циональностей Северного Кавказа
1. В моей культуре важнейшим фактором при принятии решений люди считают:		
прошлое	46	38
настоящее	54	24
будущее	0	38
2. В моей культуре люди обычно считают, что они:		
жертвы природных сил	18	8
живут в гармонии с природой	64	92
управляют многими природными силами	18	0
3. В моей культуре считается, что если людьми не управлять, то они, вероятно, будут совершать:		
плохие поступки	18	15
плохие и хорошие поступки	82	62
хорошие поступки	0	23
4. В моей культуре люди считают самым основным в своих взаимоотношениях:		
наследство и происхождение	28	30
большую семью	36	70
индивидуальность, самобытность личности	36	0
5. В моей культуре люди полагают, что:		
существование само по себе достаточно для жизни	0	0
рост и развитие личности является самой важной целью в жизни	64	70
практическая деятельность и достижение совершен- ства — лучшая цель	36	30

традиционной культуры, характерен уклон в сторону признания необходимости контроля и ограничения свободы. 82% курсантов славянских этносов и 62% курсантов — представителей национальностей Северного Кавказа считают, что если людьми не руководить, то они склоны совершать плохие и хорошие поступки. Интересно, что 23% курсантов с Северного Кавказа полагают, что если людьми не руководить, то они склоны совершать хорошие поступки; среди курсантов славянских этносов таких ответов нет вообще.

Таблица 3 Показатели терминальных ценностей курсантов славянских этносов и курсантов национальностей Северного Кавказа

Терминальные ценности	Курсанты славянских этносов		Курсанты на- циональностей Северного Кавказа	
	Ранг	Средний балл	Ранг	Средний балл
1. Активная деятельная жизнь*	5	6,25	8	9,77
2. Жизненная мудрость	7	7,5	4	5,92
3. Здоровье	2	4,75	2	2,85
4. Интересная работа*	12	10,75	15	12,8
5. Красота природы и искусства	18	16,25	18	15,7
6. Любовь	6	7,0	5	6,7
7. Материально обеспеченная жизнь	10	9,75	6	7,0
8. Наличие хороших и верных друзей	1	3,75	3	3,62
9. Общественное признание	11	10,5	14	11,9
10. Познание (расширение кругозора)	16	13,7	11	10,3
11. Продуктивная жизнь *	14	13,25	9	10,0
12. Развитие, работа над собой*	9	8,25	10	10,2
13. Развлечения *	13	12,0	16	15,0
14. Свобода	8	8,0	12	11,1
15. Счастливая семейная жизнь*	3	5,25	1	2,31
16. Счастье других	15	13,5	13	11,5
17. Творчество	17	15,5	17	15,6
18. Уверенность в себе	4	5,5	7	9,2

Примечание: * — статистически значимые различия, использовался t-критерий Стьюдента, p<0,05.

В ответах на четвертый вопрос обнаружилось наибольшее различие в отношении к тому, что является основным для взаимоотношений. Первое место принадлежит ответу «большая семья», так ответили 70% курсантов с Северного Кавказа. Среди курсантов славянских этносов этой позиции придерживаются только 36%, столько же отдают предпочтение позиции «индивидуальность, самобытность личности».

В ответе на последний вопрос курсанты славянских этносов и курсанты с Северного Кавказа проявили единство во взглядах, однако в качестве ответов выбрали характерные не для традиционных коллективистских культур («существование само по себе достаточно для жизни» по 0% в двух группах), а

 $\begin{tabular}{l} $\it Taблицa~4$ \\ $\it \Pi$ Показатели инструментальных ценностей курсантов славянских этносов и курсантов национальностей Северного Кавказа

Инструментальные ценности	Курсанты славянских этносов		Курсанты националь- ностей Северного Кавказа	
	Ранг	Средний балл	Ранг	Средний балл
1. Аккуратность (чистоплотность) *	17	13,67	2	5,69
2. Воспитанность *	15	12,0	1	1,69
3. Высокие запросы	8	8,5	18	15,1
4. Жизнерадостность *	4	6,25	8	9,38
5. Исполнительность	14	11,67	10	9,85
6. Независимость	1	5,0	12	10,9
7. Непримиримость к недостаткам	12	10,0	17	14,5
8. Образованность	6	6,9	3	6,31
9. Ответственность	11	9,33	4	6,54
10. Рационализм *	3	6,0	15	11,7
11. Самоконтроль	7	7,5	5	6,85
12. Смелость в своем мнении	10	9,0	7	8,92
13. Твердая воля *	2	5,33	9	9,46
14. Терпимость	18	15,0	11	10,8
15. Широта взглядов	13	11,0	14	11,2
16. Честность	5	6,67	6	8,62
17. Эффективность в делах *	9	8,67	16	12,5
18. Чуткость	16	12,67	13	11,1

Примечание: * — статистически значимые различия, использовался t-критерий Стьюдента, p<0,05.

для современной и динамически развивающейся — *«рост и развитие лично-сти является самой важной целью в жизни»*.

В целом этнические менталитеты курсантов славянских этносов и курсантов с Северного Кавказа имеют отличия, но обе культуры преимущественно относятся к традиционным по классификации Ф. Клакхон и Ф. Стродбека, где человек рассматривается как существо, зависимое от ближайшего социального окружения. В такой культуре не допускается внутренняя свобода человека. За его действиями, поступками и даже мыслями осуществляется постоянный строгий контроль со стороны сообщества. Люди этой культуры воспринимают природу как вечную тайну бытия, как неразрешимую загадку, отгадать которую они не стремятся. Деятельность человека строго регламентирована. За успехи в работе и творческое отношение к делу человека, как правило, возна-

граждают не сразу, а через какое-то время, наверняка на выбор испытуемых оказывают влияние условия профессионализации в учебном заведении.

Исследование терминальных и инструментальных ценностей по методике М. Рокича показало неоднозначные результаты в рассматриваемых группах (табл. 3 и 4).

Среди наиболее предпочитаемых терминальных ценностей в обеих группах присутствуют счастливая семейная жизнь (1-е место у курсантов с Северного Кавказа, 3-е место у курсантов славянских этносов), здоровье (2-е место в обеих группах), наличие хороших и верных друзей (1-е место у курсантов славянских этносов и 3-е место у курсантов Северного Кавказа). Корреляционный анализ показал, что ценностные профили групп достаточно близки (r = 0.810956 при p < 0.05).

Максимальные различия прослеживаются между группами в инструментальных ценностях. Здесь выявлена отрицательная значимая корреляция между ценностными профилями групп (r = -0.1063 при p < 0.05).

Групповая иерархия инструментальных ценностей (т.е. ценностей-средств) курсантов — представителей национальностей Северного Кавказа характеризуется предпочтительной ориентацией на воспитанность, аккуратность, образованность, ответственность, самоконтроль при низкой значимости таких ценностей, как рационализм, эффективность в делах, непримиримость к недостаткам, высокие запросы. А в группе славян групповая иерархия инструментальных ценностей курсантов характеризуется преобладанием независимости, твердой воли, рационализма, жизнерадостности, честности. Молодежь Северного Кавказа отличается от курсантов-славян достоверно более высоким предпочтением аккуратности (чистоплотности), воспитанности, независимости и жизнерадостности.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что курсанты, имея одинаковые жизненные ценности, предпочитают противоположные ценности-средства для достижения своих целей. Данные результаты актуализируют проблему формирования и укрепления этнической толерантности личности курсантов славянских этносов и представителей национальностей Северного Кавказа в условиях профессионализации в учебном заведении.

Таким образом, сформулированная гипотеза о различной этнической толерантности, ценностных и культурно-ценностных ориентациях личности курсантов среди представителей славянских этносов и национальностей Северного Кавказа получила свое подтверждение. Результаты исследования показали, что существуют различия между курсантами славянских этносов и курсантами Северного Кавказа в инструментальных ценностях, в показателях толерантности и в отдельных культурно-ценностных ориентациях. Знание этих отличий может повысить эффективность учебной деятельности преподавателей вуза.

Библиографический список

- 1. Баронин, А. С. (2000). Этнопсихология. Киев: МАУП.
- 2. Гаврилова, Е. В. (2003). Субъективная категоризация в межличностном познании и ценностные ориентации личности: автореф. дисс...канд. психол. наук. Краснодар.
- 3. Здравомыслов, А. Г. (1967). Человек и его работа. Социологическое исследование. М.: Наука.
- 4. Здравомыслов, А. Г. (1986). Потребности. Интересы. Ценности. Актуальные проблемы исторического материализма. М.: Политиздат.
- 5. Лебедева, Н.М. Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью. 2011. В А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева (ред.) Методы этнической и кросс-культурной психологии (с. 14-15). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- 6. Леонтьев, А. Н. (1979). Психология образа. Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, 2, 3-13.
- 7. Леонтьев, Д. А. (1992). Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл.
- 8. Почебут, Л. Г. (2012). Кросс-культурная и этническая психология. СПб.: Питер.
- Рубинштейн, С. Л. (2000). Основы общей психологии. СПб.: Питер.
- 10. Слободчиков, В. И., Исаев, Е. И. (1995). Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс.
- 11. Солдатова, Г. У., Шайгерова, Л. А. (2008). Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл.
- 12. Солдатова, Г. У., Шайгерова, Л. А., Прокофьева, Т. Ю., Кравцова, О. А. (2008). *Психо*диагностика толерантности личности. М.: Смысл.
- 13. Солдатова, И. Ф. (2006). Психологическое обеспечение курсантов образовательных учреждений МВД, нуждающихся в повышенном внимании психологов: дисс. канд.... психол. наук. СПб.
- 14. Тест культурно-ценностных ориентации. (2004). В В. А. Сонин (ред.) Психодиагностическое познание профессиональной деятельности (с. 212-215). СПб.: Речь.
- 15. Хармз, В. (2002). Психологическая адаптация эмигрантов. СПб.: Питер
- 16. Ядов, В. А. (1994). Социальная идентификация в кризисном обществе. Социологический журнал, (1), 35-52.
- 17. Яницкий, М. С. 1997. К проблеме аксиологической типологии личности. В Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып. 3. Ч. 1. (с. 391-398). СПб.

Статья поступила в редакцию 08.06.2014.

.

PECULIARITIES OF THE ETHNIC TOLERANCE AND VALUE ORIENTATIONS OF THE STUDENTS OF THE UNIVERSITY OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

M. V. Verstova, V. V. Verstov

Marina Viktorovna Verstova, Candidate of Psychological Sciences, Docent of the Chair of Social Psychology and Management Sociology of Kuban State University, Kransodar, Russia. E-mail: vadimarin@inbox.ru,

Vadim Viktorovich Verstov, Candidate of Legal Sciences, Docent of the Chair of Civil Law and Civil Procedure of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Kransodar, Russia. E-mail: vadimarin@mail.ru.

The article describes the results of the study of the students (Russian: kursants) of the University of the Russian Ministry of Internal Affairs. It has been hypothesized that there are differences between the representatives of the Slavic and Northern Caucasus ethnicities in the ethnic tolerance, value orientations, and cultural value orientations. It has been found out that the tolerance indicators of the students, representing the Northern Caucasus ethnicities, are more distinct in comparison with the students of the Slavic ethnicities according to all the subscales "Tolerance Index", developed by G. U. Soldatova and O. A. Kravtsova, especially in terms of the indicators of ethnic tolerance, tolerance as a personal feature, and common tolerance. The Test of Cultural Value Orientations was applied to determine the tendencies of the formation and development of the examined students' culture. The test results have shown that the ethnical mentalities of the Slavic students and the students from the Northern Caucasus differ but both cultures mainly belong to traditional cultures according to the classification by F. Kluckhohn and F. Strodtbeck. They consider a person to be a living creature, depending on the immediate social environment. The study of terminal and instrumental values after the methods by M. Rokeach has produced the ambiguous results. In terms of terminal values, the characteristics of the groups have appeared to be rather similar (r = 0.810956 when p <0.05). In terms of instrumental values, the negative significant correlation between the value characteristics of the groups (r = -0.1063 when p < 0.05) was determined. It may cause that the students, having the same basic life values, prefer contrary values (means) to achieve

The research findings prove the necessity to form and strengthen the ethnic tolerance of the students of the Slavic and the Northern Caucasus ethnicities in the conditions of the professional development during the study at the higher education institution.

Key words: ethnos, ethnic tolerance, social tolerance, values, and value orientation

References

- 1. Baronin, A. S. (2000). Etnopsikhologiya [Ethnopsychology]. Kiev: MAUP.
- 2. Gavrilova, E. V. (2003). Sub"ektivnaya kategorizatsiya v mezhlichnostnom poznanii i tsennostnye orientatsii lichnosti [Subjective classification in the interpersonal cognition and value orientations of a person]: dissertation abstract of Candidate of Psychological Sciences. Krasnodar.
- 3. Kharmz, V. (2002). *Psikhologicheskaya adaptatsiya emigrantov* [Psychological adaptation of emigrants]. Saint-Petersburg: Piter.
- 4. Lebedeva, N. M. Shkala ekspress-otsenki chuvstv, svyazannykh s etnicheskoj prinadlezhnost'yu [Scale of express-evaluation of the feelings, involving ethnicity]. (2011). In A. N. Tatarko, N. M. Lebedeva (Ed.) *Metody etnicheskoj i kross-kulturnoj psikhologii* [Methods of Folk and Cross-cultural Psychology] (pp. 14-15). Moscow: publishing house of the National Research University "Higher School of Economics".
- 5. Leont'ev, D. A. (1992). *Metodika izucheniya tsennostnykh orientatsij* [Methods of Value Orientation Study]. Moscow: Smysl.
- 6. Leont'ev, A. N. (1979). Psikhologiya obraza [Psychology of a character]. *Vestnik MGU. Series 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow State University. Psychology], 2, 3-13.

- 7. Pochebut, L. G. (2012). Kross-kulturnaya i etnicheskaya psikhologiya [Cross-cultural and Folk Psychology]. Saint-Petersburg: Piter.
- Rubinstein, S. L. (2000). Osnovy obshchej psikhologii [Principles of General Psychology]. Saint-Petersburg: Piter.
- Slobodchikov, V. I. & Isaev, E. I. (1995). Osnovy psikhologicheskoj antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub'ektivnosti [Principles of psychological anthropology. Human Psychology: introduction to Subjective Psychology]. Moscow: Shkola-Press.
- 10. Soldatova, G. U. & Shajgerova, L. A. (2008). Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnostics of personal tolerance]. Moscow: Smysl.
- 11. Soldatova, G. U., Shajgerova, L. A., Prokof'eva, T. Yu. & Kravtsova, O. A. (2008). Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnostics of personal tolerance]. Moscow: Smysl.
- 12. Soldatova, I. F. (2006). Psikhologicheskoe obespechenie kursantov obrazovateľnykh uchrezhdenij MVD, nuzhdayushchikhsya v povyshennom vnimanii psikhologov [Psychological support of the students of the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs, needing a special care of psychologists]: dissertation abstract of Candidate of Psychological Sciences. Saint-Petersburg.
- 13. Test kulturno-tsennostnykh orientatsij [Test of cultural value orientations]. (2004). In V.A. Sonin (Ed.) Psikhodiagnosticheskoe poznanie professional'noj deyatel'nosti [Psychodiagnostical cognition of the professional activity] (pp. 212-215). Saint-Petersburg: Rech.
- 14. Yadov, V. A. (1994). Sotsial'naya identifikatsiya v krizisnom obshchestve [Social identification in the society in the conditions of crisis]. Sotsiologicheskij zhulnal [Sociological Journal], (1), 35-52.
- 15. Yanitskij, M. S. 1997. K probleme aksiologicheskoj tipologii lichnosti [On the problem of the axiological typology of a person]. In Teoreticheskie i prikladnye voprosy psikhologii [Theoretical and applied issues of Psychology]. Issue 3. Part 1. (pp. 391-398). Saint-Petersburg.
- 16. Zdravomyslov, A. G. (1967). Chelovek i ego rabota. Sotsiologicheskoe issledovanie. [Human beings and their jobs. Social research]. Moscow: Nauka.
- 17. Zdravomyslov, A. G. (1986). Potrebnosti. Interesy. Tsennosti. Aktual'nye problemy istoricheskogo materializma [Needs. Interests. Values. Topical problems of historical materialism]. Moscow: Politizdat.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ax): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется Библиографический список, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — **автор»** (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) по-казывают, что...
 - In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
 - Walker (2000) compared reaction times...
 - Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждению сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: aвтора, pedaктора (если он есть), rod издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите *название* на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите *редактора* на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, *1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], *1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. Спортивный психолог, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? Psychology Today, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. Информаиионный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), cc. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies.* (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Аюсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). Handbook of consumer psychology. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O.K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О.К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы *журнала* или *книгоиздателя*.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа http://chsu.kubsu.ru/index.php/r u/archive-n/2013/2013-3
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/20 13/2013-3
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, *4* (2): 43-50. Retrieved from http://ojs.lib.swin.edu.au/index. php/ejap/article/view/8/157

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. Эксперт Сибирь, 25 (422). Режим доступа http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology, 40* (8). Retrieved from http://www.apa.org/monitor/

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). Los Angeles Times, Retrieved from http://www.latimes.com
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). Газета.ру, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

• Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rossyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologitcheskyi podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi:10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

• Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), Encyclopedia of play in today's society. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

• Grohol, J. M. (2009, March 30). Why τ do we swear? [Web log post]. Retrieved from http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

• U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

• Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from http://eric.ed.gov

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

• Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity.* (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствие с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412H.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4^{th} floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.